

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 2 / 2019

Сентябрь-Декабрь

**В следующем выпуске
литературного приложения:**

Повесть

Владимир Кириллов

«Межгалактическая скорая помощь»

Повесть

Игорь Стеценко

«Личное дело»

Рассказ

Марина Нугманова

«Сам себе Парамон»

Рассказ

Дмитрий Игнатов

«Корабль Тесея»

Рассказ

Александр Юдин, Сергей Юдин

«Куры ноги»

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 2/2019

№ 2 (29)
Издается с 2006 года

www.znanie-sila.ru

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
П. Ртищев
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина

Обложка

в оформлении использован
рисунок Thomas Budach
с сайта pixabay.com

Компьютерная верстка

И. Ракитина

Подписано к печати 07.08.2019
Формат 60x90/16.
Печать цифровая
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отг.
31,95.
Тираж 200 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (499)235-89-35
Факс: (499)235-02-52
E-mail: zn-sila@topnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в АО «Т8 Издательские
технологии»
109316, г. Москва,
Волгоградский пр-т, д.42, корп.5
Тел.: (495)322-38-31

СОДЕРЖАНИЕ

БУДУЩЕЕ

- 3** *А. Смирнов*
Герой
- 6** *Я. Хотеев*
Космический якорь
- 9** *Д. Тюлин*
Мезозойская Леда

КОСМОС

- 15** *А. Анисимов*
По течению (повесть)
- 29** *А. Романов*
Один к десяти целым трем десятым
- 42** *М. Фримен*
Безнадёга / Желание

КОНТАКТ

- 46** *К. Берендеев*
Наши боги
- 54** *П. Подзоров*
Интервью

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- 60** *Ю. Ковалёв*
Ведьмак
- 69** *М. Перчун*
Мешок

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

- 71** *В. Анин*
Лабиринт
- 84** *Е. Ткачев*
Придорожье (повесть)

ЮМОРКОН

- 100** *М. Диденко*
Война с веганами
- 108** *С. Белокрыльцев*
Перекус идеями
- 114** *М. Никитин*
Почему вымерли динозавры
- 120** *А. Татаринов*
Пароль: парусник

Александр Смирнов

Герой

Сергей в очередной раз рассматривал мятую листовку. «Устал от войны? Хочешь начать новую жизнь? Планета Тау Кита ждёт тебя! Пройди отбор и сделай свой вклад в будущее нашей колонии!» Кричащие красные буквы, идиллический пейзаж на картинке и адрес вербовочного пункта внизу — такие листовки в последнее время получали многие.

Соблазн бросить всё и отправиться за двенадцать световых лет в поисках лучшей жизни был велик — через месяц Сергею исполнялось восемнадцать, а идти на войну не хотелось совершенно. Война шла уже пять лет, все эти годы стороны наступали с переменным успехом, но никто не мог добиться решающего преимущества. Хотя оружие массового поражения уничтожили ещё в прошлом веке, человечество накопило изрядное количество других средств убийства, и потери были велики. При этом повод и смысл этой войны для народа оставался туманным — официальная пропаганда меняла версии в зависимости от ситуации. Истину знала, похоже, только правящая Партия Порядка.

На вербовочном пункте былолюдно — очередь из желающих сбежать с Земли заняла весь просторный холл и хвостом вилась по улице. В первый день претендентам требовалось лишь заполнить анкету со стандартными вопросами, на основании которой проводилась первичная фильтрация. Через неделю курьер доставил Сергею официальное предписание явиться для прохождения окончательного отбора по указанному адресу со списком вещей, которые можно взять с собой — в случае успеха пути назад уже не было.

И вот позади десять дней бесконечных тестов, большинство из которых в явной или завуалированной форме проверяли преданность делу Партии Порядка, что, впрочем, не особо удивляло — партийная идеология вбивалась в головы с детства, а в годы войны пропаганда только усилилась. По окончании испытаний претендентов распределили по автобусам. Только один из автобусов отправился вглубь страны на космодром. Среди шестнадцати счастливцев оказался и Сергей.

Корабль, привёзший новых колонистов и груз продовольствия и металлических изделий, приземлился рядом со своим гигантским собратом, накрывавшим тенью всю посадочную площадку. Новичков встречала группа мужчин в одинаковой серой одежде с эмблемой Партии Порядка на левой стороне груди.

Подошедший к Сергею полный мужчина лет сорока с пристальным взглядом назвался Геннадием и сообщил, что он будет куратором новичка. Он показал Сергею колонию, состоявшую из пяти длинных бревенчатых бараков, где жило большинство колонистов, около пятисот человек, здания поменьше, где размещались кураторы, и большого бетонного заводского корпуса в отдалении — через два дня Сергею предстояло приступить к работе там. Что производит завод, Геннадий сказать отказался, ответив лишь, что продукция очень важна для Земли и Партии Порядка. «В своё время узнаешь подробней», — пресёк он дальнейшие расспросы.

Сергея поселили в четвёртом бараке в большой комнате вместе с остальными пятнадцатью новичками. В первые дни новички общались в основном между собой — старые колонисты от разговоров старались уклоняться. Постоянные недомолвки и всеобщая скрытность напоминали о Земле, где все следили за всеми, боялись сказать лишнее. Сбежав от земного общества, колонисты оказались внутри его миниатюрного клона. Но здесь не было войны.

На третий день Сергей начал работать на заводе. Поначалу он отвечал за первый этап некоего технологического процесса — его задача состояла в том, чтобы следить за правильностью действий автомата, формировавшего из металлических листов длинные полые трубки метрового диаметра. Что оказывалось на выходе конвейера, можно было только догадываться.

Отношения с другими колонистами по-прежнему не складывались — охотно шёл на контакт только куратор Геннадий, но с ним откровенничать хотелось меньше всего. Поэтому по вечерам Сергей предпочитал уединяться на берегу реки, протекавшей в километре от колонии, и смотреть на закат. Для отвода глаз он брал с собой книгу, но читал мало, в основном размышляя об увиденном за день.

Пейзаж, открывавшийся с высокого берега, напоминал о Земле: тихо струилась река, уходили вдаль цветущие луга, на горизонте в тёплых тонах летнего заката тонул лес. Носились в воздухе вечерние птицы, охотясь на зазевавшуюся мошкарку. Звон крыльев сотен насекомых наполнял воздух, но в звоне этом не было комариной назойливости, человек явно пришёлся местным кровососущим не по вкусу. Лето на Тау Кита длилось в два раза дольше земного, и долгие сумерки были теплы и приятны.

Спустя неделю металлические листы, привезённые с Земли, закончились, и Сергея стали переводить с одной работы на другую, что позволило ему, наконец, понять суть происходящего на планете. Окончательное понимание наступило, когда, случайно оказавшись во время рабочего дня снаружи, он увидел приземлившийся на крыше завода летательный аппарат и людей в защитных костюмах, с величайшей осторожностью выгружающих из него тяжёлый контейнер.

Вечером Сергей, как обычно, отправился к реке. Однако там его уже поджидал Геннадий.

— Ты видел?

— Да, — не стал отрицать Сергей.

— И что ты думаешь по этому поводу?

— Я думаю, что конвенция...

— Конвенция 2253 года запрещает производство атомного оружия на Земле и действует только на Земле. Но мы не на Земле. Там добыча и использование радиоактивных руд под международным контролем, даже во время войны мы ничего не можем сделать. Это невероятная удача, что мы добрались до планеты, богатой ураном. И что на Земле только руководство партии знает об этом. Как только у нас будет достаточное количество боеголовок, мы отправим их на Землю на нашем корабле и выиграем войну. Ты ведь хочешь выиграть войну? Или ты долбаный пацифист?

— Никакой я не пацифист. Я предан делу Партии Порядка!

— Что ж, я и не сомневался.

В последующие недели Сергей чувствовал повышенное внимание к своей персоне как со стороны кураторов, так и со стороны нескольких обычных колонистов. Будь как все — этот закон впитался под кожу ещё на Земле.

Постепенно внимание ослабло — видимо, Сергей доказал свою благонадёжность. Всё так же его перебрасывали с одной работы на другую, как, впрочем, и других колонистов.

Прошло четыре месяца. За это время прибыло несколько новых партий колонистов, и Сергей уже считался старожилом. Вместе с пополнением прибывали и материалы для производства ракет, достаточно малыми партиями, чтобы считаться материалами для обустройства колонии.

Сергей согласился присматривать за последней группой новичков, вызвав тем самым одобрение кураторов. Как следствие, ему стали доверять наиболее важные технологические операции на заводе.

Сергей не был героем. Однако, он прекрасно понимал, что атомная война приведёт к гибели всего человечества. Именно поэтому одним тихим утром над колонией на планете Тау Кита f поднялся огромный огненный гриб.

Об авторе

Родился в Ярославле. В 2008 году окончил математический факультет Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, специальность «Прикладная математика и информатика». Кандидат физико-математических наук. Доцент кафедры теоретической информатики ЯрГУ.

Первые рассказы написал в 6 лет. В 12 лет стал писать произведения, которые впоследствии были опубликованы. Печататься начал в 2007 году. Имеется более 120 публикаций в различных изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, США, Канады, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Германии и Финляндии («Машины и Механизмы», «Очевидное и Невероятное», «Экология и жизнь», «Техника — молодёжи», «Журнал ПОэтов», «Юность», «Нива», «Второй Петербург», «Вокзал», «Крылья», «Черновик», «Жемчужина» и мн. др.). В литературном приложении «Знание-сила: Фантастика» № 3/2008 опубликован рассказ «Сеть», в № 1/2011 — рассказ «Пять шагов», в № 1/2015 — рассказ «Сжатый мир», в № 1/2018 — рассказ «Отражения», в № 1/2019 — рассказ «Экспедиция на Япет».

Ярослав Хотеев

Космический якорь

Космос всегда был для меня чем-то грустным. Всю бесконечность Вселенной я могу описать одним словом — расставание.

С мужем мы познакомились незадолго до второго космического «Бума». Марс открыли для переселения, и поток колонистов хлынул с родной планеты в поисках лучшей жизни. Эдгард не был в их числе. Выращивание корнеплодов, постройка домов и изучение грунта не для него. Он не мог топтаться на самом пороге Вселенной, когда стоит протянуть руку, и окажешься в неизвестности. Эдгард был в числе тех, кто открывал планеты, давал им имена и мчался дальше.

Еще до свадьбы, он спросил, почему я не лечу на Марс или хотя бы Луну? Я лишь пожала плечами и сказала, что переживаю. Ведь на Земле может совсем не остаться людей, а кто-то обязательно должен присмотреть за нашим домом. Он усмехнулся и на следующий день сделал мне предложение.

— Пока ты остаешься на Земле, я обязательно вернусь домой. Будь моим якорем в океане звезд.

И я им стала.

Через несколько недель он улетел, а я осталась наблюдать, как продолжительная задержка плавно перетекает в беременность. Одна часть меня грустила по мужу, другую переполняло счастье стать мамой.

То, что будет мальчик, я не сомневалась. И может так сошлись звезды, или вмешалась сама Вселенная, а может просто благодаря моей уверенности, но я родила любимому наследника. Спустя три месяца вернулся и сам отец.

Я никогда не забуду то счастливое время. Эдгарду дали отпуск почти на полгода, и я сияла ярче солнца.

— Ярче белого карлика, — так говорил любимый.

Сыну дали имя — Альфер, в честь самой яркой звезды в созвездии Андромеды.

Я не возражала. Имя мальчику должен выбирать отец. Так было и есть. И так будет впредь.

Когда начались сборы в очередную экспедицию, под моим сердцем теплилась новая жизнь.

Имя отец выбрал уже в полете — Мирах, в честь красного гиганта Андромеды. Мальчик действительно рос быстро, и вскоре мог перегнать брата.

Эдгард вернулся, когда младшему сыну исполнилось полтора года, а старшему три.

Он был вымотан и подавлен. Экспедиция окончилась неудачно: цель не выполнена, руководство недовольно, но что важнее, расстроен сам Эдгард. Я пыталась утешить любимого, но времени оказалось слишком мало. В следующем месяце было решено отправить экспедицию повторно. Муж воспрянул духом. Его не пугали миллионы километров разлуки, он грезил полетами и не мыслил жизни без них. А я была той единственной, ради кого стоит остановиться и вернуться назад.

Альфер и Мирах сонно потирали глазки, когда Эдгард уходил.

— Дай имя для третьей звездочки, — шепчу я на прощанье.

Альмак ждал встречи с отцом почти до трех лет. Альфер уже учился во втором классе, а Мирах готовился к поступлению в первый. Возвращение отца стало настоящим праздником не только для нашей семьи, но и для всей Земли. Экспедиция достигла цели. Новая планета в соседней звездной системе открыта и готова принять первых колонистов. Впереди нас ждало полтора года счастливой жизни.

Эдгард никогда не мог сидеть на одном месте, и жизнь для него наполнилась невыносимым ожиданием. Когда отправке дали зеленый свет, я не выпускала мужа из постели. Он улетел, так и не узнав, что будет девочка.

Элли было не суждено увидеть отца. Через год полета корабль перестал выходить на связь и исчез с радаров. Домой он так и не вернулся.

В этот день что-то оборвалось. Я отчетливо услышала, как с оглушительным звоном лопается цепь. Якорь плавно оседает на дно, а корабль стремительно уносит волны.

Взять себя руки и жить дальше стоило невыносимых трудов. Но четыре звездочки стали проводниками в темное время. Некогда горевать, когда дети зависят от тебя, от того, сможешь ты выстоять или раскиснешь.

Дети растут, годы мелькают. Вот уже Элли в выпускном классе, а Альфер выпускается из академии. Боль утраты затихает, и вот я уже не плачу по ночам, когда не видят дети. На душе воцаряется спокойствие и умиротворение. Настоящая ценность — это семья, и я воистину богата.

Но приходит день, и космос вновь меня грабит.

Первым уходит Альфер. Записавшись добровольцем в космическую разведку, уехал в училище. После нескольких лет тренировок, совершив первый полет, он не сможет остановиться и будет беспрестанно скитаться по звездным системам. Якорь у него так и не появится...

Мирах экстерном сдал экзамены и среди первых колонистов отправился на только открытую Актавию. Уверена, его силе там найдут достойное применение.

Альмак до последнего пытался скрывать свое назначение на МКС на Альфа-Центавре. Глупенький, собирался отказаться, но я не позволила. Изучать космос всегда было его мечтой.

Самый сильный удар пришел от Элли. Ее приняли помощником второго пилота на исследовательский корабль.

— Почти как Папа, — счастливо щебетала она, собирая вещи.

Почти как папа... ты покидаешь меня.

Уверена, Эдгард гордился бы каждым из них. Это его дети, страстные до приключений, жаждущие быть первыми, на рубеже, в авангарде... И только я жду их здесь, на Земле... Безмолвный вечный якорь, покинутый всеми.

Космос — это расставание.

Космос — это потери.

Космос — это надежда.

Космос — это звезды... а звезды — это моя семья.

Я сижу за столом и в сотый раз перечитываю электронное письмо с приложенным билетом на космический лайнер. Слезы насквозь промочили платок, буквы расплываются на экране, но я могу прочесть по памяти эти несколько строк:

«Прилетай к нам. Мы ждем тебя, Мама...»

Об авторе

Родился в Набережных Челнах. Учился по специальности «Оператор вычислительной техники». Сейчас живет в Казани, работает маркетологом. Творчеством занимается с 2003 года. За это время написал более сотни рассказов. Трижды победитель независимого литературного конкурса «Лаврушка». Четырежды победитель литературного конкурса для начинающих авторов «Бумажный слон». Отдает предпочтение социальной фантастике. Публикации: журнал «Наука и Жизнь» № 5, 2015 — рассказ «Последний поход»; альманах фантастики «Полдень» № 3 (7) 2016 — рассказ «Сорняки»; журнал «ЗНАНИЕ-СИЛА: Фантастика» № 1 (22), 2016 г. — рассказ «Дом почетных граждан»; журнал «Идель» № 1 (316), 2016 — рассказ «Стальное Буги-Вуги»; журнал «Искатель» № 1 (444), 2016 — рассказ «Мой папа космонавт»; журнал «Машины и Механизмы» № 5 (128), 2016 — рассказ «Не детские игрушки»; журнал «Наука и Жизнь» № 11, 2016 — рассказ «Остановите, я сойду»; журнал «ЗНАНИЕ-СИЛА: Фантастика» № 2 (25), 2017 — рассказ «Выродок», в № 1, 2018 — рассказ «Космические сны», а в № 2 — «Особенный Эррант». Первое место в литературном семинаре Зиланткон 2016 — рассказ «Остановите, я сойду», первое место в литературном семинаре Зиланткон 2017 — рассказ «Не люди».

Дмитрий Тюлин

Мезозойская Леда

Потрескивали в костре дрова из циатеи и других папоротниковидных, араукариевые поленья придавали дыму хвойный аромат. Шестиугольными ячейками купола палеонтологов, улавливающими днём солнечную энергию, огонь разбивался на тысячи искр. Далеко позади дремал мезозойский лес. Под россыпью причудливых созвездий странно для человеческого уха звучали мерные, звонкие и скрипучие трели древних сверчков, прячущихся среди травянистых папоротников и густых мхов.

Бедро Лилианы Ру, хорошенькой девушки с пшеничными волосами, маленьким носиком и жемчужной кожей, было перевязано. Завтра ей придётся вернуться. Ногу повредил молодой ютараптор, напавший на девушку во время сбора дров. Несмотря на регенерирующий генный препарат, своевременно введённый в ткани вместе с мазью, студентке придётся лечь в больницу, где врачи проследят, чтобы кожа не сохранила следов укуса пернатого ящера.

Всякий раз Лилиана покидала костёр последней, через несколько минут после того как уходил мрачный и безмолвный Аль Мир — известный специалист по Лавразии апта мелового периода мезозоя, автор многочисленных монографий, личность которого волновала студентку. Вокруг глаз этого бородатого шатена пролегли глубокие морщины, в нечёсанных прядях серебрилась седина. Этот угрюмый человек не пользовался биотехнологиями омоложения и редко покидал мезозойскую научно-исследовательскую станцию, только по крайней научной нужде. Он словно собирался умереть здесь, среди дремучих мхов, когтистых динозавров и древовидных папоротников, покрыться зелёной плесенью, стать камнем, уснуть в вое, сохранить верность экологической нише мезозойского жителя.

Этой ночью Лилиане представлялся последний шанс выведать у Аль Мира его тайну, и девушка решила:

— Почему вы не пользуетесь средствами генной инженерии для омоложения и всегда молчите? — спросила она.

Рыжий мезозойский огонь плясал в чёрных глазах Аль Мира.

— Не вижу смысла, — ответил мужчина.

Студентке было непросто выдерживать его продолжительный внимательный спокойный взгляд.

— Почему? — спросила, тем не менее, она.

— Я не хочу об этом говорить.

— Я тоже собираюсь стать специалистом по мезозою, мне хотелось бы понять такого авторитетного в этом деле человека, как вы!

— Моя история имеет отношение к мезозою лишь постольку-поскольку.

— Мне кажется, любая черта вашей личности влияет на вашу деятельность по исследованию мезозоя.

— Это так.

— А мне завтра придётся отбыть в больницу. Когда мы ещё встретимся? Меня направят в другой период, в другой век, в другую точку планеты...

— Наверно, так и будет... — спокойно проговорил он, глядя на огонь. — Однажды я рассказал эту историю, когда этого делать не следовало.

— Не понимаю.

Аль Мир добавил в костёр пару араукариевых поленьев и одно гинкговое.

— Ну что ж, слушай, раз так желаешь узнать...

* * *

...В Лавразию апта мелового периода мезозойской эры я впервые попал, как и ты, для прохождения практики, будучи студентом третьего курса палеонтологического факультета. Меня не особо сюда тянуло. Я мечтал найти подругу, которой у меня никогда не было, а тут, я знал, помимо моего сокурсника, ожидаются одни взрослые мужики, грубые как динозавры, за которыми они привыкли охотиться. Мне хотелось устроиться куда-нибудь в лабораторию древнего земного города, вроде Парижа или Москвы, туда, где девушки и романтические прогулки по историческим местам, но вряд ли я простил бы себе измену детской мечте увидеть вживую мир ужасных ящеров. Потому я отправился туда, куда запланировал ещё на первом курсе — в мезозой. Мне было всё равно, куда именно и в какую эпоху, так и попал я в Лавразию и в апт мелового периода.

Работали мы, как и вы, по четыре часа в день. Вечерами участвовали в общественной жизни лагеря, дежурили по графику, разные развлечения также устраивались, в общем, всё как обычно. Конечно, здесь было интересно: захватывающие сцены из жизни динозавров на опушке леса, полёты над древними ландшафтами — впечатлений море, ну что мне тебе рассказывать...

Просыпался я в пять утра, умывался, делал зарядку, совершал пробежку, далее — спешил на рыбалку. Днём, после работы, я находил изъеденные короедами деревья каури, из которых при помощи топора извлекал бледных личинок, на которых прекрасно клевали хищные завроцефалусы. Как всякий заядлый рыбак, я мечтал выудить двухметровую рыбку, но мне попалась одна мелочь. Впрочем, это не умаляло радости палеонтологов, вкушающих уху из пойманной мной рыбы. Там, на скале, глядя на поплавок в волнах, очерченных солнцем, как чешуи золотой рыбки, я погружался в медитативное состояние и мечтал написать «Мезозойскую элегию»...

...И вот, однажды, случилось нечто необычное. Ко мне прилетела птица. Это был ихтиорнис, с тяжёлой головой на почти лебединой шее, какой-то архаичный вид, не сохранившийся в окаменелом состоянии. Он раскрыл зубастый клюв и щёлкнул им несколько раз, как-будто выпрашивал рыбу, взирая на меня диким янтарным глазом, взъерошенный и нагловатый. Я испугался, а ихтиорнис повторил жест. Их много собиралось на берегу, размером с голубя, при приближении человека они шумно взлетали в воздух, немало их носилось над морем, как чайки, высматривали рыбу, вместе с величественными птерозаврами, но что этот хотел от меня?

Я вытянул за верёвку садок на скалу, и ихтиорнис заклацал зубами энергичнее. Я вынул из садка мелкую рыбёшку неопределённой видовой принадлежности и кинул в ихтиорниса, опасаясь оказаться схваченным за пальцы. Ихтиорнис ловко схватил её на лету и потребовал ещё.

Тогда я скормил ему мелкого завроцефалуса, потом ещё одного, и ещё. Наконец, ихтиорнис перестал открывать клюв и закурлыкал. Потом он взлетел, совершил три круга над моей головой и унёсся куда-то на восток, дико и режуще слух хохоча, я провожал его взглядом, пока чёрная точка не растворилась в синеве моря и неба. Уходил на работу я ошеломлённый, не зная что и предположить. На следующее утро

мне не терпелось узнать: прилетит ихтиорнис, или нет. Он прилетел и вновь просил рыбу. Наевшись, он исполнил тот же танец, после чего улетел, а я следил за ним в бинокль, который взял с собой. Но рука дёрнулась, и я потерял птицу.

Лишь на третье утро мне удалось набросать в блокноте местоположение скалистой бухты, в которую торопился ихтиорнис. На четвёртое утро я убедился, что из этой бухты птица начинает свой путь, и в неё же возвращается. На пятое утро, проведив ихтиорниса, я побрёл вдоль усыпанного аммонитами дешайзитезами, белемнитами, двустворками и брахиоподами, берега. Крылатые муравьи деловито сновали среди ключев вынесенной на берег зелёной тины. Яростно кричали на меня испуганные ихтиорнисы. Детёныш гигантской черепахи, гревшийся на солнышке, поспешил скрыться в изумрудных волнах, по которым прыгали, подобно клопам-водомеркам, длинноногие хрезмодиды. Самки этих огромных, с ладонь, насекомых, иногда проносились в воздухе, на зависть не умеющим летать самцам.

Ветер трепал волосы, чудесный запах мезозойского моря пьянил голову! Только раз мне пришлось поморщить нос: наполовину в воде гнил труп птерозавра, вероятно, погибшего во время шторма. Его пожирали жуки неизвестного вида и личинки каких-то насекомых.

Иногда идти становилось тяжело: полоска из ракушки и песка обрывалась, приходилось разуваться и лезть в воду, где со дна торчали острые камни. Тем не менее, минут через сорок ходьбы я достиг бухты, где обитал чудной ихтиорнис. Там моим глазам открылось невероятное зрелище, нечто такое, чего не могло быть.

Обнажённая загорелая темноволосая девушка охотилась с гарпуном на мелководье. Заметив меня, она ощерилась, замахнувшись вооружением. У неё были густые чёрные брови, из нерасчёсанных волос торчали перья какого-то динозавра: три тёмно-синих, с зелёным отливом и два оранжево-розовых, пронзительно-ярких. Бёдра её были широки и прекрасны, груди — пышны и чувственны, шею украшало ожерелье из белемнитов, вся фигура и лицо представлялись чуть незаконченными, чуть грубоватыми, как эскиз скульптуры, который ещё предстояло обтесать, как зубастый большеголовый ихтиорнис, который по завершению работы превратится в лебедя, как всё мезозойское...

— Эй! — только и вымолвил я, очарованный, поднимая руки вверх.

Лицо её исказила улыбка, она опустила оружие. На плечо её, по которому разметались волосы, опустился знакомый мне ихтиорнис.

Я нерешительно сделал шаг ей навстречу. Она не возражала, потом она пошла к берегу. Я следовал за ней. На песке её ждала плетёная корзина с убитыми завроцефалусами. Ихтиорнис клал зубами, она кормила его, я смотрел, и мне хотелось завилать хвостом. Мне казалось, она смотрит на меня нежно. Потом она встала и пошла, я семенил за ней как пьяный, временами она оглядывалась, и я понимал, что она желает, чтобы я увидел её жилище. Одно слово вертелось у меня на уме: «ОНА!»

Жила она среди этих скал, в гроте. Мелкие птерозавры свисали с его сводчатого потолка, подобно летучим мышам. На пол просторного зала был насыпан мелкий кварцевый песок. Здесь имелись очаг, дрова, каменные рубила, копы с костяными наконечниками, плетёные из плауновой лозы корзины. Девушка принялась складывать дрова в костёр, и я помог ей. Наши руки соприкоснулись, и я запыхал страстью. Потом она взялась разжигать огонь деревянным сверлом о дощечку. Я вынул из-за пояса бластер и поджёг им костёр. Мезозойская красавица вскрикнула, отпрянула, я махал руками, стараясь дать ей понять, что всё в порядке. В конце концов, она успокоилась.

Она нанизывала завроцефалусов на штык из заострённой кости, воткнутой в палку и жарила над костром. Капли жира капали в огонь с доисторических рыбин,

вызывая шипение и брызги ярко-оранжевых искр. Потом мы лакомились завроцефалусами, по очереди откусывая и отщипывая куски шашлыка...

Наконец, я вспомнил, что мне пора на работу, вскочил, замахал руками, она смотрела на меня непонимающе, а я пятился к выходу из пещеры, затем я побежал со всех ног.

Я не решился никому в лагере поведать о том что случилось, только на другое утро проснулся ещё на час раньше и заспешил в бухту, которая теперь казалась мне прекрасной, весенней, вожделенной...

Так мы начали встречаться. Мы охотились вместе на завроцефалусов и мелких динозавров. Иногда я применял бластер, а в другие разы пробовал её копыя. Бывало, она отворачивалась к стене после завтрака, я робко приближался к ней, дотрагивался до плеча, она лениво подёргивала бедром, потягивалась, сладко вздыхала, я обнимал её, и вскоре между нами не оставалось никаких преград. Иногда она пробуждала нежность к себе в мезозойском лесу, или в тёплом океане, и чувства оказывались настолько сильны, что длинной шее плезиозавра у горизонта не удавалось пробудить во мне страх.

Я много раз пытался понять, кто она и как здесь оказалась. Я рисовал на песке её, отдельно — родителей с ребёнком, соединял карикатурного младенца с ней, потом показывал на родителей, легонько толкал её, вскидывал вопросительно брови, чертил купол палеонтологов... Она рисовала полусферу и людей, над головами которых — не то нимбы со средневековых икон, не то скафандры... Ещё она рисовала мужчину в пасти двуногого теропода и женщину в пасти плезиозавра. Вероятно, так погибли её родители. А я продолжал ломать голову: она — потерявшийся потомок путешественников во времени, или инопланетянка — что произошло? Членораздельной речью она не владела. Вероятно, подражая мне, дикарка гортанным, несколько низким и приглушённым голосом, произносила нечто похожее на «Леда». И больше ничего. Я попробовал обращаться к ней по имени «Леда», и она вскоре начала откликаться.

Тем временем в моей голове родился план. Поделиться проблемой с сокурсником и увезти Леду в далёкое коммунистическое будущее. Там специалисты обучат её человеческой речи, моя история станет знаменитой на весь мир, мы будем счастливы, тайна окажется раскрытой. Внутренне я чувствовал, что так поступать нехорошо, потому что Леду я не спросил, согласна ли она с моим намерением, но я утешал себя: о чём можно посоветоваться с человеком, который только и умеет что вздыхать, улюлюкать, кричать и рычать. В общем, я рассказал обо всём Фреду Ди. Фред Ди, разумеется, не поверил, но согласился проснуться на час раньше и прогуляться к пещере Леды, пожертвовав собственной утренней йогой и запланированным эскизом мезозойского пейзажа на холсте.

По дороге к бухте я насвистывал. Воображение рисовало мне радужное будущее. Я видел Леду на кухне студенческого общежития в Городе Мостов. Прекрасный головокружительный вид из окна — спуски, уносящие спиралью вниз — в библиотеку, в оранжерею, в шахматный клуб; летающие флайеры в бирюзовом небе; ажурные высотные конструкции, круглые здания на башнях и Леда — широкобёдрая, черноволосая, пахнущая шампунью, уютная, у плиты, наш роман — картинка, сцена из книги, поддержка добрых друзей... Весь мир мезозоя всегда при мне!

...Когда мы приблизились ко входу в грот, нечто звонко, хотя и чуть приглушённо, ударило о камень справа от меня и с шорохом свалилось наземь. То был дротик Леды, предназначенный для охоты на птерозавров. Тревога закралась мне в душу. Почему Леда не в пещере, как обычно? Зачем она бросила в нашу сторону дротик? Ещё большая тревога овладела мной у неё дома. Куда подевались корзины, рубила, копыя? Ничего, кроме очага! Но как она могла догадаться, что я приведу друга?! Я метался в панике от одной стены пещеры к другой.

— Леда! — кричал я, и стены отзывались многоголосым эхо.

Фред Ди пытался меня успокоить, не веря в мою историю, а потому совершенно не понимая, что происходит.

Я выскочил наружу. Я звал Леду. Я падал на песок и рыдал. Я бил кулаками о камни, разбивая кисти в кровь. Я был бессилён что-либо изменить.

...Тщётно пытался я забыть Леду, найти ей замену на просторах родной планеты, там, во временах галактической сверхцивилизации. Ни с кем мне больше не удавалось ладить так, как с ней, никто меня больше не волновал так, как она, ни с кем не возникало такого единения душ, как с её душой. В конце концов, я смирился и стал специалистом по этому узкому отрезку времени апта мелового периода мезозойской эры. Много лет я ищу Леду по бескрайним лесам Лавразии, по берегам морей, среди островов и в долинах рек, не ведая, жива ли она... Закон Мена Пирса, исключающий парадоксы для путешествий во времени, не позволяет мне встретиться с ней в прошлом, до нашего знакомства. Я собираюсь состариться и умереть здесь. Конечно, я не потерял связь с человечеством, я работаю на наше общее благо, служу науке...

* * *

Аль Мир поднялся на ноги.

— Вот такая история, — спокойным голосом проговорил он. — Возможно, вы ещё побываете в нашем времени, как специалист. Если вдруг встретите Леду, скажите ей, объясните, пожалуйста...

Аль Мир хотел произнести что-то ещё, но махнул рукой и зашагал прочь.

Лириана Ру промолчала, ошеломлённая. Когда он исчез в темноте, она глянула на ночное небо. Мезозойские созвездия не ведали ответов на её вопросы.

Послесловие:

Образ мезозойской Леды впервые посетил меня во время работы над блогом «Эволюция». «Яндекс» выдавал тег «Мезозойская Леда» к картине классика палеонтологической реконструкции Зденека Буриана «Верхнемеловое побережье Северной Америки». Я сначала почему-то подумал, что «леда» это «эра» по-украински. Также к картинкам Зденека Буриана на том сайте поисковик выдавал странные теги «Эрарский период» — несуществующий и «Мезозойская культура». Про последнюю мне удалось выяснить, что существует такая дворовая песня, в которой каменный век смешан с мезозоем и которая на меня не произвела никакого впечатления, как и Леда из древнегреческой мифологии. Возможно, поисковик так работает и выдаёт случайные словосочетания, оттого что кто-то когда-то по ошибке их ввёл. Тем не менее, словосочетание «Мезозойская Леда», прицепившееся к уму, я решил вынести в заглавие рассказа. Второй раз образы рассказа посетили меня, когда я провёл более часа на автобусной остановке, пытаюсь уехать домой после Дня Победы (вдалеке от Парка Победы, где народ в Саратове собирается) и увидел женщину с такой же алой лентой с серпом и молотом на груди, как у меня. Сначала я думал написать рассказ о наших днях (дикий российский капитализм чем-то напоминает борьбу за жизнь в мезозое), но пришёл к выводу, что не настолько виртуозен, а работа над рассказом про мезозой — это ставшая привычной приятная работа над палеонтологическим материалом, и этот материал может придать рассказу яркость, какая будет потеряна при попытке написать про наши дни (а смысл всё равно, вероятно, ускользнёт).

Картина Зденека Бурiana изображает верхний мел мезозоя. Птица *Ichthyornis dispar*, к примеру, жила в сеномане мела. У меня действие рассказа разворачивается раньше, в апте мелового периода, поскольку аптскими выходами славится Саратовская область, и мне приходилось контактировать с этим геологическим веком напрямую. Поэтому заявлено, что речь идёт о некоем не сохранившемся в окаменелом состоянии виде ихтиорнисов. Проник в рассказ и ютараптор из баремского века мела. О некоторых животных пришлось высказаться расплывчато: «птерозавр». Не говоря уже о людях в мезозое. Впрочем, художественные изображения доисторических времён любят грешить смешением видов, не являвшихся «современниками» друг по отношению к другу, я, по крайней мере, попытался собрать в аптском веке животных, которые гипотетически могли собраться там вместе. Перемешаны также оказались просторы нынешних Евразии и Северной Америки, причем, тут у меня есть оправдание: тогда это был единый континент — Лавразия. Неизвестно науке также ничего о морских насекомых семейства *Chresmodidae*, но я могу гипотетически предположить существование таких форм, поскольку занимающие в наши дни похожую экологическую нишу клопы-водомерки могут прыгать как по поверхности рек, так и по волнам открытого океана.

Об авторе

Родился в 1982 году в Баку (СССР, Азербайджан). Ныне проживает в России, в г. Энгельсе. Работает в Саратове, ассистентом на кафедре Кормления, зооигиены и аквакультуры СГАУ им. Н. И. Вавилова. Сфера научных интересов: влияние естественной кормовой базы на воспроизводство молоди рыб. Фантастикой увлёкся с раннего детства, под влиянием отца, который пересказывал прочитанное во время прогулок; тогда же впервые попытался сочинять собственные истории. Предыдущие литературные публикации: фантастический рассказ «Цена коммунизма», «Знание-сила: Фантастика», № 1/2011.

Андрей Анисимов

По течению

повесть

Двигатель «Кентавра» взорвался совершенно неожиданно; ещё минуту назад он нормально работал, исправно выплёвывая из своей керамической глотки ослепительную струю плазмы, а уже в следующую он сам обратился в огненный клубок. Бушующее внутри него пламя вдруг принялось пожирать своё хранилище, и вся центральная секция машинного отделения в мгновение ока превратилась в бурлящий ад. Давление раскалённых газов было такое, что все три защитные оболочки, отделяющие двигатель от наружной обшивки, лопнули одна за другой, как скорлупа гнилого ореха, не выдержав бешеного натиска вырвавшихся наружу рукотворных демонов. Ударив, в конце концов, в обшивку, они без труда пробили и её. Наружу устремилось конвертированное в высокотемпературную плазму горючее, и то, что совсем недавно было частями двигательной установки, насосами, трубопроводами, клапанами, контроллерами и всем остальным, что окружало самую главную силовую установку корабля. Автоматика немедленно остановила подачу топлива, но вышедшие из-под контроля огромные силы, послушно толкавшая доселе стальную болванку корабля, уже сделали своё чёрное дело: мгновенно расцветший и тут же погибший огненный цветок полностью уничтожил всё в радиусе двух десятков метров, оставив после себя лишь искореженные, оплавленные куски железа, бесформенные ошметки органических материалов, жирные мазки копоти на стенах, и изувеченное до неузнаваемости тело инженера-двигателиста, волею случая оказавшегося в ту злополучную минуту рядом со своим подопечным.

Едва утих грохот взрыва, как внутренние помещения корабля наполнили другие звуки: свист вырывающегося наружу воздуха и яростное клочкотание вскипающей в вакууме воды. Ударная волна прошла по телу корабля болезненным ознобом, деформируя его остов и нарушая целостность его железной кожи в десятках разных мест. Система жизнеобеспечения, следящая за давлением, немедленно принялась компенсировать потери из баллонов, стремительно опустошая резервный запас, одновременно с этим пытаясь заделать пробоины в обшивке. Нагнетаемый ею герметизатор тёк струями, сочась из бесчисленных разломов и щелей, не успевая даже затвердеть. В последней, такой же бесплодной попытке сохранить внутри воздух, компьютер принялся отсекал отсек от отсека перегородками, но и это тоже ничего не дало: часть их заклинило в перекошенных пазах, другая, исправ-

но закрывшись, отгораживала уже наполовину обезвоздушенные помещения, и отрезая путь к спасению тем, кто находился в центральных отсеках. Последний воздухонепроницаемый барьер был возведён перед двумя жилыми «карманами», расположенными по обе стороны от продольной оси основного корпуса, а так же ходовой рубкой. Всё, что находилось между ним и кормой отныне принадлежало космосу, всё остальное — пятерым оставшимся в живых членам экипажа «Кентавра», одновременно став их тюрьмой, в которую их заключил собственный же корабль. И случилось это без малого два месяца назад.

«Два месяца? — удивился Денис. — Неужели прошло целых два месяца?»

Он полистал бортовой журнал, нашёл нужную запись и покачал головой. Действительно. Ровно шестьдесят дней, а кажется, будто целая вечность прошла. Подумать только — два месяца. Всего-то два месяца.

Два месяца лихорадочных попыток как-то исправить критическое, почти безнадёжное положение, два месяца отчаяния, сменяющего неведомо откуда берущейся надеждой, и новых потерь.

После того, как попытка отвоевать у пустоты часть центральной секции закончилась провалом, унесшим жизни ещё двоих, им не оставалось ничего другого, как ждать конца, неотвратимого как наступление ночи. Ждать, когда на тебя опустится занесённая над тобой коса, не имея никакой возможности предотвратить смертельный удар. Собственное бессилие доводило до сумасшествия и кончилось новой кровавой трагедией. Так он остался совсем один.

Когда это было? Недели три или четыре назад, примерно.

Денис снова зашелестел страницами. Точно — четыре недели. Месяц. День в день. Ещё один ровный промежуток. Надо же...

Перечитав предыдущую запись, он взял в руки стило и задумался. О чём писать? Да и можно ли перенести на бумагу всю безысходность его положения, всю боль потерь, отчаяние и страх, который прочно поселились в его душе и стали постоянными его спутниками? И выматывающую бесконечность бессонных ночей, и одиночество, от которого хотелось выть, как протреленная волчица. А потом, какой смысл вообще что-либо писать? Попадёт ли когда-нибудь этот журнал в человеческие руки. Космос слишком велик даже для такой жиденькой надежды.

Новый день не принёс ему ничего нового, несколько не улучшив и не ухудшив и без того тошное состояние неприкаянного космического скитальца. «Кентавр» продолжал свой бесцельный призрачный полёт в никуда, который правильнее было бы назвать падением. Да, именно падением. Дрейф в космическом пространстве, по сути, и есть падение. Бесконечное падение в бесконечность. И никак иначе. Космические перелёты, кстати, не исключение. Просто вы выбираете, в каком направлении совершать этот безумный бросок в ничто, срываетесь с места, с одной падающей куда-то планеты, и проваливаетесь в это самое ничто, с расчётом оказаться там, где нужно, то есть у другой, так же несущейся куда-то в бездну планеты. Вот и всё. В дрейфе вы лишаетесь даже этой возможности. Тем более в дрейфе на разбитом корабле. Как человек, выпавший из окна, не способен повлиять на исход своего убийственного прыжка, так и плава-

ющий в космосе предмет, становится игрушкой в руках слепого случая. Как раз это и происходило с «Кентавром» и его единственным уцелевшим членом экипажа. Все прошедшие дни он стремительно проваливался в пустоту, глубину которой невозможно было даже представить, и осознание этого обжигало сердце ледяным холодом. Жуткий псевдополёт день за днём утаскивал его всё глубже в пучину звёздного мрака, правда, в последние две недели в нём появился ещё один действующий фактор.

На сорок шестой день с момента катастрофы он заметил, что направление дрейфа начало меняться. Что-то отталкивало корабль в сторону, или наоборот — притягивало к себе. Какие силы могли так влиять на корабль, оставалось только гадать, тем более, что те, которые могли это сделать, явно были тут ни при чём; гравиметр ничего не показывал, хотя подобное воздействие вполне могло оказывать какое-нибудь невидимое, но чрезвычайно массивное тело. Например, «чёрная дыра». Но пространство вокруг было пусто, а корабль продолжал свой странный манёвр, постепенно набирая скорость. Справедливо не ожидая от феномена ничего хорошего, он напряжённо вглядывался в окружающую черноту, ожидая разгадки, которая могла предстать в виде протянутой длани Костлявой. Вместо длани через трое суток появилось это.

Сначала возникло свечение. В глубоком космосе, вдали от космических маяков — звёзд, нет ни единого объекта, способного самому излучать свет. Планеты светятся отражённым светом, газопылевые облака видны лишь благодаря тому, что их так же подсвечивают звёзды, кометы с их роскошными многомиллионнокилометровыми хвостами становятся таковыми опять-таки при приближении к звезде. В остальное время, это просто кусок смёрзшихся газов. Между тем, вид у свечения был именно такой, какой имеет кометный хвост на значительном удалении от головы — крайне разреженная среда растекающихся в пространстве газов и пыли. Только необычного голубоватого оттенка. Что является его источником, на единственной, с горем пополам работающей обзорной панели, видно не было, но затем корабль почему-то развернуло, и перед взором изумлённого странника предстало удивительное зрелище. Название «река» так и просилось на язык. Это была поистине река, поток чистого голубого света, ярко и холодного, как октябрьское небо. То, что это был именно поток, а не что-либо иное, он понял сразу; даже с очень большого расстояния, были видны области с большим или меньшим свечением, которые перемещались, влекомые течением загадочной субстанции. И этот поток медленно, но верно затягивал теперь в себя «Кентавра». Все последующие дни корабль погружался в него, проходя один слой свечения за другим, приближаясь к чётко выраженной области обозначенной Денисом как «русло».

Итак, до русла оставалось совсем немного — дня два или три — не больше.

Денис занёс в журнал несколько скупых строк и решительно захлопнул толстенный фолиант.

Выключив над столом тусклый огонёк «светляка», Денис встал, окинул взглядом полутёмное помещение ходовой рубки, точно ища какую-то потерянную вещь, и медленно побрёл к входной двери. Из-за работающих на минимуме гравитаторов, передвигаться приходилось с осторожностью,

ибо царящая на корабле лунная гравитация неизменно наказывала торопыгу синяками и шишками. Острая нехватка энергии чувствовалась везде и всюду. Коридор, в котором очутился Денис, выйдя из рубки, был холодным и полутёмным. Миновав этот отрезок пути, освещённый лишь двумя «светляками», он повернул налево, очутившись возле лифтовых кабинок. Механизм их был давно отключен, и спускаться вниз пришлось по боковой аварийной лесенке, столь же скудно освещённой, как и предшествующей ей коридор. Внизу его ждала закрытая дверь. Как и аналогичная, ведущая в рубку, эта, в нормальных условиях, открывалась автоматически, только и это удобство было для него непозволительной роскошью. Все двери отныне открывались вручную, для чего требовалось с полминуты вращать маховичок ручного привода, и ещё столько же, чтобы таким же образом закрыть её...

Закрыв за собой дверь, Денис так же неспешно протопал в столовую.

Здесь царил тот же полумрак, что и везде, однако было теплее, и ощущался дразнящий запах съестного, просачивающийся с камбуза. Покопавшись в примыкающей к камбузу кладовой, он вернулся с початым пакетом пищевого концентрата, высыпал часть его содержимого в тарелку, согрел немного воды, вылив большую часть её туда же, а остальное — в пластиковую кружку с уже использованным чайным пакетиком. Перенеся всё это в столовую, Денис уселся на своё обычное место и принялся за трапезу, тупо глядя перед собой в пространство.

Он ел, тщательно растирая языком каждый нерастворившийся кусочек, растягивая процесс поглощения пищи, точно пытаясь обмануть этим собственный желудок. Трети нормы дневного рациона хватало ровно настолько, чтобы утихомирить муки голода, однако не настолько, чтобы полностью избавиться от них. Он хотел есть всё время, и эта треть нормы как раз составляла то, что именуется относительным, или скрытым голодом. Иначе говоря — недоеданием.

Разделавшись со скудным обедом, он отнёс посуду на камбуз, и поплёлся к себе в каюту. Он чувствовал себя совершенно разбитым, хотя, в сущности, последние сутки ничего не делал. Просто сидел возле обзорной панели в рубке и ломал голову. До одури. Положение, в котором он находился, с полным основанием можно было назвать положением узника «каменного мешка», однако человек устроен так, что продолжает искать лазейку даже в монолитной бетонной стене, невзирая на очевидную бессмысленность подобных попыток. Он вымотался, колотясь об эти стены, и сейчас хотел только одного, — благословенного забытья, дарующего покой его измученному мозгу и нервам. Хотя бы на какое-то время.

Добравшись до кровати, он повалился на неё, даже не удосужившись раздеться. Но прежде чем уснуть, ещё раз прокрутил в голове результаты проведённой накануне очередной ревизии своих запасов.

Времени у него оставалось не так уж и много: месяца полтора, самое большее — два. Во-первых, воздух... Несмотря на то, что перегородки отгородили жилые «карманы» от остальной части корабля, воздух всё равно продолжал утекать сквозь микротрещины в обшивке, возникшие в результате взрывных деформаций. Резервный запас был невелик, и даже сейчас

Денис был вынужден уменьшить давление в помещениях, дабы растянуть его на как можно больший срок. Потом вода... Он давно уже пользовался исключительно оборотной водой, но фильтры постепенно приходили в негодность, и качество её день ото дня падало. В любом случае воды было значительно больше, чем воздуха или еды, а вот с едой дело обстояло совсем худо. Всё, что он сегодня ел, и ел вчера, и позавчера, и на прошлой неделе, и все предыдущие недели, было взято из аварийного запаса, часть которого, к счастью, находилась и в жилой секции. В камбузной кладовке уже давно не было ничего, кроме сухих пайков и упаковок с питательной пастой, только и этот запас быстро таял, несмотря на то, что его использовал всего один человек. Проведя как-то очередную ревизию, и поняв, что расходует содержимое кладовки слишком быстро, он урезал свой ежедневный рацион, после чего ещё трижды или четырежды проделывал то же самое, стараясь чтобы каждая составляющая «треугольника жизни» — еда-вода-воздух — расходовалась наравне с остальными. Он без конца подсчитывал оставшиеся запасы того или иного, в то время как всё, что ему нужно было для поддержания жизни, в избытке лежало на складах центральной секции. Буквально в считанных метрах от него, однако так же труднодоступных, как неприступная горная вершина.

«Семь метров, — подумал Денис, разглядывая потолок своей каюты. — Всего-то семь метров».

Как он ни старался оттянуть крайне рискованную вылазку в центральные отсеки корабля, избежать её всё равно не удастся. Матвей Мельников и Олег Шильский погибли именно во время такой вылазки, пытаясь добраться до сложенных на складах запасов. Затея с самого начала была авантюрной, и кончилась, как и кончаются большинство авантур. Теперь ему самому, в одиночку придётся попытаться проделать тот же трюк. Тут могли возникнуть самые неожиданные сложности. Малейший дефект в ныне закрытых перегородках, или их механизмах — и он лишится половины площади «карманов», и, может быть, даже собственной жизни. Открыть перегородки — это не самое трудное. Вот закрыть их как нужно во второй раз — проблема посерьёзнее. Застрявшая на полпути или негерметично закрытая перегородка не даст ушедшему вернуться назад тем же путём, а идти по обшивке, идея не лучше. Выбравшийся наружу человек, окажется под воздействием неведомой движущейся среды, и чем всё это кончится, можно только гадать. И вообще, неизвестно, откроются ли наружные люки в центральной секции. Даже небольшая деформация заклинит их намертво, а после такого взрыва иного ожидать не приходилось. Если уж даже герметизатор не смог закупорить дыры в разошедшихся пластинах обшивки, можно представить, в каком она состоянии. Можно, конечно, надеяться на чудо, на благоприятное стечение обстоятельств, но это только в кино отчаянные космопроходцы легко принимают сложные решения, отчаянно рискуют и выходят из труднейших передрыг героями-победителями. В жизни большинство таких гибнет.

Смелость города берёт, или как там? Дудки! Безрассудные смельчаки разбивают об их стены свои головы. Побеждают предусмотрительные, умные, расчётливые. В космосе, в любом случае, точно.

Денис повернулся на бок, посмотрел на едва различимую в свете крошечного «светляка» противоположную стену, и не заметил, как провалился в сон.

Новый день начался так же, как и все предыдущие. Поднявшись, он первым делом умылся — если это можно было назвать умыванием. Влажная салфетка, смоченная спиртом — вот и весь его утренний туалет. По-настоящему он не мылся с самого момента катастрофы, сберегая даже не воду, а фильтры системы регенерации. Затем последовал завтрак, такой же скудный, как и предшествующий ему ужин. Привычную утреннюю процедуру завершил обход и осмотр основных узлов, и в первую очередь маленького резервного реактора, дающего ему тот мизер энергии, которым он сейчас располагал. Убедившись, что всё жизненно необходимое более или менее нормально работает, он, как обычно, поднялся в рубку.

Прошедшая корабельная ночь ничего не изменила. «Кентавр» продолжал «погружение», затягиваемый течением всё глубже и глубже. Панель сияла чистой лазурью, причём верхняя часть её была светлее, нежели нижняя. И если вверху ещё можно было различить тусклые точки самых ярких звёзд, проглядывающих сквозь толщу наружных слоёв реки, то внизу его ждала густая синева, почти однородная, если не считать редких голубовато-серых пятен, проплывающих в самой её глубине. Русло. Сердцевина реки, куда его неумолимо затягивало, начиная с того момента, как он вообще попал в сферу притяжения этой странной галактической Амазонки. До русла оставалось действительно немного. Он почти проник в него, находясь сейчас на самой границе, нечёткой черте, разделяющей два самых потаённых речных уровня. Скоро он войдёт в последний, и тогда река поглотит его окончательно. Он станет просто щепкой в потоке, покорно плывущей к далёкому и неведомому устью. Увидит ли он когда-нибудь то место, куда выливается вся эта голубая масса неведомо чего... если она вообще куда-нибудь выливается. А может это что-то вроде Гольфстрима? Течения, пронизывающего всю огромную карусель галактики, несущего свои «воды» от звезды к звезде, чтобы затем вернуться в то место, откуда начало движение. И его разбитый корабль будет миллионы лет кружиться вокруг галактического ядра, покуда этот конвейер не прекратит своё существование.

Денис с сомнением покачал головой, прошёл к ряду едва заметных в полумраке кресел, уселся в своё, пилотское, и уставился на панель.

Русло двигалось под ним, а он точно зачарованный смотрел на него, словно видел эту картину впервые. Бесконечно однообразная, река, в то же время каждый раз представляла перед ним какой-то иной, и он никак не мог понять, в чём тут дело. Возможно, дело было в том, что он постоянно менял своё положение относительно течения, каждый раз видя поток под иным углом, или же из-за того, что каждый новый слой чем-то отличался от предыдущего, а он прошёл их уже не меньше дюжины. Как бы то ни было, изменения были, но настолько неуловимые, что скорее угадывались, чем виделись. Река дразнила его тысячью своих почти неразличимых обличий, как и, собственно, непостижимостью самой своей природы. Он уже много

времени провёл в ней, тем не менее та, по-прежнему, была для него загадкой. Тогда, когда мысли его не были заняты насущными проблемами, они неизменно обращались к этому предмету. Ещё в первые дни своего плавания в ней, он попытался определить суть несущей его субстанции, но смог выяснить лишь то, что за бортом присутствуют водород и гелий. В факте наличия этих двух газов не было ничего необычного — самые распространённые вещества в космосе, они, естественно, присутствовали и здесь. А поскольку река работала как хороший пылесос, то и их высокая концентрация так же не вызывала удивления. Но характер самого потока, его природа, так и остались для Дениса большим знаком вопроса. Пользуясь древней терминологией, он назвал его «эфиром», не продвинувшись в понимании причин возникновения этого явления ни на йоту. Само существование реки настолько выходило за рамки его привычного миропонимания, что он даже не пытался строить какие-либо предположения и теории касающихся сил, породивших её. Как древний человек узривший чудо. А река и была для него таким чудом.

День прошёл незаметно, в какой-то полудрёме, из которой он выплывал лишь дважды; первый раз подталкиваемый настойчивым зовом пустого желудка, второй — необъяснимым чувством, что где-то что-то не так. Это странное — и ложное — чувство опасности не раз срывало его с места и раньше, постепенно превращаясь в какую-то навязчивую идею. Не в силах бороться с ней, он раз за разом пускался в детальный осмотр всей жилой секции, выискивая несуществующие неполадки, особенно утечки, с замиранием сердца открывая закрытые двери кают и подсобных помещений: а вдруг там уже вакуум. Пытаясь анализировать свои тревоги, он неизменно приходил к заключению, что каждый раз становился жертвой собственной мнительности, и что не следует так слепо следовать разным там предчувствиям, однако продолжал упрямо наступать на те же грабли. В этот раз он тоже ничего не обнаружил. Как обычно.

Заглянув напоследок в рубку, он сделал в бортовом журнале короткую запись, поглядел на сияющую синевой панель, и шаркающей походкой безмерно уставшего человека удалился на покой, отметив про себя, что сегодняшний день получился короче обычного.

Чёткого деления на корабельные «день» и «ночь» у него не было уже давно. Утро наступало, когда он просыпался, вечер — когда уставал, и его начинало клонить ко сну. Ночь длилась столько, сколько было необходимо, чтобы выспаться, день — всё остальное время. Привычный порядок жизни на борту был сломан катастрофой и постепенно он установил для себя свой порядок, как-то умудряясь при этом удерживаться в рамках стандартных календарных суток. Иногда, впрочем, достаточно часто, день затягивался у него на многие часы дольше обычного. Обычно такое случалось при бессоннице; тогда он выпадал из рамок календаря, впрочем, вскоре снова возвращаясь в них. Его биологические часы хоть и шли с перебоями, тем не менее, не давали большого расхождения с корабельными.

Ещё «день», ещё «ночь».

Сутки, другие, третьи...

На четвёртые, как и предполагалось, он достиг-таки русла, ознаменовав тем самым новый этап странствий по реке. В тот же день, упрямо торчащий в рубке Денис, впервые заметил в потоке инородные предметы.

Три движущиеся неровным треугольником точки, сразу привлекли его внимание. Разглядеть с такого расстояния, что это за объекты было трудно, и Денис дал увеличение; совсем небольшое, такое, чтобы не выбиться из жёсткого лимита энергопотребления. Точки немедленно выросли в серовато-бурые куски неправильной формы.

Теперь «Кентавр» был не одинок в своём странствии: ещё три странника, три захваченных рекой метеороида, плыли вместе с ним по течению, медленно, но верно обгоняя стальной цилиндр корабля. Холодные куски камня и смёрзшихся газов — вот и всё, что представляли собой эти жалкие частицы мироздания, однако сам факт их присутствия в этом потоке, на какое-то время заставил Дениса, забыть о своём бедственном положении. То были предметы из мира, знакомого каждому космопроходцу, что-то обыденное и привычное в ирреальности существования самой реки. Как весточка из далёкого края, где горели солнца, кружились планеты, и, может быть, даже жили неведомые звёздные расы. Поэтому Денис провожал их взглядом до тех пор, пока они не пропали за краем обзорной панели. В тот день ему удалось увидеть ещё один обломок.

Русло вообще оказалось необыкновенным местом. В отличие от периферийных участков реки здесь, во-первых, было не так спокойно. Сердцевина потока изобиловала какими-то странными турбулентностями, то бросающими истерзанное судно из стороны в сторону, порой почти выталкивая его в пограничные слои, то низвергающими его в загадочные «ямы», нарушающие работу установок искусственного тяготения. От этого, безмолвный доселе, корабль, наполняли протяжные стоны и скрипы деформирующегося корпуса, заставляющие человека боязливо озираться по сторонам. Кроме того, наличие в потоке космического мусора делали «плавание» вдвойне небезопасным.

Денис стал держать в каюте и в рубке по скафандру, готовясь к любой неожиданности. Камни и «водовороты» недвусмысленно давали понять, что расслабляться здесь нельзя.

Вскоре выяснилось, что в реке обитала и некая «живность».

Туманные шары, похожие на мыльные пузыри, наполненные табачным дымом, начали появляться вокруг «Кентавра», когда тот отмерил пятые сутки «плавания» в русле. То, что это не безвольные игрушки реки, он понял, когда один из шарообразных сгустков тумана повернул против течения, навстречу другому, такому же образованию.

Что они представляют из себя, Денис так и не понял; как-то одна такая сфера на его глазах слилась с другой, в одну большую сферу, которая через несколько минут разделилась на целую полудюжину маленьких. То ли это были какие-то рои, то ли целостность собственных тел была для них не важна.

Корабль их совершенно не интересовал. Только один раз туманное существо — сознательно или нет — коснулось корпуса. Денис почувствовал толчок, мягкий, словно ударил рыхлый снежный ком. Мелькнув на панели,

существо уплыло куда-то в сторону, так быстро, что Денис не успел даже как следует рассмотреть его. Больше корабль никто не беспокоил.

Но ему хватало и тех проблем, что появились с возникновением болтанки. Та, медленно и незаметно, но всё же сделала своё чёрное дело. Как и опасался Денис, обшивка начала течь ещё сильнее; об этом можно было судить по той скорости, с которой падала стрелка барометра. Стараясь выяснить, какая часть жилых «карманов» теряет воздух активнее других, он целыми часами просиживал в разных отсеках, закрыв двери и следя за стрелкой анероида. Он истратил уйму времени на эти эксперименты, единственным результатом которых было осознание, что вся головная часть «Кентавра» — суть решето, заделать все дыры которого можно только покрыв всю обшивку слоем герметизатора. Наружный слой обшивки собирался из четырёхметровых, специально упрочнённых плит, швы между которыми имели протяжённость, равную не одному километру. Добавьте к этому вырезы входных, загрузочных и ремонтных люков, кабельные вводы антенн и многочисленных датчиков, а так же «пеналы» зондов — величина получится более чем внушительная. И каждый их этих швов, стыков и сочленений мог быть местом утечки. Бороться с этим было выше его сил. И всё же, чтобы хоть как-то уменьшить отток воздуха, Денис наглухо запечатал герметизатором двери нескольких ненужных ему отсеков, граничащих с наружной оболочкой, предварительно вытащив оттуда всё, что имело хоть какую-то ценность. Пузырь воздуха, в котором он обитал, стал чуть ли не на четверть меньше, а пустота всё равно продолжала наступать, по-прежнему заставляя его опустошать баллоны...

Он снова пересчитал съестные запасы, запасы воды и воздуха, определив в результате подсчётов новый предельный срок — месяц. Скорректировав потребление всех составляющих «жизненного треугольника», он на сей раз чуть увеличил дневную норму, только эта добавка его ничуть не обрадовала. Если дневная норма выросла, то это означало лишь то, что других составляющих «треугольника» стало меньше. И в первую очередь — воздуха.

Дополнительный «бонус» в питании, впрочем, мало что изменил в его состоянии. Увидев как-то в пыльном зеркале своё отражение, он не узнал собственного лица. Из зазеркалья на него смотрел обросшее, серое, изнурённое лицо незнакомого человека, с глубоко запавшими глазами и выступающими скулами. Денис провёл ладонью по лбу и щекам, точно проверяя, он это или нет, и мрачно усмехнулся: заморыш.

Он экономил каждую крошку, каждую каплю влаги и каждый вдох, а рядом лежали целые горы еды и тысячи литров кислорода, оставшихся в баллонах центральной секции. Близость изобилия и его недоступность, приводили Дениса в отчаяние и бешенство одновременно. Что бы он ни делал: лежал ли без сна на постели, ел ли безвкусную питательную смесь, смотрел ли в своё единственное электронное окно, его мысли постоянно возвращались к центральной секции и тому, что там лежало. Планы достижения желаемого рождались у него ежедневно, один фантастичнее другого. В бесчисленных мысленных вылазках он проникал в заветные складские отсеки сотней разных способов, неизменно возвращаясь нагруженный контейнерами и коробками. Он обдумывал каждый свой шаг,

на этом полном непредсказуемых опасностей пути, каждую проблему, с которой мог столкнуться, и возможности их устранения, попутно прикидывая, как рациональнее использовать собственные силы и запасы воздуха в системе жизнеобеспечения скафандра. Он проходил этот путь раз за разом, и гора принесённых вещей каждый раз становилась всё больше. Схему центральной секции, найденную среди другой технической документации в библиотеке, он выучил наизусть. Он мог по памяти рассказать о всех конструктивных особенностях любой части, любого отсека секции, вплоть до последней заклёпки. Отныне он знал там каждую электрическую цепь, и каждый механизм. По описи укладки он знал, где лежит каждая нужная ему вещь. Он смог бы найти всё, что нужно, с закрытыми глазами. Временами ему казалось, что он учёл всё, готов ко всему, и осталось только сделать решающий шаг, но подходя к закрытой перегородке, разом терял уверенность в успехе. Боязнь просчёта, страх сделать неверный выбор, неверный шаг, начинали бороться с соблазном, и в который раз одерживали верх. Поспешность... Мельников и Шильский заплатили за неё слишком дорогой ценой. Он не может рисковать. Он должен бить наверняка. Просчёт означает преждевременную и мучительную смерть. За перегородкой его может ждать то, к чему он совершенно не готов; фактор неопределённости всё ещё слишком велик. И он отступал... До следующего приступа отчаянной уверенности. В конце концов, он решил, что предпримет попытку добраться до складских отсеков, но только тогда, когда станет совсем уж невмоготу. Тогда, когда уже нечего будет терять. Вот тогда он пойдёт ва-банк. Он откроет перегородку и либо добудет для себя всё необходимое, либо не вернётся; и не только потому, что не сможет это сделать, а просто потому, что незачем будет возвращаться. За его спиной уже не останется ни крох, ни капель и ни глотков. Только железо и пластик. Да ещё тусклый свет, рождаемый слабым током электронов в проводах, из которых, к сожалению, не научились лепить бутерброды. А пока будет тянуть. Сколько возможно.

Тот минимум устройств, от которых сейчас зависела его жизнь и более или менее нормальные условия существования, требовал от него такого же минимума внимания, но он всё равно находил себе дело — просто для того чтобы хоть чем-то занять руки и отвлечься от невесёлых дум. Но больше всего времени он всё же проводил возле главной панели, обозревая реку, благо панель, в плане энергопотребления, была практически самодостаточной. В любом случае в обычном режиме.

Река по-прежнему несла его... Куда? Он не мог сказать даже этого. Из русла не было видно ни единой звезды, чтобы можно было хотя бы приблизительно определить своё положение. Единственное, что он знал наверняка — он движется. Это подтверждали те предметы, которые он иногда обгонял — единственные ориентиры в бесконечной монотонности реки. Это был всё тот же космический мусор: каменные обломки да серые струи пыли, но один раз на самом краю панели мелькнуло что-то странное, растворившееся в синеве потока прежде, чем Денис успел дать на этот участок увеличение. Он не был уверен в том, что правильно понял увиденное, — слишком уж далеко была та штука, и слишком уж мимолёт-

ным было её появление, — но Денису показалось, что он увидел искусственное тело. Что-то похожее на кусок решётки с обрывками не то кабелей, не то тросов. По сути — такой же космический сор, только особого рода — рукотворный.

В другой ситуации такая находка привела бы его в восторг, но сейчас Денис отнёсся к своему открытию достаточно равнодушно. Конструкция инопланетного происхождения? Ну и что с того? Что это ему даст? Этот кусок железа — или из чего там она была сделана — мог попасть в «реку» за сотни и тысячи световых лет от этого места, и плыть в потоке века... Это всё равно, что найти обрывок газеты, сброшенный в реку ветром и принесённый течением от самого истока к устью. Выловивший его человек мог лишь сказать, что выше по течению кто-то живёт... Или жил. За то время, пока обломок плыл, сама цивилизация, породившая эту штуку, могла исчезнуть, и теперь река просто «вымывала» из неведомой звёздной системы её остатки. Не только решётка, но и те многочисленные каменные глыбы, что плыли вокруг него в потоке, вполне могли быть остатками планеты, разнесённой вдребезги безумием своих обитателей. Древняя труха, несомая рекой неведомо куда.

И всё же Денис в который уже раз пожалел, что начисто лишён возможности маневрировать. Будь у него хоть малейшая возможность менять положение в пространстве, он не упустил бы из виду ту решётку..

Вечером того же он снова истратил часть своих воздушных запасов. Открывая вентили, он с тревогой следил за быстро опускающимися стрелками манометров и медленно поднимающейся — барометра, перекрыв подачу воздуха прежде, чем последняя достигла предыдущего максимального значения. Содержимого баллонов оставалось, судя по показаниям манометров, ещё на пять или шесть таких «подкачек». Или, иначе говоря, как раз недели на три. Или чуть больше...

Словно стараясь быстрее приблизить развязку, течение реки вновь сменилось «порогами» и «водоворотами». Болтанка снова начала расшатывать потрёпанный корпус «Кентавра», бросая его из одной эфирной струи в другую. Весь следующий день корабль крутило в них, как щепку, затем река успокоилась, однако лишь затем, чтобы на другой день показать свой крутой нрав в полной мере.

Если здесь и бывали стремнины, то это, видимо, была как раз одна из таких стремнин.

Дениса разбудило ощущение падения. Мгновение он лежал неподвижно, собираясь с мыслями и соображая, что происходит, затем, соориентировавшись, схватился за край кровати и, стараясь не делать резких движений, сел. «Яма» — догадался он, видя, как вспарили немногочисленные лежащие в каюте вещи. Невесомость длилась, на сей раз, дольше обычного: секунд двадцать или даже больше — слишком «глубокой» видимо оказалась «яма», после чего сменилась ставшей уже привычной лунной гравитацией. Однако стоило Денису спустить ноги с постели и встать, вернулась снова. Борясь с подступающей к горлу тошнотой, цепляясь за всё, за что только можно было уцепиться, он подобрался к двери, и тут корабль завертело по-настоящему.

За всё время «плавания» в реке, «Кентавр» ни разу не колотило так, как сейчас. Он буквально ходил ходуном, скрепя и корчась под сыплющимися на него снаружи ударами. С выпученными от страха глазами Денис схватился за маховик механизма открывания двери, но не успел сделать и единого оборота, как «Кентавр» «окунулся» в очередную «яму».

Держась за рукоятку маховика, он вдруг со всей отчётливостью осознал, что в любой момент корпус может не выдержать, разломиться, дать всего лишь одну хорошую трещину, и этого будет достаточно, чтобы за считанные минуты лишить «карманы» воздуха. И вполне может быть, там, за дверью, уже с рёвом вырываются остатки корабельной атмосферы, и, открыв дверь, он будет выброшен воздухом своей каюты прямо в образующуюся пустоту. Обратного ему не забрать. Он не успеет даже надеть скафандр.

Скафандр! Отпустив рукоятку маховика, Денис оттолкнулся от двери, целясь в сторону шкафа, только выход из «ямы» не дал благополучно завершиться этому короткому полёту. Он упал на бок, больно ударившись головой о край стола. Шкаф был рядом — на расстоянии протянутой руки, но чтобы добраться до него потребовалась целая минута. Ещё минута, чтобы открыть дверцы, и целая вечность, чтобы залезть внутрь самого скафандра. Это стоило невероятных усилий, и поистине акробатической ловкости, но теперь он был, по крайней мере, готов к любым неожиданностям.

Экипировавшись, Денис бросился в рубку. Волны дикой вибрации, сотрясавшие корпус «Кентавра» то ослабевали, то возвращались с новой силой, то стихали вовсе. Ему повезло: за всё время, пока он подымался вверх по лестнице и открывал дверь рубки, корабль находился в полосе относительного затишья, и его тряхнуло всего один раз. Но стоило Денису только войти в рубку, как «Кентавр» в который уже раз ухнул в «яму».

Он не шёл, он буквально карабкался к своему креслу, как альпинист, цепляясь за что только можно, и стараясь не терять контакт ни с одним закреплённым предметом, пока не находил следующий. Поддавшись соблазну перескочить к панели во время падения в очередную «яму», он был немедленно наказан за свою поспешность. Отброшенный сильным толчком назад, он вынужден был начать свой путь снова, проклиная стремнину, реку и свою горькую долю. Но даже в этой дикой круговерти голова у него продолжала мыслить ясно, и то, что «Кентавру» не пережить такой встряски, Денис понимал прекрасно. Маленький барометр, который с некоторых пор носил всегда при себе, и который он чисто автоматически прихватил и сейчас, ясно показывал истинное положение вещей: «карманы» быстро пустели, выбрасывая своё бесценное содержимое через сотни старых и новых трещин. Обшивка трещала по всем швам, и к тому времени, когда Денис добрался-таки до пультов, давление в рубке упало на добрый десяток миллиметров. Несколько полупустых баллонов и системы жизнеобеспечения нескольких скафандров — вот и весь кислород, который вскоре должен был у него остаться.

Преодолев с грехом пополам оставшееся расстояние, он вцепился мёртвой хваткой в спинку первого же кресла, и только тогда смог, наконец, взглянуть на панель.

Русло кипело и бурлило. Холодную синеву реки рвали на части длинные и узкие белые струи — нечто доселе невиданное в ней. Всё обозримое пространство было пронизано ими; они плясали перед панелью вверх-вниз, обрывались, сворачивались в узлы и петли, снова вытягивались и так без конца. То и дело светлый фон какой-либо из струй наполнял панель полностью, и тогда «Кентавр» начинало бить и лихорадить. Иногда это продолжалось считанные мгновения, иногда струя «держала» судно долго, по целым минутам.

Совершенно лишённый возможности хоть как-то повлиять на движение в потоке, Денису ничего не оставалось, как только стоять и смотреть на разгул стихии, вышибающей дух из и без того на две трети убитого корабля. Всё, что он мог сейчас сделать — отдаться в руки провидения и... приготовиться к последнему шторму центральной секции. Час, которого он так ждал, и которого так боялся, настал. Совершенно неожиданно. Река сама подтолкнула его к этому шагу. За переборкой, которая вскоре будет отгораживать одну часть мёртвого корабля от другой, такой же мёртвой, должно было решиться, будет ли он жить, или кончит своё существование в ближайшие сутки. Времени на раздумье у него больше не было. В несколько следующих часов всё должно было решиться.

Но мысль эта так и осталась нереализованной мыслью, ибо в следующую минуту он увидел нечто такое, что сразу отодвинуло на второй план остальное.

Параллельным с «Кентавром» курсом двигался другой корабль.

Да, это был корабль, и он не принадлежал ни одному флоту Земли. И это был не мусор, не лом, не жалкие останки, обветшавшие от бесконечно долгого блуждания по космической реке. Мимо него проплывала серебристо-чёрная конструкция без каких-либо следов повреждения и запустения — диковинной формы судно, оплетённое ажурным жабо из длинных и тонких не то антенн, не то мачт, опутанных какой-то сероватой паутиной. Не было видно ни сопел, ни реактивного выхлопа, но странный корабль двигался значительно быстрее «Кентавра», и значительно быстрее, чем если бы он двигался по воле течения.

«Парусник, — подумал Денис. — Настоящий космический парусник!»

Он ещё виднелся на панели, когда «Кентавр» снова развернуло. Очередной эфирный водоворот подхватил искорёженный корабль, повернув его кормой вперёд, по ходу движения. На панели мелькнули белые нити неоднородностей, а в следующую секунду он увидел всё русло, самую её сердцевину.

Уже не один парусник, — целый караван парусников двигался по нему, строем, похожим на виток вытянутой спирали. Их было восемь, подобные первому, но значительно крупнее, с несколькими корпусами и огромными, просто исполинскими парусами, раскинувшимися на многие десятки, а, может быть, и сотни метров вокруг. Хорошо были видны только первые, ближайшие корабли, остальные, по мере удаления, растворялись во взбаламученной реке. Последний в строю был едва заметен.

Головной корабль уже почти уходил за край панели, но идущий за ним и чуть выше него, выпустил поперёк течения что-то похожее на клубок

шупалец. На глазах у Дениса клубок начал медленно приближаться и разворачиваться, приобретая вид неровной, округлой формы, сети. Сомнений не было: его заметили, и эта штукавина приготовлена как раз для того, чтобы выловить его. Те, кто управляет парусниками, обнаружили в реке неизвестный, явно рукотворный предмет, и теперь хотят познакомиться с ним поближе. Его заарканят этим бреднем, затадут внутрь... А там? Кого он увидит там, и как те существа примут его? Похожи они на людей или нет? И насколько их разум отличен от человеческого?

Эти вопросы вихрем пронеслись в его голове, однако, несмотря на терзающие душу страхи и сомнения, внутри него, пробуждаясь, поднимаясь подобно ростку, росло и крепло уже забытое, забытое и задавленное чувство — надежда.

Денис стоял и смотрел на приближающуюся сеть.

Об авторе

Родился в 1972 году в Тамбове, где проживает по сей день. Имеет специальность «техник электросвязи». Работает на предприятии контролёром РЭАиП (радиоэлектронной аппаратуры и приборов). Публиковаться начал в 1997 году, в журнале «Юный Техник». Помимо «ЮТ» печатался в «Мире фантастики», «Технике-Молодёжи», есть публикация в журнале «Шалтай-Болтай». На данный момент на счету около полсотни опубликованных рассказов. В «Знание-Сила: фантастика» опубликованы повесть «Абориген» № 1 (18) за 2014 год и рассказ «Сделка» в № 2 (27) за 2018 год.

Александр Романов

Один к десяти целым трём десятым

Отряд двигался какое-то время по дну распадка, потом распадок сузился, и они переместились на равнину.

Гор сказал, чтобы не бздили — теория о том, что в низинах эвы нападают реже, или там их возможно почуять заранее — полная ерунда. Нельзя их почуять заранее, и в низинах они нападают также часто, как и во всех остальных местах. На равнине, на возвышенности или в воде.

— Следите за датчиками, и за своим сектором, — в который уже раз за последний час повторил Гор, — и если получите в задницу шип — не вздумайте, мать вашу, умирать.

Что нужно в таком случае делать, все хорошо знали — нужно было стиснуть зубы и активировать висящий на руке медпакет; тот не спасал, зато позволял какое-то время продержаться в сознании и раньше времени не отдать от болевого шока концы.

Знали Венд и Кара, четырнадцать новобранцев и Йон — последний был единственным из всех, кого однажды уже проткнули шипом, и кто после этого остался в живых.

Выживали две целых две десятых человека из ста — такова был статистика. Одна целая восемь десятых — то есть больше половины выживших — впадали в кому, ноль целых четыре десятых — то есть один человек из почти трёхсот — получал к яду эвов иммунитет.

Человека этого можно было застрелить, зарезать, утопить, разорвать, сжечь — в общем, сделать всё, что убивает обычного человека, но страшный, от которого не было противоядия, яд эвов на него больше не действовал.

И, самое главное — человек этот начинал чувствовать приближение эвов лучше всяких сканеров.

На самом деле выживших и получивших иммунитет было бы в десять раз больше, пропорция была бы один к десяти целым трём десятым, если бы пробитых шипом вовремя удавалось доставить в мед часть.

Удавалось это в одном случае из десяти — в том числе и потому, что на доставку от места ранения до санчасти уходило слишком много времени.

Раненые гибли от шока, от которого редко спасали болеутоляющие; от кровопотери — кровь начинала течь отовсюду, даже оттуда, откуда течь она в принципе не могла; они стрелялись; их в суматохе боя убивали товарищи.

Такие люди, как Йон, были на вес золота.

Они были ценнее, чем Гор, весь его отряд, и весь их разведывательный корпус вместе взятый.

Командир Кол говорил, что корпус можно взорвать, расстрелять, сжечь, пустить на удобрение местным уфам, можно утопить, отравить, вырезать, сварить живьем или изжарить — и всё это он сделает не колеблясь, если это поможет сохранить ему Йона.

Именно из-за Йона Гор взял с собой Венда и Кару — они хоть иммунитета не имели, но лично для Гора были на вес золота. Быстрые, дьявольски выносливые, с просто фантастической реакцией — они умели делать то, что не умел никто, даже Гор, а именно: уворачиваться от шипа выпрыгнувшего под ноги из-под земли эва.

К тому же Венд способен был поднять на плечах малый грузовоз — а это почти восемь центнеров веса; а Кара могла попасть в дырку задницы находящегося на линии горизонта эва. При этом эв мог прыгать, танцевать, кататься по земле, спариваться с другим эвом, или сам с собой — для Кары это было не помехой.

Шесть новобранцев тащили разобранный на шесть частей упакованный в ящики сканер. Восемь новобранцев их прикрывали. Время от времени они сменяли друг друга.

Задача была добраться до Скалистого плато — до той точки, где начиналась возвышенность, собрать и установить сканер — в том месте, где, согласно разведанным, проходил один из подземных путей миграции проклятых эвов, и где находился сброшенный трое суток назад, предназначенный для сканера аккумулятор (такой бы не утащили на себе ни четырнадцать бойцов, ни сто четырнадцать), и после этого вернуться обратно.

Проще простого.

Четырнадцать бойцов отвечают за сканер.

Йон — «слушает» эвов.

Кара и Венд отвечают за Йона, и, по мере сил, прикрывают отвечающих за сканер.

Гор отвечает за всех; головой — за Йона.

Они шагали между возвышенностей, когда Йон вскинул руку.

Шесть ящиков почти мгновенно оказались на земле. Венд, Кара и Гор — около Йона. Тот покачался на каблуках, поводит головой, потом вытянул руку.

Венд прыгнул — в ту сторону, куда он указал — прыгнул так быстро, что даже Гор не разглядел движение. И всё равно Венд не успел — один из новобранцев вскинул руки, затрясся, между ног у него закопошилось белое, скользкое и подвижное, из груди полезло наружу тонкое, острое и тоже белое. Венд принялся это белое кромсать, хлопать новобранца по руке, и тянуть из спины его страшный, толщиной в палец, шип, и одновременно — как умел только Венд, как будто у него вдруг выросла третья рука — палить себе под ноги — но уже ясно было, что сделать ничего нельзя — новобранец стремительно белел, заваливался набок, глаза его закатывались, язык лез наружу.

Какое-то время Венд пытался его оживить, потом осторожно уложил на землю.

Кого-то из новичков вырвало, кто-то попытался упасть.

Гор скрипнул зубами.

Пробормотал:

— Один из десяти.

Крикнул новичкам, чтобы вытирали сопли, брали ящики и двигались дальше — здесь им не дом, и никто за них ничего делать не будет. И если они не дойдут, если не доставят сканер туда, куда доставить его нужно, возможно, никакого дома они не увидят вообще.

Его просто не будет.

— Или мы, или они, — сурово добавила Кара. Проверила автомат.

Йон смотрел на погибшего. Он уже не водил головой, не раскачивался — значит, эвов поблизости не было.

Он перевёл взгляд на Кару и вдруг — как будто ничего не произошло — заулыбался.

Он всегда, когда смотрел на неё, улыбался.

Она злилась, и говорила, что вырежет ему глаза — всё равно для того, чтобы чувствовать, эвов они ему не нужны. Он говорил, что если это поможет ей научиться улыбаться — пусть вырезает. Она злилась ещё больше, и говорила, что улыбнётся тогда, когда исчезнет последний эв, и земляне смогут, наконец, переселиться на Ионию.

— Отвали! — огрызнулась Кара.

Рот Йона растянулся до ушей. Длинный нос задёргался, лицо пошло пятнами, длинные ресницы затрепетали, большие водянистые глаза наполнились слезами — они всегда у него наполнялись слезами, когда он смотрел на Кару.

— Сдрисни, новичок! — рыкнула Кара.

Гор крикнул.

Йон имел иммунитет. Йон чувствовал приближение эвов. И Йон же был новичком — удар шипом он получил в свой самый первый день своего здесь пребывания; получил прямо в лагере, у самого ограждения. Отошёл от привёзшего его челнока, и через минуту уже дёргался, нанизанный на вылезший из земли, пробивший бронированные плиты покрытия, шип.

Вернулся Венд. Проверил броню Йона, его автомат.

Йон улыбнулся и ему.

Сказал:

— Спасибо.

Венд поморщился.

Кроме того, что Йон был «слышащим», кроме того, что он был новичком, он имел и ещё одно, отличающее его от остальных качество — он всех раздражал.

Своими неуместными улыбками, своими заданными невпопад вопросами, своим дурацким, непроходящим, на щеках, румянцем.

Здесь никто не улыбался.

Здесь никто не задавал вопросы — во всяком случае, неуместные.

Здесь не было румянца.

Здесь никто просто так не болтал.

Здесь шла война.

Или земляне уничтожат эвов, или через пятьдесят, самое большее — сто лет, исчезнут. Планета Иония была единственной планетой земного типа,

до которой удалось добраться их кораблям. Такого же, как Земля, размера, с такой же силой притяжения, с пригодной для дыхания атмосферой — состав её был почти идентичен составу атмосферы Земной. Даже расположение и площадь континентов были почти такими же.

На Ионии, в отличие от Земли, не было страшных озоновых дыр, заполненных отравленной жижой вместо воды океанов, отравленной почвы, и постоянно меняющегося угла наклона планетарной оси.

«Или мы, или они», — повторил про себя Гор.

— Мы идём слишком быстро, — застенчиво хлопая ресницами, тихо сказал Йон. — Я не успеваю подстроиться.

— Мы идём так, как надо! — отрезал Гор. Может, Йон и был самым здесь ценным человеком, но командиром пока оставался Гор. — У нас график!

Венд показал, что готов.

Кара кивнула.

Новички разобрали ящики, закрепили их за спинами.

Йон продолжал улыбаться.

Он улыбался, пока они шли между возвышенностей, пока пересекали широкий ручей, пока поднимались и опускались с холма.

Второго новобранца они потеряли в низине.

Улыбка с лица Йона резко исчезла, он стал стремительно бледнеть.

Гор успел крикнуть:

— Груз — на землю!

Успел даже вскинуть автомат — Кара и Венд уже стояли спина к спине возле Йона.

Первым упал ящик, за ним стал падать держащий его боец.

Венд успел выстрелить, когда Гор только пытался прицелиться. Длинная шипастая голова эва разлетелась на куски, язык забился, захлестал человека по ногам, основание шипа переломилось.

Эв упал — и следом рухнул боец.

Из его груди почти на метр торчал белый влажный шип.

— Слишком быстро, я же говорю, — послышался негромкий извиняющийся голос Йона. Он уже снова краснел, снова начинал улыбаться — значит, злов рядом не было.

Кара сверкнула на него глазами.

Сплюнула.

Венд что-то пробурчал.

До Гора долетело: «вонючий сосунок!», «на кой хрен он тогда такой нужен!».

Он посмотрел на упавшего — тот был мёртв.

Подумал: слишком быстро ему. Надо же. Новичок, а туда же.

Венд проверил убитого. Отвесил оплеуху его соседу — тот едва держался на ногах и был блее эва. Встряхнул ещё одного, потом успокаивающе похлопал того по плечу.

— Я не виноват, — донёсся до Гора шёпот Йона. Гор посмотрел — Кара смотрела на Йона так, что Гор невольно поёжился. Не хотел бы он, чтобы она смотрела так на него — хоть он и был её командиром.

Йон нисколько не испугался — этот дурачок вдруг заулыбался, и даже — вот кретин! — погладил Кару по руке. Гор на мгновение зажмурился — он понимал, что не успевает, что когда она поднимет автомат, Йон уже будет мёртв. Самый ценный из всех, ради которого Кол готов положить весь корпус, боец, посмевший тронуть другого почти такого же (для Гора) ценного бойца — саму Кару.

Все знали — Кару трогать нельзя. Нельзя даже подходить к ней ближе, чем на метр. По её словам, трогать её мог только её гинеколог, а подходить вплотную — только её мать, но ни первого, ни второго на Ионии не было.

Гор смахнул слёзы, выдохнул — ничего не произошло.

Кара какое-то время стояла, испепеляя Йона взглядом, потом проверила его броню, пояс, и как ни в чём не бывало кивнула Гору — мол, мы готовы.

Гор крикнул:

— Груз поднять! Закрепить!

Подождал, пока выполнят команду, подождал, пока Венд переместится ближе к Йону, махнул рукой, и, чувствуя, как холодит спину ставшая мокрой рубашка, как текут по ногам ледяные капли, зашагал вперёд.

Через четыреста метров они потеряли сразу двоих.

Йон успел вскинуть руку, Венд успел прыгнуть.

Даже новички успели скинуть груз, и двое из них поднять автоматы.

Венд срезал очередь одного эва, успел сбить прикладом второго — его подстрелила, не отходя от Йона, Кара. Но двое стоявших с краю уже хрипели, уже пытались удержать пронзающие их шипы, и к ним не успевали ни Кара, ни почти вездесущий Венд.

Один умер мгновенно, второй — здоровый розовощёкий парень — продержался пять с половиной минут.

Гор разрядил его мед пакет, разрядил мед пакет его уже мёртвого соседа, и уже приладилась разрядить свой, когда Венд сказал:

— Бесполезно.

Гор с трудом встал — он был весь покрыт чужой кровью (она хлестала у парня из всех щелей бронекостюма), трясущейся рукой вернул свой пакет на место.

Вытер лицо.

Снял шлем, вытер бритую наголо голову — она тоже была вся в крови.

В голове стучало: слишком быстро, я не виноват.

И ещё: один из трёхста — самый ценный боец.

Он повернулся — всё было как в тумане.

Протёр глаза.

Кара стояла, держа ствол у головы Йона, а его самого — за горло. Вид её был страшен — волосы стояли дыбом, рот открыт, с зубов капала кровь — как будто она только что вырвала кусок мяса.

Йон виновато улыбался и что-то бормотал. Судя по его виду, страшно ему не было.

Понятно было, что Гор не успеет, понятно было, что сейчас она его пристрелит, что ей наплевать на то, что он самый ценный здесь человек — ей всегда на это было наплевать, но Гор всё-таки двинулся к ним.

— Он нам нужен, Кара. Опустит автомат. Он нам нужен, опусти автомат... — принялся твердить он.

В глазах Йона было сожаление, немного вины, но больше всего жалости — море жалости, океан, целая вселенная — её было столько, что Гор невольно встал.

— Он нам нужен... — пробормотал он и замолк.

Кара уже опускала автомат, уже вытирала кровавый свой рот — никакое мясо она не вырывала, кровь была из её искусанных губ, — уже отпустила Йона.

— Гад, гад, гад, — шептала она. — Ненавижу, ненавижу, ненавижу...

По щекам её катились слёзы.

Гор сглотнул.

Кара не плакала. Кара не истерила. Кара почти никогда не разговаривала. Кара была железным человеком. Она была крепче, чем все мужчины, которых знал Гор.

Крепче даже, чем Венд.

Или Кол.

Она вытерла лицо.

Йон что-то сказал — она дёрнулась, как от удара, и Гор снова напрягся.

Впрочем, она тут же успокоилась, проверила автомат, заставила Йона повернуться — осмотрела его. Потом сказала:

— Ещё раз скажешь такое — убью!

При этом в голосе её — или Гору это только послышалось — не было уверенности. Было что-то другое, но что именно, он не понял. Хотел было спросить, что ей сказал Йон, но передумал — сейчас это было неважно.

Новичков осталось ровно десять.

Они подняли ящики.

Подошёл Венд.

— Идём медленнее, — объявил Гор, бросив быстрый взгляд на Йона — тот поедал взглядом спину Кары, и опять улыбался.

— Солнце, — мотнул головой Венд в сторону заходящего солнца. — Мы не успеем.

Ночью эвы были в два раза активнее.

Ночью плохо работали сканеры.

Ночью плохо сражались новички.

— Идём медленнее, — повторил Гор.

— Донести груз хватит и шестерых, — негромко сказал Венд. Кара его услышала — повернулась, бросила холодный взгляд. Венд пожал плечами — мол, ничего не поделаешь. На лице Кары мелькнуло презрение.

«Хватит и шестерых», повторил про себя Гор.

Донести — да. А дальше?

Что дальше он думать себе пока запретил.

Отделяющие их от обрыва семьсот метров они прошли, никого не потеряв.

Два раза Йон предупреждал о приближении эвов — и оба раза Венд и Кара успевали вовремя выстрелить. Кара на Йона почти не смотрела — шла впереди. Сам Йон время от времени догонял её и что-то говорил — она только дёргала плечом.

Солнце приблизилось к горизонту — до начала Скалистого плато, до места, где нужно было установить сканер, осталось ровно семьсот пятьдесят метров.

Семьсот пятьдесят метров по ровной, рыхлой, изрытой эвами, равнине. На которой не поможет и Йон.

На которой не помогут и десять Йонов. Даже если они пойдут ещё медленнее. Даже если они поползут.

В такой почве эвы перемещались почти мгновенно.

— Построиться! — скомандовал Гор. — С ящиками — назад!

Вставшие первыми затравленно оглянулись.

«Чтобы дотащить сканер хватит и шестерых», — повторил про себя Гор.

Йон что-то сказал — Кара вдруг покраснела.

Гор сглотнул — Кара никогда не краснела.

Венд оглянулся, видимо услышал. На лице его было удивление, рот был приоткрыт. Он посмотрел на Йона, постучал пальцем по лбу, потом провёл им же по горлу.

Йон засмеялся.

Гор какое-то время смотрел.

На Йона — который смеялся, и который не представлял, или не желал представлять, что их сейчас ждёт; который во все глаза смотрел на стоящую рядом Кару — железного человека, убийцу, самого ценного после Йона бойца.

На новобранцев — они были готовы и ждали команды.

На Венда — тот уже отвернулся и, весь напряженившись, хищно вглядывался в лежащее перед ними поле.

На поле смерти.

Которое нужно пройти во что бы то ни стало. Семьсот пятьдесят метров, и за ними — относительно безопасное плато.

Отсюда хорошо было видно полуприсыпанный землёй, лежащий у самой границы плато, аккумулятор.

Было видно площадку, которую они должны были занять.

Отличную, мать её, ровную, без щелей и ям, твёрдую, массивную, которую не пробьёт ни один эв; и на которой они спокойно продержатся до утра.

Гор посмотрел на себя — он пойдёт последним. Он возьмёт удар на себя. Бегущих эвам поймать было сложнее, чем идущих. Доставалось всегда тому, кто бежал сзади.

— Попробуйте, — проворчал Гор. Ни разу за все предыдущие сорок шесть раз, когда он бежал замыкающим, достать его так и не смогли. Это было особое искусство — бежать замыкающим. Такое же, как у Кары — попадать в любую мишень. Такое же, как у Венда — поднимать грузовоз. Именно поэтому Кол поручил это дело ему.

— Хватит и шестерых, — пробормотал Гор и махнул рукой.

Следующие тринадцать с половиной минут он видел только серо-зелёные ноги, чёрно-зелёные сапоги, мелькающие где-то выше них ящики с цифрами, вспышки выстрелов, белые скользкие тени, и совершенно чёрные, которые, казалось, никогда не закончатся, комья земли. Они забивались в рот, в глаза, в уши, за шиворот, они набивались в штаны, в сапоги.

Они залепили автомат — и Гор швырнул его за спину. Они залепили пистолет — он швырнул его на землю. Они залепили второй пистолет — он перехватил его на манер дубинки, в другую руку взял нож.

С ножом было даже удобнее, с ножом было наверняка, и с ножом точно не попадёшь ни в серо-зелёные ноги, ни в чёрно-зелёные сапоги.

Только в белое — и наотмашь.

Только в скользкое — изо всех сил.

Только по длинному и шипастому — повернуть, рвануть вверх, вытащить.

Снова — повернуть, рвануть, вытащить.

И опять.

И ещё.

С ножом можно было подхватить упавший на землю ящик.

С ножом можно было подхватить ещё один — и откуда только силы?

Где-то сбоку рычал Венд.

Дуплетом бил автомат — это был автомат Кары.

Гор двигался зигзагами, стараясь не повторяться, и твердил про себя, как заклинание: «хватит и шестерых, хватит и шестерых...» Время от времени через заклинание прорывалось: один к трёмстам.

На четвёртой минуте — пискнули часы — комья исчезли, Гор ударился грудью в твёрдое, выронил ящики — можно будет подобрать после, — упёрся руками, подпрыгнул, перевалился. Перекатился, вскочил. Сбросил рюкзак, выхватил из него запасной пистолет, обернулся.

Венд стоял на краю плато и палил с обеих рук.

Кара, вместо того, чтобы стрелять вместе с ним, стояла чуть поодаль, и слушала, что говорит ей Йон. Тот снова улыбался. Тот совсем, видимо, с ума съехал — гладил её по плечу.

Гор заскрипел зубами.

Новичков — они уже были на плато — осталось всего семеро. Несмотря на то, что они бежали, несмотря на проверенную многократно, отлично срабатывающую на изъеденной эвами земле, тактику.

Гор клацнул зубами.

— Для того, чтобы тащить груз хватит и шестерых, — процедил он.

Он должен был довести всех. До плато — хотя бы одиннадцать.

Одиннадцать больше, чем десять целых три десятых.

Одиннадцать — это как раз столько, сколько нужно.

Венд, не переставая стрелять, закричал:

— Сканер! Живо!

Новобранцы кинулись разбирать ящики. Подняли два брошенных Гором. Вытянули из-под аккумулятора кабель.

— Сканер! Собрать! — снова прокричал Венд.

Перестал стрелять, обернулся, увидел то, что было в ящиках — их уже открыли.

«Сканер...» — повторил про себя Гор.

Посмотрел, как вытягивается у Венда лицо. Как растерянно смотрят на то, что должно было быть сканером, остальные.

Венд помотал головой — такого он не ожидал.

Гор кивнул.

Скомандовал:

— Собрать!

Венд отлично знал, что это такое, он не раз собирал это в лагере.

— Собрать!

Венд встряхнулся.

Собрал.

Быстро, уверенно, как на тренировке.

Достал из последнего ящика маяк — по его сигналу их заберут отсюда.

Что-то спросил Йон — жалобно и просительно. Потом Кара — требовательно и зло.

Спрашивали они явно у Гора, но он их не слушал.

Поднял пистолет, мотнул новичкам головой.

— Должно было пойти хотя бы одиннадцать, — пробормотал он.

Щёлкнул предохранителем. — Дошло только семеро.

Сплюнул.

— Хватит и семерых.

Вскрикнула Кара — видимо, всё поняла.

Поняла, почему вместо сканера в ящиках был разобранный реанимококон.

— Почему? — спросил Йон. — Почему?

Гор рыкнул. Он не хотел объяснять — да и Йон сам знал — почему.

Знал, просто не верил.

Потому что выживал и приобретал иммунитет один из десяти. Точнее, один из десяти целых трёх десятых. Он был важнее, чем все их четырнадцать новичков, чем все новички в лагере, чем весь их корпус. Выживал он только если сразу доставить его в медчасть. Или поместить вот в такой вот реанимококон.

Сделать то, что собирался сейчас сделать Гор, вблизи от лагеря было нельзя — эвы там нападали очень редко.

Поэтому им пришлось прийти сюда.

— Почему!?! — прокричал Йон — в голосе его было самое настоящее отчаяние.

Потому что у Гора приказ — привести обратно двоих. С иммунитетом и возможностью чувствовать эвов.

Йона, и того, кто выдержит.

Одного из десяти.

Точнее, уже из семи.

Он посмотрел, как Венд подсоединил кокон, как тот включился, замигал огнями.

Венд уже был спокоен — он понял, что будет дальше, и всё остальное его уже не волновало.

Он взял автомат, повернулся к новичкам лицом, к Гору спиной.

Гор направил пистолет на крайнего бойца. Понаблюдал, как расширяются его глаза.

Отличный был план.

Добраться до места.

Четверым — Гору, Каре, Венду и Йону — забраться на плато — замечательное, на которое не может попасть никакой эв.

Собрать кокон, включить.
Включить «трешотку».
И по одному выгонять на поле новобранцев.
И в результате получить ещё одного устойчивого к яду, чувствующего приближение эзов, человека.
Один к десяти целых трём десятым.
Одиннадцать человек — даже с запасом.
В целых семь десятых.
— Пошёл! — заорал Гор.
— Нет! Так нельзя! — крикнула Кара. Бросилась к Гору.
Он не глядя ударил — она упала.
К ней бросился Йон.
— Пошёл! — повторил Гор. Венд выстрелил бойцу под ноги. Потом над головой.
Тот повернулся, спрыгнул на землю.
Пошёл вперёд.
Гор обошёл группу справа, встал.
Он не двигался, пока солдат шёл вперёд. Не двигался, пока шёл следующий.
Третий, четвёртый.
Пока шёл седьмой и последний.
Венд прыгал, подхватывал падающее тело.
Возвращался.
Засовывал в кокон.
Включал.
Снова прыгал.
Снова подхватывал
Возвращался, засовывал.
Гор не двигался. Не двинулся он даже тогда, когда увидел идущую на него Кару, в руке которой был автомат, и которая раз за разом повторяла.
— Нельзя! Так нельзя!
Венд сбил её с ног, отобрал автомат. Откатил в сторону — чтобы не мешала.
Успел вернуться к последнему новичку.
— Один из десяти целых трёх десятых, — сказал Каре Гор. — Понимаешь?
Один из трёхста.
И мы получим его.
А потом ещё одного.
И снова.
Мы будем делать это снова и снова.
Пока таких, как Йон, не станет сотня.
Тысяча.
Ради Земли.
Ради таких как мы.
А потом — свободная от эзов планета и обретшее дом человечество.
Понимаешь?
Она не слышала — она корчилась на камнях.
Вокруг неё ползал Йон, бестолково хватал её руками, гладил, что-то скулил.

Венд вытащил последнее тело. Посмотрел на Гора.

Гор отвёл взгляд, посмотрел в небо.

Сказал себе: те, кто остались — на вес золота.

Опустил взгляд. Стараясь смотреть мимо Венда, кивнул.

Венд понял.

Сказал:

— Я смогу. Я выдержу. Я точно знаю.

Зверски оскалился.

— Ты сможешь, — сказал Гор. — Ты выдержишь.

Посмотрел на Кару. Та молча сидела на камнях. Рядом сидел Йон, держал её за руку.

Железная женщина плакала.

Венд прыгнул на землю.

Какое-то время стоял, пока из спины его не вырос шип.

Развернулся — лицо его было искажено мукой.

— Ты сможешь, — повторил Гор. — Ты выдержишь.

Венд выдержал.

Он отломил шип.

Взобрался на плато.

Добрёл до кокона.

Лёг.

Он даже смог нажать три нужные кнопки, чтобы кокон закрылся и заработал.

Гор постоял.

Покачал автомат.

Повертел в руках пистолет. Потом нож.

Подожёл к кокону, посмотрел через стекло.

Один к десяти целым трём десяткам.

И с каждой следующей попыткой шансы растут.

Венд был восьмым.

Кара будет девятой.

На вес золота, самый лучший его боец.

Самый лучший из всех бойцов, что он знал.

Так надо.

Он повернулся. Перед Карой стоял Йон. В руках его бы пистолет, он был направлен на Гора.

«Лучше бы на её месте был ты, — подумал Гор. — Лучше бы мне тебя нужно было сунуть в этот проклятый кокон. Лучше — в тысячу раз. В миллион. Я бы сделал это, не колеблясь. Ради Земли. Ради оставшихся там ста миллионов. Что такое сто миллионов против какого-то Йона?»

Он пошёл вперёд.

Он знал, что Йон не выстрелит.

Йон выронил пистолет.

Упал на колени.

— Кара, — глухо позвал Гор.

Она посмотрела на него, и как будто сквозь него.

— Кара, — повторил Гор.

Она встала. Йон обошёл её сзади, обхватил руками. Гор решил, что за такую дерзость она его убьёт. Не убила — мягко взяла за руки, отвела в стороны.

— Так нельзя, Кара! — закричал Йон. — Так нельзя...

Она сделала шаг.

— Ты сможешь, — сказал Гор. — Ты выдержишь.

— Я смогу, — повторила Кара.

— Нет! — крикнул Йон.

Загородил ей дорогу.

— Ты сможешь, Кара, — повторил Гор.

Он мог бы отбросить Йона одним движением. Одним движением мог бы сломать ему шею.

Но почему-то не отбросил и не сломал.

То ли из-за того, каким стал взгляд Кары — таким, каким он никогда раньше не был, то ли потому что Йон был самым ценным для корпуса бойцом.

— Так нельзя. Вы не понимаете, — тихо сказал Йон. Глаза его увлажнились. — Вы же люди.

Гор вдруг понял, что в них — когда он смотрит на Кару или когда просто находится с ней рядом. Понял, и почувствовал, как стала мокрой спина, как затряслись руки.

— Нельзя. Даже ради Земли. Ради будущего. Нельзя.

— Можно, — сказал Гор. — Ради будущего — можно. Это единственное, что сейчас имеет значение. Единственное, что важно.

— После того, что вы сделали, уже нет.

Гор презрительно сплюнул.

— А что же на самом деле важно? — спросил он, впрочем, не рассчитывая на ответ.

Что он мог ему сказать? Чудом выживший, ставший самым ценным бойцом — ценнее, чем Гор, ценнее, чем Венд, ценнее, чем Кара — ничего при этом не понимающий новичок? Который смотрел на Кару так, как, наверное, никто никогда не смотрел на этой проклятой всеми богами планете.

— Важно — что?.. — повторил вопрос Гор. Ухмыльнулся — ухмылка сменилась гримасой.

Кара заметила взгляд Йона, вспыхнула.

Схватила его за плечи, принялась гладить, что-то шептать.

Он прижал её к себе.

Она положила его руки себе на грудь — Гор только сейчас обратил внимание на то, какая у Кары грудь.

— Это — важно!? — выкрикнул он. Повторил — уже тише: — это важно?..

Прислушался к себе.

Вытер глаза — они были мокрыми.

Сказал решительно:

— Важно, это один к десяти целым трём десятым. Важно — это один к трёмстам. А не...

Запнулся, не решаясь произнести слово вслух.

Посмотрел на поле рыхлой земли.
На свои руки.
Бросил автомат. Расстегнул пояс.
Шагнул к маяку, дёрнул рычаг, включая сигнал.
Подошёл к кокону, открыл крышку.
Выташил мёртвое тело Венда.
Сказал:
— Я выдержу. Я точно знаю.
Подошёл к краю плато. Спрыгнул.
Один к десяти — и шансы растут.
Важно — один к трёмстам, а не...
Сглотнул.
Обернулся. Успел увидеть, как Кара — лучший боец, железный человек, не подпускающая к себе ближе, чем на метр, гладит прильнувшего к ней Йона по голове, как из глаз её льются слёзы, потом грудь его взорвалась, и тело исчезло.
Облака приблизились.
Отдалились.
Неведомая сила швырнула его на камни, протатила волоком, сунула в кокон.
Закрыла крышку.
Выдавила из него слово:
— Любовь?..
Заставила всхлипнуть и закрыть глаза.

Об авторе

Родился в 1977 году в Волгограде, где и продолжает жить. Закончил Волгоградскую Архитектурно-строительную академию. Образование высшее, архитектор. Пишет с 2013 г. Публиковался в периодических изданиях: «Юный Техник», «Машины и механизмы», «Уральский следопыт», «Техника—молодежи», «Сибирские огни», альманахе «Чайка».

Максим Фримен

Безнадёга / Желание

Космос — безмолвное ледяное пространство. Он непостижим и пугающе бесконечен. Он не любит незваных гостей, старается от них всячески избавиться, стереть их следы пребывания. (Ему не нужны конкуренты в полномочном владении временем и пространством, потому что он — и только он — является бессменным правителем за пределами обитаемых Миров.) Разница лишь в том, что всё происходит либо очень быстро, и никто не успеет даже понять, что произошло, либо медленно, и тогда несчастный сможет до мозга костей осознать ту неизбежность и ужас наступившего конца, будучи живее всех живых.

Владимир никак не мог свыкнуться с мыслью, что он уже никогда не увидит близких и друзей. При катапультировании толчок придал ему серьёзное ускорение, и он нёсся к Земле сквозь усыпанную звёздами тьму, находясь в состоянии шока. В глубине души он надеялся, что это просто сон. Однако время шло, а сон и не думал заканчиваться, превращаясь с каждой пройденной секундой в прижизненный кошмар.

Невесомость в безвоздушном пространстве была похожа на бесконечное и непрерывное падение в пустоту. Куда он ни бросал взгляд, всюду был первородный мрак, который ступил вокруг маленького человечка — крупницы жизни внутри неживого мира, — и приготовился раздавить его, как муху, выждав удобный момент. От этого ощущения в груди замирало сердце, и где-то в области живота поселился ледяной ком.

Владимиру хотелось кричать. Но толку?.. Здесь никто не услышит, и никто не придёт на помощь — вокруг мёртвая глушь. Отсюда, наверное, даже сам Бог не слышит молитвы отчаявшихся грешников, подумал он; а за его спиной между разлетающимися в разные стороны обломками некогда красивого и мощного корабля резвились солнечные блики.

Медленно приближалась Земля. Планета была укутана в рваное покрывало перистых облаков с искривленными руслами синевы океанов и пятнами зелени с желтизной в образовавшихся прорехах континентов. За её молчаливой громадой скрывалось Солнце, и по краям сверкал фантастический ореол из вырывающегося на свободу разноцветными стрелами солнечного света.

Это было великолепное зрелище!

Владимир понимал, что жить ему оставалось всего ничего: вскоре он войдёт в плотные слои атмосферы, и просто сгорит, превратится в ничто,

и от него ничего не останется. Однако, что-либо поделаться с этим он не мог. Где-то из глубин памяти выплыла лекция одного профессора по физике, когда он был курсантом авиационного факультета, и преподаватель говорил, что тело при вхождении в плотные слои атмосферы на сверхзвуковой скорости начинает гореть вовсе не от трения о воздух, а от, так называемого, аэродинамического нагрева.

Конечно, приближение к Земле можно остановить с помощью модернизированного УПМ (Устройство для перемещения и маневрирования), размышлял пилот, но дерьмовое положение дел к лучшему от этого не изменится. Полная задница, что так, что эдак, как ни крути. Выбор у него довольно не велик: задохнуться от нехватки кислорода, когда он закончится, или сгореть в атмосфере. «Спасться» тут не фигурировало. Оно здесь лишнее.

Космонавт неловко перевернулся на спину, чтобы посмотреть на место крушения.

И ведь надо же было этому произойти!..

Судьба — не иначе.

Владимир точно помнил, как они с Веганом (бортовым компьютером) составили маршрут, выверили линию полёта вплоть до миллиметра, сверились с показаниями научной станции на Луне о наличии в секторе космического мусора, и, получив зелёный свет, нырнули в подпространство. Где-то на середине пути между созвездием Весов, — старт произошёл с торговой станции на планете Глизе 581d, — и самой Землёй пришло сообщение об ошибке в высланных данных, и в исправленном отчёте было сказано, что в том месте, где должен «выпрыгнуть» корабль, будут проходить метеоритные осколки.

Во всей этой истории стоит упомянуть следующее: тормозить во время «прыжка» категорически запрещено. В истории межзвёздных полётов известно множество случаев исчезновения людей в пространстве-времени, которые больше уже никогда не выходили в обитаемую зону Космоса.

Многие задавались вопросом: где они, что с ними, что происходило в тот момент на корабле, но Космос строго хранил свои секреты. Владимиру оставалось только молиться, чтобы его пронесло каким-нибудь магическим образом мимо космического шлама. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Стоило ему оказаться в нужном месте в нужное время, как правое крыло корабля озарилось огненной вспышкой. Тут же начал вибрировать корпус, будто бьющийся в судорогах человек от сильного переохлаждения, по плоскостям застучали вырванные фрагменты теплоизоляционных плит и куски различного мусора. Следом застонала внутренняя обшивка, ей вторила пиликающая система предупреждения о возможном взрыве топливных систем и разгерметизации жилого отсека.

«Катапультируйтесь... Катапультируйтесь... Катапультируйтесь... Кат... пул...», — хрипел и заикался компьютер, взяв управление на себя; Владимир только и успел, что натянуть шлем, включить подачу кислорода в скафандре, пристегнуться к креслу, и дёрнуть за рычаг. Миг, и он уже вне кабины. А под ним, над ним и по сторонам разверзлась беспросветная пустота, как напоминание о горькой доли обречённого человека и тщетности бытия.

Взрыв топливного бака произошёл в тот момент, когда Владимир был уже в полукилометре от полыхающего корабля. Он ощутил слабый толчок в спину, и на этом всё закончилось. Осталось лишь всепоглощающее одиночество.

Тем временем Земля стала ещё ближе. Она постепенно заполняла видимое пространство, неумолимо надвигалась на мчавшегося к ней космонавта, словно быстрее хотела заключить в свои объятия, как жена собственного мужа после долгой разлуки, и уже никуда и никогда не отпускать. К горлу Владимира подступил горький комок. Ему было двадцать восемь лет, и он должен умереть. А умирать сильно не хотелось. В бесплодной попытке отсрочить неминуемое, он попытался с помощью УПМ направить себя обратно вглубь Космоса, но ничего не получилось: двигатели чихнули пару раз и умолкли. Времени исправить техническую неполадку не было, как не было и места, где проводить ремонт. В какой-то момент Владимир почувствовал лёгкое прикосновение к себе, как будто кто-то несмело пытался обратить его внимание на кого-то. Он понял, что земное притяжение прочно всадило в него свои крючья, и будет подтягивать всё ближе и ближе к точке невозврата.

Владимир посмотрел на укрытую ночной тьмой европейскую часть Большой земли. То тут, то там сверкали всполохи молний среди собранных в спираль туч, где-то горели огни далеких городов, плавно перетекая из страны в страну. Эти желтовато-рыжие точки и соцветия с бледноватым оттенком были похожи на разбросанный жемчуг на чёрном бархате в тлеющем свете потухшего костра. И там внизу кипела жизнь. И ей не было никакого дела до злоключений одного пилота, чей жизненный путь отсчитывал последние секунды.

Быстрей бы уже!..

Он закрыл глаза, пытаясь привести в порядок мысли. Но мысли путались, формирующиеся образы нечётко вырисовывались на полотне воображения, как несмелые наброски на холст начинающего художника, превращались в намёки на нечто великое, и тут же стирались, будто мастер пугался собственных фантазий, и ещё в ушах стоял какой-то непонятный и назойливый звук. Владимир прислушался. Звук напоминал редкие, но в то же время и сильные удары толстой палкой по стенкам пустой бочки как по барабану.

Ответ как-то сам собой пришёл на ум: «Моё сердце». Его мерный стук означал, что он ещё жив. А значит, смерть чуть-чуть подождёт.

Владимир открыл глаза. Планета Земля полностью занимала видимую им панораму. Ему стало страшно; сердце забилося вдвое чаще обычного, кровь с шумом горного потока понеслась по венам. Краем глаза он заметил, как пространство вокруг него изменилось в цвете: слева оно приобрело легкую рыжинку, а справа царствовала непроглядная чернота. «Приплыли», — с грустью подумал Владимир и посмотрел на свои руки. Вокруг них всё сильнее и сильнее разгоралось свечение, как от дуговой сварки. Цвет огня приобретал всё более сине-оранжево-желтый оттенок, вытесняя белый...

Их было двое. Он и она. Молодой человек с девушкой лежали на вершине холма посреди лесной полянки и смотрели на ошестинившееся мириадом звёзд ночное небо. Неподалеку серебрилось зеркало пруда и пахло свежестью. Пруд дышал прохладой. Вокруг кверху вздымались ели и сосны, и сквозь растопыренные ими остроконечные ветви мягко струился лунный свет, оставляя в воздухе прямые линии светлых прострелов.

Им было хорошо вдвоём. Они не хотели расставаться друг с другом даже на время сна. Молодым людям это казалось кошунством. В целом огромном мире только их чувства были средоточием тепла и нежности, где они могли отогреться и отойти от накопившихся невзгод.

— Знаешь, — тихо сказал он, — я не могу без тебя.

Девушка мягко улыбнулась и приложила прохладную ладонь левой руки к его щеке. Безобидный и простой жест моментально наполнил юношу спокойствием и ощущением легкости.

— Я тебя люблю, — сказала она.

— Ты думала над моим предложением?

— Думала.

— И?

— Я согласна.

От ответа подруги парень приподнялся и опёрся на локоть. Он смотрел в глаза своей избранницы и счастливо улыбался. Сейчас пусть хоть весь мир сгорит дотла, и звёзды начнут падать с неба на землю, но он всего достигнет ради любимой девушки, чтобы сделать её счастливой!

Молодой человек страстно поцеловал подругу в пухлые губы и обратно улёгся на землю, подложив под голову руки. На душе у него бушевала целая буря страстей и эмоций, способных наделить его кипучей энергией и отправить совершать безумные подвиги на почве любви. Ему плевать, что скажут другие люди! Главное, он обрёл счастье.

— Смотри-смотри! — резко выпалила девушка. Её рука указывала куда-то вбок и вверх. — Скорее загадывай желание!.. Я загадала.

Парень перевел взгляд на ту точку, которую указала спутница. В небе светилась царапина падающей звезды...

Об авторе

Родился в 1990 году в Беларуси, где проживает по настоящее время. Пишет по настроению. На страницах «ЗНАНИЕ-СИЛА: Фантастика» публикуется уже не впервые. Ранее напечатаны были рассказы «Первый представитель», «Боги спустились к нам», «Неудавшийся побег».

Кирилл Берендеев

Наши боги

— Прибыли! — торжественно изрек Командир, стоило только кораблю выйти из гиперпространства, а экранам перестать показывать серую, в блестках, муть и отобразить звездную россыпь. Знакомые с детства созвездия сдвинулись, переменялись, многие исчезли, сменившись новыми. Почему-то показалось, будто не корабль исчез в одном и появился в другом месте, а само время вокруг него сдвинулось, вернувшись в незапамятные дали, на десяток тысяч лет назад.

В сущности, так и было. Ведь мы прилетели к планете, откуда, по утверждениям множества ученых, прибыли наши боги. Те, кто некогда, на заре существования человечества, спустился на Землю и, увидев, сколь слаб наш разум и бессильны мысли, одарил щедро и бескорыстно. А затем исчез навсегда с нашей планеты. Ведь, главное сделано: скудным умом скитальцам по землям и пустошам, подарен разум, которым мы гордимся, на который так полагаемся.

Когда-то все гипотезы о внеземном контакте на ранних развитиях гомо сапиенса считались досужими домыслами. А рассудительных мужей, пытавшихся доказать, что резкий переход от собирательства к земледелию, от кочевого образа жизни к оседлому, от родоплеменного общества к сословному стал возможен только благодаря вмешательству извне, нещадно поносили, обливали грязью и высмеивали. Считая, что наш разум есть суть и основа самой эволюции и как-то даже не задумываясь над братьями по крови — теми же неандертальцами, что за триста тысяч лет блуждания по Евразии не смогли придумать ничего существенного, не создать хотя бы подобие, хоть отголосок самой примитивной цивилизации. Мы же внезапно не просто скучковались в одном месте, прихотью природы, нет, мы стали основывать города и селиться в них. Мы придумали законы, выбрали правителей и создали торговлю. Мы исходили весь мир, умножая закрома премудрости. Человеку внезапно оказалось мало прежнего образа жизни, и он круто переменял его. Но ответ, как он сумел это сделать за столь короткий, всего-то в тысячу лет, промежуток, оставался на совести злопыхателей, смеявшихся над теми, кто давно уже понял, кто помог нам подняться с земли и оглядеться по сторонам.

Сейчас они могли торжествовать в полной мере. Если бы, конечно, пожелали, презрев собственный моральный кодекс. Мудрые мужи оказались правы, они не просто доказали существование братьев по разуму,

больше того, они нашли тех, кто одарил нас самым пониманием мудрости. Пусть на это ушло очень много времени, но поиски того стоили. Начав с малого, мы нашли пристанище наших богов, возможно, ту самую планету, с которой начался долгий путь самой великой цивилизации. Самой щедрой, самой справедливой. Истратив немало лет на подготовку первой экспедиции, отправили ее к отцам своим. Нас четверых, которые и должны были пронестись через три десятка световых лет, встретиться с отцами и показать, чему выучились, как выросли, до чего дошли в своем собственном пути. А у противоположного входа в гиперпространство нас остались ждать земляне, весь наш мир, затаив дыхание, ожидал первых новостей, передаваемых через челнок, оставшийся у входа в червоточину. Они ждали.

А нам еще только предстояло показать себя, склониться пред нашими учителями и благодарить за все то, что они сделали для нас — когда-то давным-давно. И в эти минуты сердца наши переполняла гордость и радость. И еще многое что.

— Промахнулись немного, — сбив восторг моего сердца, произнес Бортинженер. — Планета в секунде дуги. Видимо, маневр не рассчитан с должной точностью, — это уже подколка ко мне, Второму пилоту.

— Неважно, — пожал плечами Капитан. — Мы прибыли. Возможно, нас уже заметили и... в любом случае, лучше добираться потихоньку, затратив несколько часов, чем с ходу ломиться в дверь. Так правильней.

Бортинженер буркнул, но ничего не сказал. Я взгляделся в расчеты.

— Ошибки нет, — произнес я чуть погодя. — Возможно, всплеск тахионного поля, но над этим...

— Да все в порядке, так даже лучше, — уже окончательно встал на мою сторону Капитан. — Двигаемся и подаем сигналы по всему диапазону. Лингвист?

— Я здесь, капитан

Самая молодая из нас, но и самая настырная, попавшая через наиболее трудное сито отбора, поднялась на мостик. Он смерил взглядом девушку, улыбнувшись, кивнул ей.

— Готовьтесь. Возможно, уже сейчас нам предстоит разговор.

Она порхнула к своему месту, точно бабочка. Я заметил, как Бортинженер залюбовался ее девичьей грацией. И тут же одернув себя, принялся посылать приветствия на языке пришельцев. Том самом, на котором общались они немисливо давно. Конечно, с той поры язык изрядно переменялся. Но так лучше — они сразу поймут, кто и почему прибыл к ним. Сразу, и тотчас вышлют навстречу свои корабли. Интересно, как наши боги выглядят сейчас?

Мы сами сильно изменились за прошедшие пятнадцать тысяч лет. Думаю, они — куда больше. Мы знаем о наших богах не так много, всего-то по раскопу в одной из пещер, где они, вероятно, устроили основной бивуак на планете, а затем, не слишком озаботившись уборкой, покинули его. Там одна из экспедиций далекого двадцать второго века и нашла ряд предметов, с одной стороны, неопровержимо доказывающих контакт пещерных людей

с пришельцами, а с другой, дающий ответ на вопрос, кем же они были — хоть в малейшей степени.

С той поры к этому знанию прибавилось немного. Мы поняли, как и почему собираются мифы всех народов мира, откуда они пришли и почему именно территория Леванта стала прародительницей всех цивилизаций. Археологи часто встречали изображения наших богов — но мало кто додумывался соотнести их друг с другом. Мало, кто понимал, почему многие рисунки и пиктограммы из эпохи каменного века указывают на пояс Ориона, одну из его звезд. Мало, кто мог объяснить, как именно наши предки догадались начать селиться у берегов рек и перейти от кочевого образа жизни к оседлому, заняться промыслами и земледелием. Почти все объяснения несли в себе столько неувязок и белых пятен, до той поры, пока не была найдена пещера в глухих горах Эт-Тубейк. А в ней несколько странных приборов, записи на табличках из кварца, на языке, послужившем основой всем нашим наречиям. И еще многое — и малое — что дало нам ключи для понимания основ нашей культуры, нашего общества, нашего разума, наконец.

Странно, но за те два часа, что мы приближались к планете, преодолевая расстояние в шесть миллионов километров, ответа на сообщение не получили. Больше того, ни одного сигнала вовсе не поступало с планеты.

— Будто хозяева вышли ненадолго, забыв запереть дверь, — заметил Бортинженер, когда до поверхности оставалось всего пятьсот километров. Он то и дело хмурился, кусал губы, хотя прежде делал вид, что его одного все устраивает. — Может выслать вперед беспилотники, а то вдруг дверь заперта?

— Уже выслал, — ответил я, опередив Капитана. — Сейчас они сканируют планету.

— Могут попасть под раздачу.

— Я не думаю, что наши боги...

— Прекрати их так называть, — вдруг резко произнес Бортинженер. — Они не боги, они такие же как мы, только...

— Даже для нас нынешних они как боги, — неожиданно встряв в разговор, согласилась Лингвист. — Не цепляйся. В самом деле, мы сейчас смотрим на их планету и не понимаем, ни где сами жители, ни как они создали этот цветущий сад. На планете пусто, как будто тут никого никогда не было.

— Похоже на заповедник.

— Скорее всего, — тотчас согласился я. — Ведь и мы додумались создавать заповедники в местах археологических памятников. Достаточно вспомнить пирамиды Гизы.

— Это могильник, — внезапно нахмурившись, произнес Бортинженер.

— Цибильчальгун, Ушмаль, Вавилон, Ниневия... Еще перечислить?

Он покачал головой. Затем, видимо, получив данные с беспилотника, сказал негромко:

— Если и ушли, то очень далеко. Планета действительно как дикий сад.

— За ним могут присматривать и издали. Послушай, неужели все земляне должны побывать в Луксоре?

— Оставь сравнения! Если они и перенесли свои технологии, то под поверхность... Аппараты, проверить пространство под кораблем на наличие глубинных пустот. — И, повернувшись к Капитану: — Мы будем садиться? Атмосфера ничем не отличается от земной, азота чуть меньше, гравитация в ноль, восемьдесят пять.

— Разумеется, — не размышляя ни секунды, ответил Командир. — Надо выбрать точку.

— Да тут все одно, где.

«Глубинных пустот предположительно искусственного происхождения не найдено», — донесся голос из динамика. На экранах высветилось изображение нескольких естественных каверн, одна из которых содержала артезианскую воду. Глубина залегания полтора километра.

— Мне кажется, что наши... учителя могут измениться гораздо сильнее, — откашлявшись, вставила свое слово Лингвист. — Может, мы просто их не в состоянии увидеть. А они следят за нами, давно все поняв.

— Это что, по-твоему, испытание?

— Нет... или да. Я не знаю... — смешалась она. — Видимо, надо выйти самим, а не посылать аппараты.

— Наземная разведка местности, — приказал Капитан.

Часть беспилотников рванулась к самой поверхности, начав довольно бестолково метаться вдоль рек и озер. Один из них забрался далеко в саванну. Климат планеты, кроме прохладных полюсов, был довольно однообразен.

— Кажется, аппараты не понимают, чего ты от них хочешь, — пробормотал я.

— Понимают, уж поверь. Они ищут следы искусственного тепла, — пояснил Капитан.

— Радиации, ионизации? Но мы проверяли...

— С орбиты. А они могут быть весьма слабыми.

— По-моему, проще сесть и тогда уже разведывать. Своими глазами пощупать. — Я улыбнулся, произнеся последнюю фразу. — Так обычно говорил мой учитель, готовивший меня... да всех нас к экспедиции. — Как же давно и как недавно это было. Визит к Прометею, так называли его в прессе. А как иначе, ведь и корабль наш носит его имя — титана, создавшего род людской, подарившего ему мудрость, а под конец и урвавшего огонь у жадных богов-олимпийцев. Интересно, почему же мы не называем своих учителей титанами, а говорим лишь «наши боги». Сила привычки?

— Спускаемся, — решил командир.

Корабль медленно стал сваливаться с низкой орбиты, выбирая точку для приземления.

Через час мы уже дышали свежим воздухом саванны, переходящую в огромную, на несколько десятков тысяч километров, полупустыню в центре небольшого континента, где мы и остановили бег корабля. Выбрались и внимательно осматривались. Стайки беспилотников летали вокруг нас, наперегонки со стаями потревоженных шумной посадкой птиц. Наконец, те успокоились, все стихло, замерло.

— Удивительный мир, — произнесла Лингвист. — Как будто Земля и вроде бы совсем нет. У меня странное ощущение.

— У меня тоже, — согласился Капитан. — Что-то сродни дежавю. Наверное, нервы. Не так ли? — с этими словами он обернулся к Бортинженеру. Но тот молчал, глядя то по сторонам, то на лист вычислителя, показывавшего мир вокруг нас. Тут было ему подивиться. И виду растений, произрастававших окрест и животных, видневшихся вдаль. Лингвист права, место как будто восточная Африка, как будто пятнадцать тысяч лет назад. Или может быть наше подсознание играет с нами в знакомые игры, давая пищу для узнавания и тут же отбирая ее, при внимательном изучении. Ну чем вон те парнокопытные не газели? Разве что расцветкой и дубленой панцирной шкурой? Но ведь бегают так же, а не как земноводные.

— Мы так и будем стоять или делом займемся? — Бортинженер не выдержал. — Надо искать следы.

— Что именно ты хочешь найти? Кроме пустот, конечно?

— Возможно, древние что-то оставили для тех, кто прибудет сюда. Они же должны предположить, что их ученики станут искать своих прародителей. Не просто так все те подсказки в пещере.

Он прав. Именно по тем подсказкам в горной пещере мы и нашли эту планету. Будто нарочно оставили. А может быть и вправду, нарочно. Та удивительно прочная кварцевая пластинка, которую не брал даже лазер, несла в себе карту звездного неба, среди которого выделялась не просто звезда, но и определенная планета на ее орбите. Как та золотая табличка, которую мы три века назад отправили вместе с первым аппаратом, покинувшим пределы солнечной системы.

— И какие следы? — не удержался я.

Бортинженер помолчал, огляделся. Хотел что-то сказать, но тут его перебил сообщением один из беспилотников, отлетевших от нас километров на тридцать: «Найдены человекоподобные существа, возможно, разумные. Количество семнадцать, прямоходящие, наличие, возможно, не ритуальных покровов по всему телу».

Последнее насмешило и меня, и Лингвиста. Искусственный интеллект иногда умеет завернуть чрезвычайно остроумные фразы. Порой думаешь, это он так пытается шутить или всерьез еще не слишком владеет тонкостями человеческой лексики?

— Обследовать, прислать данные, — приказал Капитан. И оглядевшись, добавил. — Кажется, кое-что начинает проясняться.

— По мне — никак, — тут же возразил Бортинженер. — Это вообще кто?

— Беженцы, — с ходу ответил он. — Как будто не понятно. Вероятно, как и мы, нуждающиеся в уходе и помощи. Вот только с планетой оказалась беда, и наши боги... наши учителя, если так тебе угодно, решили поделиться своей. Раз уж она заповедник.

— А мы окончательно решили, что она такова? Вообще, странная версия. Если предположить в учителях кого-то, подобного богам, то они бы не то, что планету спасли, вместе с населением, они бы солнце потушили... Пятнадцать тысяч лет прошло.

- Не уверен, что даже у богов есть такая сила.
- Или хотя бы передвинули планету.
- И тогда мы на ней?
- Это ты так сказал.

Оба заспорили, никак не в силах придти к общему решению. Я не выдержал, напомнил о дикарях. Название всех покорило, на меня шикнула Лингвист, но этого я и добивался. Сев в открытый челнок, мы споро покинули место посадки и добрались до жителей саванны. Впредь Капитан велел мне называть их бушменами — по аналогии с нашими племенами, не добравшимися до каменного века, но жившими и без благ цивилизации, которая им, видно, показалась излишней.

Бушмены повскакали, едва заметив наше приближение. Вооружились палками, но затем, по мере нашего приближения, как-то неожиданно побросали их. Мы сходились уже безоружные, подняв руки, символизируя добрые намерения. Аборигены что-то пытались произнести, но на них постоянно шикал старейшина. Когда до них оставалось всего-то метров пятнадцать, над головами завис любопытный беспилотник. Туземцы немедленно замерли, кто-то упал наземь. Капитан, сам встревоженный его появлением, тут же отозвал небесного странника, куда подальше.

— Пусть проверит окрестные скалы на предмет искусственных пустот, — посоветовал Бортинженер. Капитан посмотрел на него: — Объясняю, если этих дикарей, как говорит Второй пилот, собрались цивилизовать в заповеднике, значит, им должны были подкинуть знания. Хотя для общины тут слишком мало народа.

- Значит, есть и другие, — тут же заметила Лингвист.
- Вот только непонятно, что же боги, — встрял Бортинженер.
- Возможно, они следят за всеми нами.

Беспилотник унесся к ближайшему холму, в сотне метров от нас. Затем к следующему. Мы сошлись.

И тотчас бушмены повалились, ровно снопы, наземь. Протянув вперед руки, они заговорили разом, потом, приподнявшись на колени, но продолжая при этом протягивать к нам руки, снова восклицали что-то — бедная Лингвист готова была плакать, ее транслятор не справлялся с нагрузкой. Наконец, старейшина взял себя в руки. Заговорил уже один.

— Корень языка наш, общий с богами, — тут же произнесла девушка. Мы обернулись друг на друга. — Сейчас попробую подстроить. Дайте ему знак, чтоб говорил.

И начала показывать на себя, свой рот и его, пытаясь убедить старейшину повествовать дальше. Тот заторопился с пояснениями. Наконец, настроенный переводчик ожил:

— Вы наши предки? — спросил старейшина. Мы переглянулись, наступило обоюдное замешательство.

— Что ты знаешь о предках, мудрейший? — первой ожила Лингвист. Тот снова простер руки, на сей раз, воздел их к небу.

— Нет, я не мудрейший, я жалкий глупец. Как и все мы. Наши предки были великими мудрецами и путешественниками. Они поднялись на небо и ходили между звезд, мы ходим по земле и смотрим в небо. Они познали

истину и создавали миры, в которых жили, мы неспособны обустроиться здесь и ищем новые места. Они жили богато, мы почти все время голодны. Они... но что я говорю. Ты знаешь это. Я видел, как вы спускались с небес. Как птицы приносили вам вести, как звери слушались вас. А мы сражаемся со зверями за еду, — грустно перевел слова старика транслятор.

— Что случилось с вашими предками? — он удивленно посмотрел на девушку, потом неожиданная улыбка отразилась на его лице.

«Найдены остатки жилых и рабочих строений, — пискнул беспилотник. — В округе некогда находилась крупная агломерация, для сотен тысяч жителей. Зброшена от восьми до восьми с половиной тысяч лет назад. Скрыта под полутораметровым слоем наносов».

— Вы не знаете. Хвала земле, вы не знаете. Звезды прокляли наших предков, — воскликнул старейшина, продолжая, как безумный, улыбаться. — Звезды согнали их с небес, они вернулись на землю и вынуждены были ходить, как мы, и питаться, как мы, и голодать, и жажда. Небо не пускало их больше, и они не знали, как подняться. Но вы знаете. Вы, наши предки, вы вернулись. Вы ходили меж звезд, но они не прокляли вас. Значит, проклятье спало. Мы свободны от него. Позвольте, мои сыновья разнесут весть о вашем приходе другим родам.

Наступила пауза. Старик смотрел на нас, мы на него.

Я не выдержал. Бросился на колени перед старейшиной, взял его за руки. Слезы сами полились из глаз.

— Наши боги, — бормотал я, ровно в забытьи, — наши боги...

Меня с трудом подняли.

— Как же так? — едва слышно произнесла Лингвист. — Дети Прометея, вы стали детьми Эпиметея...

Капитан очнулся. Дал приказ беспилотнику искать кварцевые таблички, те, что крепче алмаза, прочнее титана. Ученые подсчитали, что такая способна пережить любую катастрофу, что ей космический холод, жесткое излучение или нестерпимый тысячеградусный жар — она все равно не повредится, никем и ничем, донесет свои знания через миллионы, десятки миллионов лет. Мы назвали их...

«Приступаю к поискам скрижалей Прометея», — сообщил беспилотник. Сделал круг над нашими головами и скрылся. Лингвист подняла старика, поддержала его, пока не прошло головокружение. Старик, грустно говорить, но ему нет и сорока.

Дети Прометея, почему вы стали такими? Что сокрушило ваше величие? Какая катастрофа смогла стереть цивилизацию, да и разве возможно такое? Вы пережили бы взрыв солнца, излучение пульсара или появление черной дыры. Вы сами изничтожили бы любой источник угрозы, вы, подчинили себе могущество галактики. Что могло случиться со столь могущественными с богами?

Неужто, вы соблазнились самим могуществом и покорились ему? Неужто, вы возжаждали наслаждений, со временем забыв, что служит их первопричиной?

— Наши предки, — снова пытаюсь преклонить колена, произнес старейшина, — вы поделитесь с нами частицей нашей прежней мудрости? Вы сочтете нас достойными древних знаний?

Снова неловкая пауза. Старик не понимал, отчего прибывшие со звезд, старательно прячут глаза и пытаются скрыть горечь от великой встречи с учителями, смешанной и с жалостью, и с искренним состраданием.

Об авторе

Родился в 1974 году. Окончив среднюю школу, поступил в МИРЭА, в 1998 году закончил его. В настоящее время редактор-составитель журнала «Edita» (Гельзенкирхен, Германия).

До настоящего времени печатался в журналах: «Континент», «Слово», «Московский вестник», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Искатель», «Мир фантастики», «Человек и закон», «Машины и механизмы», «Север», «Смена», «Урал» и иных, менее примечательных. В № 1–2016 литературного приложения «ЗНАНИЕ-СИЛА: Фантастика» был опубликован рассказ «Бросить курить».

Печатался в сборниках издательств «Альфа-книга», «Шико», «Эксмо», «Северо-запад» и пр. Романы и авторские сборники Берендеева выходили в издательствах «Флюид», «Букмастер», «Издательские решения» и некоторых других.

Лауреат премии «Петраэдр» в номинации «Короткий рассказ».

Павел Подзоров

ИНТЕРВЬЮ

Корреспондент районной газеты «Жизнь региона» Алексей Цветков шёл по весеннему городу. Пригревало солнышко, журчали весёлые ручейки и на душе было радостно. Шёл он не просто так, а по заданию редакции.

Дело в том, что волею случая, их город посетил профессор Антипов. Для небольшого районного центра приезд учёного, пусть даже с неофициальным визитом — событие не рядовое! И упускать такой случай было бы непростительно.

Откуда про это прознал редактор — неизвестно. Однако, с утра он вызвал к себе в кабинет весь личный состав редакции (в количестве 3-х человек) и поделился важной новостью.

Цветков сам вызвался взять интервью. Редактор, зная Алексея как парня толкового и общительного, а главное, тактичного и думающего, поручил это дело именно ему.

Поэтому сейчас, наслаждаясь погожим весенним днём и поглядывая на девушек, молодой корреспондент прикидывал, как и о чём он будет беседовать с профессором.

* * *

Профессор имел типичную хрестоматийную внешность. Седые, растрёпанные «на Эйнштейновский» манер волосы, густые усы и брови, невысокий, плотный. На носу большие круглые очки с выпуклыми линзами. Одет в обычные брюки и походную ветровку.

Единственным атрибутом, не вписывающимся в образ, была беспроводная гарнитура в ухе. Что поделаешь — XXI век накладывает свой отпечаток.

— Здравствуйте, здравствуйте, молодой человек, — радушно улыбнулся профессор на приветствие Цветкова. — Милости прошу.

Корреспондент прошёл в комнату. Профессор остановился в гостинице с громким названием «Отель Райкомхоза имени Октября». Его внешность совсем не вписывалась в обстановку захудалого номера с потёками воды на штукатурке и вытертым линолеумом на полу.

— Чем обязан визиту? — осведомился профессор, предложив гостю старый расшатанный стул с потёртым плюшем.

— Да вот, узнали о приезде в наш город такого известного человека, как вы, светила нашей науки, — Цветков знал, что учёные мужи весьма падки на лесть, — и не могли не обратиться к вам с просьбой об эксклюзивном интервью.

— Ко мне?.. Светила науки? — профессор явно скромничал, делая вид, что не понимает. — А с чего вы решили?..

— Наша газета опередила другие, благодаря главному редактору. — раскрыл карты Цветков. — Ведь вы с ним, кажется, знакомы?..

Это было чистой воды предположением, но Алексей, похоже, угадал.

— Ах, да... Да, конечно, — снова улыбнулся профессор. — Что же именно вас интересует?

— Расскажите немного о себе. Над какой проблемой в настоящее время работаете. И всё такое.

Корреспондент был готов поклясться, что профессор не знает, с чего начать. Он напряжённо думал, для чего снял очки и, прикрыв глаза, долго и тщательно их протирал.

Очевидно, он принял какое-то решение.

— А что вас, юноша, вас лично, что интересует? — Спросил он с прищуром. — Думаю, пространные лекции с формулами ни вас ни ваших читателей не заинтересуют.

— Меня?.. Да пожалуй, как и всех — Истина!

— Эва — куда замахнулись!.. Ну ладно. Только давайте бартер: я побеседую с вами, а вы, в свою очередь, поможете мне?.. Дело в том, что я здесь никого не знаю, а у меня небольшая поломка. Идёт?

— Всё, что в моих силах, — заверил Алексей.

— Дело в том, друг мой, что любая наука нацелена на постижение Истины, — начал профессор. — Все исследования так или иначе стремятся к познанию Истины или хотя бы её части. Не так ли?..

— Пожалуй.

— Так вот! Одна из проблем в том, что люди привыкают считать очевидное очевидным, не задумываясь над этим — по привычке. Стремление увидеть необычное в привычном и есть ключ к постижению Истины. Поясню на примере. Возьмём, скажем, ваши... эээ... человеческие органы чувств. Назовите мне их.

— Зрение, слух, вкус, обоняние, осязание... — перечислил Алексей азы школьной анатомии.

— Пять?! — полувопросительно, полуутвердительно подхватил собеседник. — Хорошо, пять. Весь окружающий мир люди воспринимают через них. В итоге формируется картина мира, точнее, человеческого представления о нём. Которое вполне может не соответствовать действительному, — профессор снова улыбнулся, глядя на молодого сотрудника газеты, но взгляд его был серьёзен. Цветков только сейчас понял, что казалось ему необычным. Радужка глаз профессора была абсолютно чёрной и ничем не отличалась от зрачка. Большие очки несколько скрадывали это и отвлекали внимание.

— Основная идея — в несовершенстве этих органов восприятия. Вот это, например какой цвет? — профессор указал на красную картонку.

— Красный, конечно, — сказал Алексей.

— А откуда вы это знаете? Можете не отвечать — сам скажу. Знаете потому, что с детства глядя на этот цвет, слышали его название — красный. Но нет никакой гарантии, что Вы НЕ видите его, к примеру, синим, а я совсем иным. Просто с рождения каждого человека приучают, что такой цвет — красный.

— Выходит, каждый может видеть свой, индивидуальный цвет?

— Вот именно. А восприятие может быть индивидуально. Полагаю, что именно поэтому одни обладают, так называемым, художественным вкусом, а другие нет. Одни находят красивым сочетание цветов одежды, а другие безвкусным. А дело всего-навсего в индивидуальном восприятии. При ином строении зрения можно увидеть, что этот цвет состоит из нескольких тысяч неуловимых человеческим глазом оттенков.

Да и что такое — цвет? В природе нет такого понятия. Есть отражение света от разных поверхностей и свойства человеческого глаза по его восприятию. Не самое совершенное, заметьте. По сравнению с собакой, видящей мир чёрно-белым, люди, конечно, имеют преимущество. А вот, например, в сравнении с... соколом-пустельгой, — профессор не без труда нашёл пример, — видящим стрекозу на расстоянии пятьдесят метров, существенно проигрывают.

— То же самое справедливо и для остального. Звук — это вибрация определённой частоты. Диапазон восприятия человека примерно от 16 до 20 тысяч Герц. Звуки выше и ниже по частоте для... эээ... нас не существуют. А ведь они есть. Всё пронизано этими вибрациями. А люди слышат только часть мировых звуков, то есть только фрагмент мира.

То же применимо к обонянию, вкусу и даже осязанию.

— Осязанию? — Цветков с сомнением посмотрел на собеседника. — Цвет, звук понять можно. Но осязание, — он потрогал гостиничный стол с пятнами от кипятка и окурков. — Вот стол: он из дерева, я трогаю его, чувствую поверхность, твёрдость.

— Всё так и не так, — устало улыбнулся профессор. — Из чего состоят все физические тела?

Цветкову показалось, что вопрос не риторический, профессор именно хочет узнать ответ от него.

— Из атомов, — ответил он.

Профессор оживился.

— Ага! Все вещи состоят из атомов. Это «строительные блоки» вещества, из которого состоят окружающие нас объекты, в том числе и живые. Атомы, в свою очередь состоят из электронов и ядра — протонов и нейтронов... Если углубляться дальше, до кварков и глюонов и далее, то на микроуровне свойства материи становятся практически неотличимы от свойств энергии. Следовательно, весь так называемый «материальный мир» — это большой, состоящий из многих образований энергоинформационный сгусток. Просто человеческое сознание воспринимает его части, как некие материальные объекты. Ведь и физическое тело — тоже энергия.

Алексей зрительно представил окружающий мир с точки зрения открывшейся информации... Сплошной конгломерат энергоинформационных

образований, одно из которых — он сам. А вокруг него нематериальные столы, стулья, стены гостиницы, город и весь земной шар... Картина представлялась удивительная. Однако логически — непротиворечивая.

— Но и это ещё не всё. Энергии присущи колебания — эдакая пульсация. Причём пульсация со строго определённой частотой. Это можно сравнить с морганием: миг — и мира нет, миг и он есть снова... А ведь в момент мига «отсутствия» мира могут присутствовать... другие миры. Миры отличимые на незначительную частоту колебания каждый. А значит, их число может быть... — профессор сделал паузу.

— Бесконечным? — выдохнул Цветков.

Глубина открывшейся картины поразила его. Он представил прямо здесь, сейчас миллиарды миров. Реально существующих в момент фазы отсутствия его мира. Миров отличных на ничтожно малую величину частоты колебания, но от этого не менее материальных. Если это слово справедливо применять теперь — после оглушающей информации профессора. Прямо сейчас в этом месте могло находиться несчётное количество предметов и живых существ.

— ...помощь?

Цветков не сразу понял вопрос профессора. — Простите, задумался.

— Я говорю, нет ли у Вас мастера знакомого?.. Который вот такую детальку выточить сможет. — Профессор, с надеждой глядя на Алексея, показывал деталь из отливающего ртутным блеском металла. — Никак без неё мой транспорт не починить.

У Алексея был сосед — дядя Жора — мастер на все руки. «Этот всё сможет», — решил он. Распрошавшись с профессором и, находясь под впечатлением вываленной на него информации, Цветков поспешил домой.

* * *

У самого Цветкова автомобиля не было и о его начинке он имел самые поверхностные представления. Поэтому в ворчания дяди Жоры про «забуревших капиталистов» и «забугорных хреновинах» особо не вслушивался. За пол-литра жидкой валюты тот смог бы, наверное, даже блоху подковать, а посему, договорившись, что с утра дядя Жора по дороге на работу занесёт профессору деталь и, посулив законную оплату, и дополнительную — за срочность — Цветков поднялся к себе и, не раздеваясь, упал на диван. Его переполняли мысли. Разговор с профессором не давал покоя. Размышляя о будущей статье, незаметно для самого себя Алексей уснул.

* * *

Он открыл глаза от яркого солнца, бьющего в окно. На часах было полдесятого, а значит, в редакцию он опоздал. Проспал.

Ну и ничего страшного. Всё равно он собирался с утра заглянуть к профессору. Формально — проект интервью обсудить. А в первую очередь для того, чтобы новые вопросы задать.

Идя по улице, Алексей не мог отделаться от ощущения иллюзорности мира. Вот дорогу перешёл чёрный кот. Чёрный?.. Да и кот ли?.. Реален ли он? Сколько ещё живых и неживых предметов находится в этом же месте в параллельных мирах?..

...В Райкомхозовском «Отеле» его ждал неожиданный сюрприз.

— Выбыл постоялец, — заведующая, Клавдия Никодимовна, отвечала Алексею, не отрываясь от журнала регистрации и трубки телефона. — С самого утра выселился. Как Жорка ему свёрток с железякой принёс, так и съехал сразу... А откуда я знаю, куда пошёл? Я за ним следить не приставлена...

Алексей понуро направился в редакцию...

* * *

Озадаченный редактор сидел в своём кабинете. Стол как всегда был завален папками и стопками бумаг, из-за которых едва виднелся монитор. Редактор был без галстука, верхняя пуговица расстёгнута. Он пил воду прямо из графина, поминутно вытирал лоб платком.

— Что, Алексей, — редактор внимательно посмотрел на Цветкова, — материал подготовил?

— Да, практически. — Алексей вздохнул. — Хотел ещё пару вопросов задать, но...

— Уехал?

— Уехал, — снова огорчённо вздохнул Алексей. — Столько интересного рассказал, просто оглушил информацией. А про себя — ничего. И так спешно уехал.

— Мдааа... А меня это не удивило, — ответил редактор. — Он мне каким-то странноватым показался. Я ведь с ним в пригородном автобусе ехал. Я с дачи, а он сказал, дескать, транспорт поломался. Он всё что-то про кванты бормотал, ветвление пространства... Вот я грешным делом и смекнул — человек учёный. И спросить не постеснялся. Так и познакомились. Он так по-простому и представился, что-то вроде «проф. Антипов». Шумно в автобусе было.

В кабинет подтянулись остальные сотрудники, привлечённые беседой.

— И что, Петрович?.. В чём сыр-бор то?..

— А в том. Я всё-таки в газете не первый день работаю. Прежде чем материал в дело пускать, решил ради интереса справки навести... Нет такого профессора... Не числится... Ни в нашей области, ни в столице — нигде. Я весь Интернет перешерстил.

— А новости вы сегодня слышали? — вошедший корректор оглядел озадаченных коллег. — Сегодня в нашем районе зафиксировано странное явление. Сперва, думали — пожар. Сияло что-то, прям, как шаровая молния. Потом над землёй поднялось и исчезло. С хлопком и вспышкой. Власти и МЧС, и военных подняли. Разбираются.

В редакции повисла тишина...

* * *

В это время ПР/оф-Ант-ИП-325 — житель параллельной вселенной, внешне неотличимый от обычного земного гражданина преклонных лет, на малом пассажирском инфоволнолёте с большой скоростью удалялся сквозь бесчисленное количество миров от маленького зелёного городка на голубой планете с названием Земля.

Об авторе

Родился в 1975 году в Бобруйске (Белоруссия). Образование высшее. С детства увлекается научной фантастикой. Интересы кроме литературы: философия, занятия Айкидо, русская баня. Боевым искусством — Айкидо — занимается 25 лет (с 1994 года). Имеет мастерскую степень — третий Дан Айкидо Айкикай. Регулярно участвует в международных учебно-практических семинарах по айкидо.

Ряд рассказов переведен и издан на белорусском, украинском и немецком языках.

Победитель и лауреат международных конкурсов. Имеет Сертификат Творческого работника, Министерства Культуры Республики Беларусь.

Публикации: Журналы: «Маладосць», «Эколог и Я», «Метаморфозы», «Мир животных», (Беларусь); «Техника молодёжи», «Уральский следопыт», «Северо-Муйские огни», «Дальний Восток», «Сторанник» (Россия); «Світ Фентезі» и Альманах «Скіфія-2015-Весна», «Искатель» (Украина); «Наше поколение» (Молдова); «Таллинн» (Эстония); «Жемчужина», Брисбен (Австралия). Американский журнал на русском языке «Чайка» (Seagull magazine), журнал «Гостиная» (США). «Испанский Переплёт», Мадрид (Испания); «EDITA» («Edita gelsen» выпускается совместно с Международным литературным клубом «Astra Nova» (Германия); «Русское вымя», Париж, (Франция).

Книги: Сборник «Русская фантастика — 2017. Том 2», 2017, ЭКСМО; Сборник «Рождество Христово» III, изд. «ЦЭРИС», Новосибирск, 2016; Сборник «Der Allm chtige Gott war ganz nah bei ihnen (Всемогущий Бог был очень близко к ним) Рассказы для мысли, язык: немецкий, изд. erubli; 2017; Сборник «Однажды зимой», 2017, изд. Параллель; Сборник «Невероятная находка», изд. «Союз писателей».

Альманах конкурса «Благодарю!» ЦБС Серовского округа, 2017 г.

Сборник рассказов «Мой дом» Радио Гомель плюс, 2017 г. С. Краснобород. Художник С. Тихов — Электронное издание, erub. Изд-во: «Творческая мастерская «Barbarossa», 2018. Лицензия: (cc) Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs 3.0 Unported License. — 26 с. — 412 Кб.

Литературно-публицистическо-культурологический сборник «Южный город» Год издания: 2018 Издательство: Одесса (ISBN: 978–617–7226–93–4)

Литературный сборник «Вслед за путеводною Звездой-3» Год издания: 2018 Издательство: Библиотека Пензенского областного отделения Русского географического общества.

Альманах Международного Фестиваля Русской поэзии и культуры «Арфа Давида»-2019 Назарет, Израиль, 2019 г. Рассказы — «Математики», «Счастье — в космосе».

Юрий Ковалёв

Ведьмак

*Памяти бабушки моей
Соломоницы Антоновны Моспановой*

Из семейной хроники

Жили они под немцем второй год. Как оно было? Голодно, холодно и страшно. В лесу-то уже всюю постреливали и свои, и чужие, потому и немец свирепел на глазах. А лес-то, вот он — густой, молчаливый, угрюмый, прямо за околицей — ступи только и сгинешь. А уж как придётся: от своих ли, по ошибке, или от чужих, по умыслу, разница небольшая...

Потому и боялись к дому ходить, а дом-то и впрямь — лес собой подпирал, а иной раз казалось, что он, сучковатый да кособокий, сам частью леса и был — в незапамятные времена сунулся в село вместе с чашобной ратью, да и застыл в раздумьях на околице: надо ли дальше-то, к людям?

Уж на что немцы постоянно вокруг шастали, но и те дом стороной обходили. И не только свои, одомашненные, которые на постое второй год стояли. Их и не опасался особо никто — привыкли. Немцы эти на рожон не лезли, не совались, в общем, куда не надо. Охраняли они больше самих себя да железнодорожную ветку, которая, цепляя краем село, уходила к громяющему горизонту, к войне. Но даже пришлые полицаи и каратели, частенько влетавшие на околицу после очередной ночной пальбы и взрывов на большаке, и те к дому подходить боялись, и казалось, что и вправду какая-то неведомая сила его оберегала и заслоняла от чужих, недобрых глаз.

Стоял этот дом с незапамятных времён пустой и вроде бы брошенный. Кто-то в него изредка забредал, обживался и сноровисто обрастал нехитрым крестьянским скарбом. Тогда и дом как-то сразу молодел — в комнатах становилось шумно, на ветру трепетало старенькое бельё, а по вечерам тускло светились оконца. Но проходило совсем немного времени, и дом снова привычно пустел, безлюднел, и казалось, что он всё никак не может ужиться с очередным постояльцем и продолжает, как привередливая деревенская девка, подобрать себе нового хозяина.

И вот, перед самой войной, поселился в нем очередной жилец. Пришёл будто бы откуда-то издалёка. Сначала, как водится, слухи пошли, будто прячется он от кого-то. Но потом, когда селяне окончательно убедились,

что пришлый человек в чужие дела не лезет, ведёт себя тихо и основательно, все быстро успокоились и от него помаленьку отстали.

Новый постоялец обременять себя хозяйством не стал, а из живности завел большую чёрную собаку, хриплым лаем отгонявшую по ночам волков от села, да горлопанистого петуха, будившего по утрам округу истошным, почти человеческим, криком.

Обличьем он походил на лешака — такой же густой, смолистого оттенка шевелюрой, косматой бородой и кустистыми бровями, из-под которых буравили прохожих внимательные острые глазки. Селяне, так никогда и не узнавшие его настоящего имени, быстро придумали ему прозвище *Ведьмак*.

Конечно, все к *Ведьмаку* поначалу присматривались, уж больно любопытен был. А он, не то, чтобы вовсе людей избегал, а так, не подпускал к себе без надобности, хотя порой с большим интересом за ними наблюдал.

Вот идёт *Ведьмак*, бывало, навстречу и смотрит вроде только перед собой, а прохожий-то чувствует, будто оглядывают его всего, прямо с головы до пят. Тут уж встречный человек и оконфузится, и шаг убыстрит, да всё без толку, пока *Ведьмак* из виду не скроется. Тогда и отпустит его помаленьку.

Чем *Ведьмак* занимался, никто толком не знал. Не было у него в этих краях ни родни, ни приятелей, да и не гостевали у него пришлые люди. Потому и спросить о нём было не у кого. Знали только, что пропадал он денно и ночью в чащобе лесной. Травы собирал и на дичину силки ставил. Тем, видно, и жил.

Народ в селе в ту пору не больно любопытный-то был. Всем и в мирное время своих забот хватало, а уж когда война нагрянула, то совсем не до *Ведьмака* стало. Сначала наши, побитые да израненные, долго через село шли, а потом немчура, сытая да довольная на мотоциклетах своих на смену им прикатила.

Пуганы люди и до войны были, а тут и вовсе затаились. Зато немцы прямо хозяевами ходили. Ступали без опаски, нагло, по-гусиному гогоча, и на гармониках своих пикикали не переставая. Поначалу и море им было по колено. Это потом, когда война в обратную сторону покатилась, они хвост-то свой сразу и поджали.

Народ, видя всё это, хорониться от них стал по сараям да погребам. В своём углу, может, оно и не безопасней было, но уж точно, спокойней как-то.

Вот тогда слухи о *Ведьмаке* и пошли. Начали толковать люди, что может он судьбу предсказать. В общем, поведать каждому, стоит ли лучшей доли дожидаться, или вовсе не осталось надежды никакой. И тут уж, как кому повезёт — либо пан, либо пропал! Ведь худая весть иногда и сильного до смерти приберёт, а доброе слово порой и слабому выжить поможет.

Уж как боязно было в ту гиблую пору судьбу пытаться — никакими словами передать невозможно, но и тогда люди до последнего на что-то надеялись. Даже если сил для этого не оставалось никаких...

Конечно, и раньше, до войны, все потихоньку к *Ведьмаку* похаживали, хоронились только, чтобы соседи не проведали да не сболтнули кому не надо. Народ в ту пору, по большей части, не верующий, а суеверный

был, хоть и крестился тайком, когда припрёт. Настоящая-то вера силу даёт и от сомнения освобождает, а суеверие — нет. Оно больше от лукавого происходит и только страху на человека нагоняет: туда не ходи, с этим не говори, в ту сторону не смотри. И вправду говорят — пуганая ворона куста боится. Да и как не бояться, если вся жизнь тогдашняя на страхе замешана была?

Ну, это так, к слову. В общем, ходили к Ведьмаку люди, но шибко об этом не болтали. А потом и вовсе открывать рот боязно стало. Но молва, как дождевая вода — сколько ни замазывай трещинку — всё равно в дом просочится.

В этом селе проживала в те годы моя бабушка Соломонида Антоновна, от которой я и услышал историю о Ведьмаке.

Семья у неё была большая и дружная. Муж на железной дороге неплохо зарабатывал. И самим хватало, и людям, чем могли, помогали. Но перед самой войной погиб он по неосторожности. Под поезд попал во время манёвров. И осталась Соломонида с тремя детьми на руках. Одна-единёшенька на всем белом свете, а из родни, как в присказке — собака да кошка, да кур немножко. И никакого от них прока, одна морока.

Старший сын, хоть и не вырос ещё толком, заботу о семье на свои плечи взвалил. Он, по стопам отца, на работу путевым обходчиком устроился. Благодаря ему выкручивались они помаленьку, но как только война началась, сына первым из села призвали. Ушёл он, как в воду канул. Даже весточки матери ни разу не прислал. Да откуда же её получишь, если двух недель не прошло, как в село незваные гости заявились.

И уж совсем худо им стало, когда Соломонида своей работы лишилась. Перед войной учительствовала она в сельской школе. Образование у неё, правда, было только начальное, но с детишками она возилась всё своё время — и воспитывала, как умела, и учила, как могла. Потому и ходили они повсюду за ней следом, как цыплята за наседкой. За это её сельчане и уважали. Только вот не платили совсем — денег-то ни у кого тогда почти не было. По возможности, подкармливали, чем могли, да по хозяйству, когда мужа не стало, помогали. Но, как только новая власть утвердилась, школа и закончилась. И не закрывал её вроде бы никто. Просто детишек перестали из дому выпускать. Самые проворные ещё поторкались в закрытые двери пару деньков, да и отступились потом — какая в такую пору учёба-то?

Вот и осталась Соломонида без работы. Один огородик спасал, да коза ещё, такая старая да тощая, что на неё даже немец не зарился.

А тут и новое лихо подоспело. Понаехало как-то полицаев в село. Начали они людей из домов выгонять на пустырь. Никто и не прятался, покорно шли. Отупели совсем от горя и бескормицы. Погнали туда и Соломону с двумя дочками. Раньше она любую беду загодя, за версту бы учуяла, а тут сердце даже не ёкнуло. Вот как быстро-то до ручки от такой жизни дошла.

Как только согнали весь народ, стали полицаи молодняк из толпы хватать да выводить и в колонну строить. Дочка её старшая, молоденькая совсем была, и пятнадцати не исполнилось ей тогда. Только, на беду, дородной да

статной она уродилась, отец её тоже сызмальства крупным был. Потому полицаи и высмотрели её, малолетнюю, в толпе, отцепили от материнской руки, да и затолкали к таким же одуревшим от страха парням да девкам.

Сноровисто ироды работали, видать, не впервой им было этим делом заниматься. Построили они всех в колонну. Потом суетиться начали да шушукаться между собой в ожидании начальства.

Ждать им недолго пришлось. Подъехал немец на бричке, сухой, длинный, в очках, с хлыстиком в тощей руке. Вышел, посмотрел на толпу пустыми глазами, хлестанул себя по сапогу, будто понукая, кивком подозвал главного полицаю и что-то по-своему буркнул ему.

И тот лишних слов тратить не стал, повернулся к сельчанам и рубанул: — Забираем молодых из вашего бардака. На заработки в Германию. На новых хозяев работать.

И сразу подручные его заторопились. Материть да отгонять людей начали. Тут же рядом, на путях, теплушки пустые оказались. Затолкали в них испуганных подростков, которые и пикнуть не посмели.

Только старый паровозик и успел гуднуть пару раз на прощание, когда потащил тряские, спотыкающиеся на стыках вагончики на далёкую и страшную чужбину.

Тишина стояла гробовая — так все оцепенели от ужаса и неожиданности. И те, которых угоняли, и те, что остались, не успели даже словом перемолвиться. И только, когда вагоны исчезли за поворотом, да полицаи на грохочущих телегах укатили восвояси, бабы опомнились и зашлись криком утробным, звериным, да дети малые заголосили на разные лады. Только кому теперь слушать-то их было?

Как до дому Соломонида добрела, так потом и не вспомнила. Видать, дочка малолетняя за подол цепляясь, направляла её в нужную сторону.

Вот с той поры совсем худо им стало. И не столько от бескормицы — летом с едой ещё кое-как перебиться было можно. Ей-то совсем кусок в горло не лез, а малой немного и надо было. А вот как-то интерес к жизни Соломонида совсем потеряла. Видать, мучения её перешли за черту, душе посильную, и застыла она, отстранилась от жизни. И впрямь, иной раз, будто издалека смотрела она на себя без страха и сострадания. И совсем не жалко было ей эту малознакомую, опустившуюся женщину, а скорее любопытно — сколько же ей осталось жизни такой?

Но однажды испуг Соломониду взял. Очнулась она на короткий срок, и сразу о дочке подумала: это что же с ней будет, когда мать окончательно загнётся? Сгинет ведь, как бездомная собачонка. Сколько таких пропало нынче — и не счесть.

Вот тогда Соломонида и решилась, будто толкнул её кто, идти к Ведымаку. Пока ещё в памяти да в силах. Чтобы вразумил её добрый человек и просвет какой в жизни обозначил или уж погубил дурной вестью окончательно, если ждать больше нечего.

Собралась она с силами, дочку какими-то крохами подкормила и присела перед дорожкой, темноты дожидаясь. День-то июньский длинный был, всё тянулся и тянулся, и казалось, конца-краю ему не будет.

Как только за вечерело, выскочила Соломонида за калитку, будто гнал её кто, и засемила вдоль покосившихся заборчиков по безлюдной, пыльной улочке на окраину села. И откуда только силы взялись — не шла — летела, земли едва касаясь. Да оно и понятно было: в теле веса никакого уже не осталось, вот и несло её, как перекаати-поле.

Так, опомниться не успев, оказалась она у самого дома. Тут и оробела вконец. Соломонида и по свету ни разу к нему так близко не подходила. И совсем морочно ей стало, когда показалось, что и дом в сумерках затаился и тоже пугливо и зорко к ней приглядывается.

Облокотилась Соломонида на покосившийся плетень и уставилась во все глаза на пыльные оконца. С отчаянной надеждой увидеть хоть что-нибудь за стёклами живое. И когда решила, что нет за ними никого — совсем в отчаяние впала! Всё, подумала, конец. И обратно идти уже не было ни сил никаких, ни желания.

Но тут она заметила за тусклым стеклом какое-то слабое зёрнышко света. Проклонулось оно из темноты ненадолго, а потом отодвинулось обратно, в глубину дома.

Значит, есть там кто-то живой! Теперь уже она, не раздумывая, словно боясь опоздать куда-то, кинулась к дому — по заросшей тропинке к крыльцу со скрипучими ступеньками, и дальше — к покосившейся двери с болтающейся, наполовину оторванной ручкой. Дёрнула за неё и как в ледяную воду, с остановившимся сердцем не зашла, а прямо провалилась внутрь.

Её сразу обдало теплом и особенным запахом трав, горьковатым, дурманнистым. Под ногами что-то загромыхало и покатилося в сторону. Она шархнула было с испуга обратно к двери, но потом быстро подняла глаза и сразу увидела хозяина дома.

В дальнем углу погружённой во мрак комнаты, занавешенной гроздьями каких-то, в темноте не разобрать, растений или плодов, стоял длинный стол, в центре которого едва заметно светилась тусклым стеклом лампа, с почти полностью прикрученным, еле мерцающим, фитильком.

За столом с трудом угадывалась в темноте грузная фигура хозяина. Вот он шевельнулся, протянул руку и добавил света. Показалась было крупная косматая голова, но потом быстро схоронилась, отодвинулась в темь. Только чёрные бусины глаз маслянисто поблескивали на неразличимом лице, да крупные руки с толстыми, мозолистыми пальцами беспокойно двигались на свету, посередине стола.

— Ну, проходи, гостя дорогая, — сказал Ведьмак неожиданно громким, молодым голосом. Соломонида даже осмотрелась по сторонам — не стоит ли кто рядом с ним, уж больно голос этот не подходил к его грузному косматому телу.

— Не пугайся, раз пришла, садись вон туда, напротив. Да ты не торопись, обвыкнись сначала.

Она села и придвинулась поближе к свету. Глаза, и вправду, в темноте быстро освоились. Да вот только вокруг и разглядывать-то было нечего.

Повсюду чувствовалась пыльность и захламленность бобыльского жилья, не привыкшего к ухотливой женской руке. Показалось ей даже, что

и не в жилище Ведьмак обитает, а в чашобе лесной. И всё вокруг него и над ним нависает и толпится молчаливой и угрюмой разбойничьей ватагой.

— Ты уж не робей, раз ко мне пожаловала! Совсем туго, видать, тебе стало, если прийти решилась. Ну и ладненько. Попробую тебе помочь.

Ведьмак пошарил в темноте. Звякнуло что-то, забулькало. Он выпростал руку на свет и поставил не стол перед ней маленький стаканчик с мутной пахучей жидкостью.

— Выпей отвара, успокойся и в себя приди. Вон, силёнок совсем у тебя не осталось, а они нам с тобой ой ещё как понадобятся!

Потом он отвлёкся и, будто обращаясь к кому-то, забормотал что-то неразборчивое да грузно заелозил по скамейке, устраиваясь поудобнее.

Соломонида залпом проглотила пряную пахучую жидкость, и вправду — ей сразу полегчало.

А Ведьмак постепенно шевелиться совсем прекратил, не иначе, как готовясь к трудному делу. Даже чёрные бусины глаз перестали бегать по сторонам, застыли в неподвижности, в одну точку уставясь. И не на неё, как она сперва подумала, а куда-то за спину, в темень. Жутко ей стало. Почудилось, что за спиной у неё будто что-то происходит: или стоит кто неведомый, или творится что-то важное, её касающееся. Потому Ведьмак и напрягается изо всех сил, чтобы разглядеть или услышать там происходящее, да и поведать ей об этом.

И только раз он отвлёкся, неподвижность потерял — мотнул головой, крикнул в сердцах, будто усомнившись в чем-то, отвёл глаза в сторону, передыхая, но потом опять уставился в непроглядную темень, жадно и иступлённо что-то в ней разгадывая.

И так захотелось Соломониде обернуться и посмотреть, что ж там такое деется! Прямо, аж шею свело от напряжения! Подумалось, что вот сейчас, немедля, можно хоть краешком глаза узреть судьбу свою. А может, и впрямь, вся будущая жизнь решалась там без её участия? И когда уже стало совсем неведомо, вдруг увидела Соломонида, как Ведьмак едва заметно повёл головой из стороны в сторону, запрещающе — сиди, мол, и не рыпайся! И отступилась она от неужённого своего желания.

После этого как-то разом всё и закончилось. Ведьмак внезапно ожил, шевельнулся разок — другой, шумно, с облегчением выдохнул воздух, и даже как-то обмяк, притомившись от непосильной своей работы.

И когда отдышался он окончательно, то уставился на неё, как на диковину какую, словно рассказали ему что-то необычайно удивительное, нежданно хорошее, и он, пока ещё не до конца веря сказанному, осторожно к поздней гостье своей приглядывается, то ли радуясь за неё, то ли дивясь тому, что всё так удачно у него с ней получилось.

— Ну, слава Богу, не зря ты ко мне пришла, долгий разговор у нас с тобой будет, — окончательно успокоившись, сказал Ведьмак. И понятной была его радость: так редко в эти пагубные времена получался он с кем-то — долгий и, видать, хороший разговор.

— Господи, бывает же такое! — не переставая удивляться чему-то, продолжал Ведьмак. — Ведь в жизни нашей всё так просто устроено. Вот представь, тянутся от каждого человека ниточки во все стороны: к матери, отцу,

мужу, деткам, соседям, животным домашним, ну словом, ко всему живущему вокруг него. Они-то и привязывают человека к жизни. Потому и живёт он на белом свете. А потом у каждого обрываются эти связи с годами или по другим причинам, по болезни, например, или вот из-за войны, будь она проклята! И чем меньше этих ниточек остаётся, тем, значит, слабее человек к жизни привязан. А твои ниточки, хоть и слабые пока, но ко многим людям тянутся и долгие-то какие!

Он опять удивлённо и обрадованно вздохнул.

И тут же, не останавливаясь, начал рассказывать ей о том, что с нею стало и что её ждёт впереди.

И про мужа её, которого уже нет на свете, хоть и в двух словах, но так правильно поведал, что сразу поняла она, о ком речь идёт, и про детей — всё подробно да понятно — кто, значит, где находится и надо ли тревожиться за них.

И так коротко и ясно обрисовал он ей то, что с ней будет, что она как-то сразу ему поверила и удивилась даже не тому, откуда он про всё это прознал, а как мало понадобилось времени, чтобы ей об этом рассказать. Это что же за жизнь у неё такая, если уместить её можно в несколько слов?

Так и беседовала Соломонида с Ведьмаком, хоть и говорил только он, а она всё время молчала. И как только спросить о чём-то у него захочет, так он тут же ей и ответит, а если не поймёт из его рассказа чего, так он сразу всё и разъяснит. И не боялась она вроде бы слова при нём произносить, а только надобности в них не было никакой, так он её понимал.

— Сынок твой живой, раненый только, на излечении находится. Долго ты ещё о нём не узнаешь. Война закончится, но объявится он не сразу. Вот и не торопи ты судьбу, не переживай попусту за сына да за старшую дочку. О ней тоже сначала худые вести придут, но ты им не верь — вернётся она из неметчины живая и невредимая. Нескоро только. Больно длинная у неё дорога до родного дома будет. Но не придётся ей с тобой долго жить — уедет она с мужем в дальние края. А младшую свою береги. Как ты сейчас при ней, так и она при тебе всю жизнь будет.

Слушала Соломонида и верила, не только каждому слову, но даже звукам, которые её окружали в этом доме. И шумному, с присвистом дыханию хозяина, и скрипу скамейки под его грузным телом, и каким-то неведомым шорохам и вздохам у неё за спиной.

И захотелось ей вдруг поест, совсем, как выздоровевшему после тяжёлой хвори человеку. Прямо немедленно что-нибудь в рот засунуть. И Ведьмак как-то сразу понял это её желание. Пошарил он за спиной, извлёк откуда-то из темноты чёрствую краюшку хлеба, очищенную луковицу, кусочек сальца, да крынку с кислым кваском и пододвинул к ней одобрително, будто заранее зная, что после таких известий надобно хорошенько перекусить.

Соломонида, впервые за много дней, испытав такой волчий голод не только к еде, а, наверное, и к жизни самой, ела остервенело, с привычки захлёбываясь и давясь. Ведьмак, глядя на это, только улыбался и тихонько покрывал от удовольствия.

Смела Соломонида нехитрую эту снедь, даже крошки со стола собрала и в рот себе закинула. И тут сразу потянуло её за дверь, уйти. Тревожно стало

за младшую дочку. Ночь-то ведь давно была на дворе. Совсем изведётся без мамки в темной избе одна. Вот только уходить отсюда Соломониде теперь было боязно. Вдруг, сила-то эта, Ведьмаком для жизни ей даденая, возьмёт да и останется здесь, а там, за порогом, опять прежнее лихо её караулит?

Ведьмак сразу почувствовал этот страх, посмотрел на Соломониду участливо, протянул через стол руку и положил свою плотную, горячую ладонь прямо на её худющую ладошку, прижав даже легонько. И, осторожно так, постучал своими короткими толстыми пальцами по ней, будто мелодию какую выбивая.

Долго потом это постукивание в ней жило. Вот как только туго станет в жизни — будто торкнутся его пальцы в её ладошку — не робей мол! И снова жить можно, и горе не беда.

Успокоилась Соломонида окончательно и уходить собралась, а сама так слова за весь вечер и не вымолвила. Хозяин удерживать её не стал и тоже поднялся из-за стола, чтобы проводить, значит. Прошли они через сени, едва не наступив в темноте на кого-то шумно завозившегося под ногами, вышли на двор и остановились у калитки.

— Ты своей жизнью дорожи, стоит она того, ты уж поверь мне, — вдруг печально и тихо сказал Ведьмак. — Д-о-л-г-а-я она у тебя будет, — протянул он со значением.

И совсем по-особенному, горько и коротко при этом вздохнул. Видать, тяжело было ему, Ведьмаку, о чужих судьбах ведать да о своей догадываться. Уж слишком не по-человечьи, одиноко и тяжело...

И стало Соломониде жалко его — не передать как. По-бабьи, как ребячёнка малого, иступлённо, до крика и слёз. А силёнок-то всего у неё и хватило только на то, чтобы в темноте приобнять Ведьмака за широкие плечи, да вместо слёз — где их сыскать тогда было? — носом пару раз жалко хлюпнуть.

Ведьмак и от этой малости ободрился и даже слабости своей минутной застеснялся. И видать, захотелось ему перед ней отличиться. Может, силу свою показать, а может и в способностях убедить, чтобы словам его больше веры было.

Подошёл Ведьмак к дереву, что у калитки росло. Могучее, толстоствольное, разлапистое в кроне, должно быть груша — в темноте не разглядеть.

Положил он на дерево руку и слово какое-то странное тихо произнёс. И вдруг задрожало дерево, заколыхалось, прямо по-человечьи, как живое! В воздухе — ни ветерка, а оно дрожит и не раскачивается вовсе, а трясётся, как от испуга трясутся люди — мелкой дрожью. Аж листочки с него, бедного, посыпались! И как-то сразу дрожь эта передалась и кусту смородинному, который рядом рос, и дальше, к чему-то в темноте совсем неразличимому. А по лесу, который к самому дому подступал, громкий хряск пошел, будто зверь огромный неуклюже топтаться начал, сокрушая всё вокруг. И так это было непонятно и неожиданно, что напугалась она прямо до бесчувствия.

А кто бы и не сдрейфил — воздух густой, как кисель, стоячий, темень, хоть глаза выколи, и шерудится жуть какая-то неведомая, всё ближе и ближе подступая.

Тут Ведьмак быстро понял, что хватил через край — пугать-то её было ему не резон, и руку с дерева убрал. Всё так же быстро и успокоилось.

Постоял он рядом с ней ещё немножко, ничего больше не говоря, повздыхал горестно. Оставаться одному очень уж ему не хотелось в эту тревожную ночь. Да, видать, деваться было и вправду некуда, вот и заковылял Ведьмак, не спеша, по скрипучим ступенькам обратно в дом.

Но как только осталась Соломонида одна, снова ей почудилось, что дерево это могучее тянет к ней в темноте длинные корявые ветки, будто обнять хочет или схватить для чего-то.

Струхнула она, конечно, опять не на шутку, и побежала со всех ног восвояси. И не только не заплутала в непроглядной темени, но даже и не споткнулась ни разу. Видать, и тут без помощи неведомой силы не обошлось.

Вот так Соломонида в гости к Ведьмаку и сходила. И вправду, жизнь её с той поры постепенно наладилась. Веру ли ей какую Ведьмак дал или надежду вдохнул в измученную душу, она так и не поняла. Да и неважно ей это было, главное, что больше никогда Соломонида так не отчаивалась. И не только сама воспряла после этой встречи, но и другим стала чаще помогать, по мере сил своих и возможностей. Получилось у неё всё точь в точь как ведьмак напороочил. Дети к ней, пусть и нескоро, вернулись, и всё пошло неспешным своим чередом.

Пришлось Соломониде, правда, вскоре покинуть родные места, а когда спустя много лет она приехала знакомых проведать — о Ведьмаке никто уже и не вспоминал. Ровесников её в деревне почти не осталось, а из молодняка — кто сегодня старые байки-то помнит?

Об авторе

Родился в 1955 году в городе Почепе Брянской области. Профессиональный военный, окончил Ленинградское высшее командное училище железнодорожных войск и военных сообщений им. М. М. Фрунзе, двадцать шесть лет прослужил в рядах ВС СССР. В настоящее время живёт в Хабаровске и занимается литературной работой.

Творческий дебют состоялся в Ленинграде — в молодёжной газете «Смена» в 1976 году, были опубликованы первые его стихотворения. Воинскую службу совмещал с писательским трудом. Был участником Всесоюзных и зональных семинаров, совещаний, писательских пленумов. После увольнения в запас, преподавал в институте, сотрудничал с краевым радио, занимался торговлей и рекламой. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века, автор семи сборников стихотворений и прозы, лауреат литературных премий. В 2016 году за заслуги в развитии Дальневосточной литературы Хабаровская городская дума наградила писателя нагрудным знаком «Признание и почёт».

Постоянный автор журнала «Дальний Восток». Его произведения входят в поэтические антологии, издаются в России, Польше, Израиле, Германии, многие его стихотворения положены на музыку и стали песнями, романсами.

Михаэла Перчун

Мешок

Сначала я был один. И очень гордился своим одиночеством. Проходя мимо, люди растерянно разглядывали меня. Я недоумевал, почему? Теперь знаю: потому что появился здесь за ночь. Запихали в меня черт-те что, крепко связали у самого горла и выбросили. Они выкинули меня так быстро, так быстро сорвались с места, что я даже не успел посмотреть им вслед. Унеслись на машине. На той, на которой привезли меня сюда.

Я остался лежать на холодных камнях под деревом в самом углу парка. Ветви соседних деревьев частично прикрывали меня, держа в тени. Хилая тень, потому что листья опали. Всю зиму пустые ветви дребезжали надоевшей, качаясь на ветру. Несмотря на это, ветви мне нравились — я чувствовал себя спрятанным, защищенным от людских глаз. Мои самодовольство и гордость поистрепались за все то время, что лежал там, в углу парка, такой полненький, такой крутой, но страшно одинокий, мрачный, потрепанным ветрами и крепко завязанный у самого рта.

Вдруг я слышу, как поблизости тормозит автомобиль, я обрадовался, жду, я взволнован. Мне кажется, что те, которые оставили меня, приехали забрать меня отсюда... Но никто не спешит подойти ко мне, чтобы взять, засунуть в багажник.

Это были другие, посторонние. Только чужаки могли позволить себе бросить пустые пивные бутылки, которые пролетели мимо меня, ударились о бордюр. Хорошо, что они не разбились. Я здорово испугался, это правда.

И сегодня ожидания обманули меня. Эти люди пришли не за мной, они явились не для того, чтобы отвезти меня домой. Вместо этого они принесли мне огромного соседа синего цвета. Конечно, я возмутился: почему они положили его мне на руки, на ребра... на меня? Оставив его, они ушли так же быстро, как те, которые бросили меня. Я почувствовал неприятный запах и понял, что это запах другого. Я бы не расстраивался, но он был полон мусора, оставшегося после ремонта, и при этом плохо завязан у рта. Вскоре куски кирпича, разбитой плитки, треснувшего бетона, разорванных старых обоев начали вываливаться из него... Эта убогость унижала меня, заставляла чувствовать себя некомфортно. Я даже почувствовал раздражение — я, тот, кто так терпелив!

Тогда я сказал себе: надо принимать вещи такими, какие они есть! Я готов был смириться с присутствием соседнего. Вот только от него исходил тяжелый, вонючий запах. И вскоре зловонье распространилось вокруг. Но

резкий смрад оказался привлекательным для животных. По очереди стали подходить к нам и принюхиваться стаи собак. Не игнорировали нас даже кошки. Котяра встал рядом с нами, потерял обо меня, пописал и ушел. И вот тогда я понял, насколько кот вонюч в ту пору, когда ему хочется кошку. Ничего более унижительного в моей жизни не чувствовал.

Но не бывает худа без добра! Именно этот котик принес мне новость, что где-то поблизости блуждает весна.

Короткий визит нанес нам любопытный пес, и даже он не вытерпел запаха, оставленного черным котом – принюхался и поспешил прочь. Потом пара ворон сделала несколько кругов над нами, после чего кинулась на синего соседа, разворошила его, вытащила содержимое, перерыла, а затем улетила с тонкими кусочками полиэтилена... Наверно, им нужен был строительный материал для их гнезд. Кто может знать, что у вороны в голове!

Где же тот, кто бросил меня? Уберите меня отсюда! Если бы я увидел его, я бы, наверно, узнал его. Я помню его ладони, пальцы, которыми он крепко завязал меня, так, что и теперь, после тяжелой зимы, я все еще цел. И никто не знает, что спрятано внутри.

Я хочу выбраться отсюда, потому что рядом со мной за прошедшее время появились другие мешки, разные, но с грязным содержимым, спрятанным или оказавшимся на виду. Если меня срочно не забрать, я боюсь, что лопну от оскорбления. Я не хочу быть окруженным бытовыми отходами, как в мусорном контейнере или как на мусорной свалке!

Каким высокомерным и каким гордым я был в начале! Ну и что с того, что мне было грустно... А теперь я каждый день просыпаюсь, видя вокруг себя все больше и больше мусора, который выбрасывают уже без всяких мешков. Я чувствую себя оскорбленным, униженным, потому что окружен такой гадостью! Только что из салона роскошного автомобиля на меня выбросили коврик, истертый, засиженный водителем, вонючий до ужаса. Я больше не могу! Слишком много мерзости вокруг.

Вы даже не представляете, насколько хорошо жить с тесно завязанным ртом.

Перевод с румынского Ольги Капатиной.

Об авторе

Родилась 15 февраля 1957 года, Припичень-Резеши, Резинский район, Республика Молдова. Выпускница биологического факультета Государственного университета Молдовы в 1980 году. Работала в педагогической и научной областях. Она дебютировала с «Басней для короля», короткой прозой, издательство Прут-International (Премия писателей Союза писателей Молдовы, 2003). Опубликовала романы «Среди вагонов», издательство Cartier, 2005; «Среди мужчин», Издательский Дом «Арк», Кишинев, 2010; Холодный пепел, Polirom, Яссы, 2017. Пьеса Mitica наш человек, была награждена в UNITEM 2009. Объем коротких рассказов, «лужа» опубликованный в Tracus Arte, Бухарест, 2012 (премии Союза писателей Молдовы) и «Мама вышла замуж», опубликованна в типо-Молдова, Яссы, 2014. скрытые водовороты Прут International, 2018. Книга драматургии «бюст Сталина» Tracus Arte, Бухарест, 2016 (премии Союза писателей Молдовы). Первый приз секции «AGB», Румыния, 2010 год. Публикуется в журналах и сборниках в Румынии, Франции, Чехии, США.

Владимир Анин

Лабиринт

Максим задумчиво пялился в монитор. На экране разворачивалась очередная баталия уже успевшей приесться компьютерной игры из разряда глобальных стратегий. Крошечные фигурки, повинаясь приказу Максима, упорно, но безуспешно пытались завершить нелепую миссию. Возле монитора стояла хрустальная стопка и початая бутылка водки. В огромных наушниках, наполовину закрывающих голову Максима, надрывалась группа «Скорпионс», вызывая шемящую тоску по школьным годам, нереализованным чувствам и возможностям.

На плечо легла чья-то рука. Максим даже не пошелохнулся. Рука настойчиво потрясла плечо. Он нехотя сдвинул чёрную полусферу наушников с одного уха и недовольно посмотрел вверх. Ирина, презрительно сморщив губы и сощутив большие чёрные глаза, глядела на мужа в упор. Соскользнувшая на лоб прядь антрацитовых волос слегка подрагивала.

— Может, хватит играть? — произнесла, наконец, Ирина.

Максим протяжно выдохнул и, цыкнув, отвернулся. Наушники заняли своё привычное место.

— Дай мне спокойно отдохнуть! Иди, займись своими делами, — сказал он, чеканя каждое слово.

Рука соскользнула с плеча, и через секунду дверь в комнату захлопнулась с таким грохотом, что Максим услышал это даже через наушники.

«Дура!» — подумал он и наполнил стопку водкой.

Посмотрел на экран и вздохнул. От доблестного войска остались лишь разбросанные по полю боя трупики. Один вояка всё ещё пытался наскаками одолеть наседающий отряд противника, но и его надолго не хватило.

«Игра окончена»

«Повторить?»

«Выйти из игры?»

Максим отшвырнул мышку и, сорвав с головы наушники, бросил их на стол.

— Дура! — крикнул он в закрытую дверь.

Схватил со стола бутылку и, перевернув, сделал несколько глотков прямо из горлышка. Приятное тепло умиротворяюще растеклось по телу.

Он приоткрыл дверь и выглянул в прихожую. Из кухни доносился звук работающего телевизора. Максим, не надевая тапочек, в носках, прошёл в кухню и, распахнув дверь, остановился на пороге. Ирина возилась

у плиты. Максим скользнул равнодушным взглядом по её растрёпанным волосам и раздобревшей в последнее время фигуре, облачённой в синий атласный халат.

— Тело... — проворчал Максим и поморщился. — Даже не тело, а самая настоящая туша.

Ирина резко обернулась, и в следующую секунду кастрюля с куриным бульоном полетела в его сторону. Курица, выпорхнув из кастрюли, угодила Максиму прямо в лоб, а сама кастрюля, гулко ударившись о косяк, окатила его с ног до головы тёплым, липким бульоном.

— Ты... Ты... — Максим даже не нашёлся, что сказать.

— Что «ты»? — взвизгнула Ирина. — Язык проглотил?

— Больная! Психичка! Шизо... шизофреничка! — заорал Максим благим матом. — Да я тебя... я...

— Ну что, что? — угрожающе двинулась на него Ирина, прихватив с плиты сковороду, шкворчащую закипающим маслом.

Максим поспешно захлопнул дверь и ретировался в комнату. Распахнув платяной шкаф, он с остервенением принялся стаскивать с себя мокрую одежду. Переодевшись, он потянулся было за лежавшим на шкафу чемоданом, но одумался. Конечно, уйти от Ирины сейчас же, раз и навсегда, было, по его мнению, самым логичным решением, но не слишком рациональным, ибо идти ему просто некуда. Не ночевать же посреди улицы или на каком-нибудь вокзале! А на гостиницу денег не было. Он немного успокоился и уверенным шагом отправился в кухню.

— Слушай, ты, катастрофа вселенская, — начал он с порога, — я сейчас уйду, а ты крепко задумайся над тем, как надо себя вести, как вообще жить дальше. Если к моему возвращению ты не сделаешь соответствующих выводов — пеняй на себя. Уйду, раз и навсегда...

— Да куда ты уйдёшь? — вскинулась Ирина. — Неудачник! Кому ты нужен без денег, без квартиры, без работы?

— Врёшь! У меня есть квартира!

— Это моя квартира! Забыл, на кого она оформлена?

— Значит, придётся поделить!

— Каким это образом ты собираешься делить однокомнатную квартиру?

— И работа у меня есть! Я, между прочим, всё ещё генеральный директор фирмы «Кокон».

— Какой фирмы? — расхохоталась Ирина, всплеснув руками. — Одно название, да три тюка никому ненужных тряпок на балконе пылятся.

— Ты ничего не понимаешь!

— Ну, конечно!

— Ты — баба! Тупая и безмозглая. Я скоро кредит получу, ты ещё услышишь о моём «Коконе». На коленях приползёшь.

— Сам ты кокон! Из тебя бизнесмен, как из меня балерина.

— Вот именно! За собой бы лучше следила. Разжирела от безделья.

— Да не тебе меня в безделье упрекать. Ты ж весь свой зад просидел за этим компьютером — уже плоский стал. Всё играешь, как дитя малое, вместо того, чтобы делом заняться.

— А ты меня не учи, как жить. Я сам кого хочешь поучить могу.

— Чему? Как все деньги профукать да в нишете сидеть? Ты же ни на что не способен, ты никогда ничего не добьешься. Ходишь по кругу. За что бы ни взялся, всегда приходишь туда же, откуда начал.

— Ах, так? — Максим яростно пнул ногой стоявший возле двери холодильник. — Ну ладно, мы ещё посмотрим...

Кухонная дверь захлопнулась, отозвавшись жалобным звоном стекла, а через некоторое время вдалеке грохнула входная дверь.

— Скатертью дорога! — запоздало крикнула Ирина...

— Психопатка, ненормальная! — ворчал Максим, выходя их магазина.

На улице уже было темно. Накрапывал мелкий дождик. В полиэтиленовом пакете позвякивали две бутылки. Зачем он их купил, Максим и сам не знал. Садиться на лавочку в сквере и в одиночку пить водку, закусывая традиционным когда-то плавленым сырком «Янтарь», он не собирался. Ну, не алкоголик же он, в самом деле!

На углу улицы приветливо помигивала вывеска ночного клуба. Максим уверенным шагом направился к нему. Стоявший у входа охранник тщательно проверил содержимое его пакета и объявил, что с этим в клуб нельзя. После нескольких минут препираний охранник наконец пропустил Максима, заставив сдать пакет в гардероб.

Максим спустился по узкой лестнице в полуподвальное помещение, наполненное музыкой, табачным дымом и вспышками света, и напрямик направился к барной стойке. Про себя он усмехнулся, вспомнив, что догадался прихватить деньги из шкатулки — все их с Ириной сбережения. Этого вполне хватит на полноценный вечер.

— Вот так и живу, — сетовал Максим, уже основательно захмелевший после пятой рюмки водки, обращаясь к бармену, который слушал его вполуха с той лишь целью, чтобы вовремя угадать желание клиента и наполнить рюмку очередной порцией горячительного напитка.

Максим держал двумя пальцами помятую сигарету и, шумно затягиваясь, пускал дым прямо в лицо бармену. Тот, казалось, даже не обращал на это внимание — привык, видимо.

— А эта стерва, ты представляешь, заявляет, что я, мол, ни на что не гожусь, — продолжал Максим. — Да я генеральный директор! У меня своя фирма, о!

Он постарался изобразить многозначительный жест, тыкая указательным пальцем в потолок, но рука, не выдержав собственного веса, безвольно упала на стойку и опрокинула недопитую рюмку.

— Повтори, — сказал Максим заплетающимся языком, пытаюсь поставить рюмку на место. — Кто она такая? Ты не знаешь? И я не знаю... Нет, я знаю: она — никто! Ноль! Даже ещё меньше. Она всю жизнь сидит у меня на этом... на шее, и хоть бы что. Я её кормлю, пою, одеваю, а она... курицей мне в рожу. Ты представляешь? Курицей — в рожу... Тебе когда-нибудь швыряли курицу в рожу? Нет? Ну и хорошо. А мне швыряли... И за что? За всю мою доброту и заботу. Вот так вот просто, — Максим с размаху хлестнул себя по физиономии, — бац! И...

Он вздохнул и окинул мутным взглядом танцующих в зале.

— О! Смотри, как пляшут!

Сидя на высоком табурете, Максим попытался изобразить несколько па и чуть не свалился.

— Ну-ка, накати ещё, — сказал он, повернувшись к бармену и тыча пальцем в рюмку.

— Может, вам уже достаточно? — на всякий случай поинтересовался бармен.

— Никогда! — ответил Максим, помахав оттопыренным указательным пальцем у него перед носом.

Но тут в сознании что-то шелкнуло, он полез в карман, вытащил несколько мятых купюр и долго вглядывался в них.

— А может, ты и прав, — наконец сказал он. — Давай последнюю, и алес. Сколько с меня?

Проглотив очередную порцию водки, Максим поморщился, фыркнул и, бросив на стойку деньги, стал сползать с табурета.

— Вам такси вызвать? — оценивающе посмотрев на него, спросил бармен.

— Нет, нет. Я сам. Сам.

Качаясь из стороны в сторону, Максим добрёл до лестницы и, упираясь в стены руками, с трудом поднялся вверх. У входа он ещё раз проверил карманы и убедился, что неприкосновенный запас наличности практически иссяк.

— Мужчина, пакет не забудьте, — напомнил охранник.

— А, да-да! — спохватился Максим и стал шарить по карманам в поисках номерка.

Наконец номерок нашёлся. Максим получил назад свой пакет и уверенно шагнул в ночь.

Дождик продолжал моросить. Максим зашёл в сквер и остановился под деревом. В голове была полная каша. Он никак не мог сообразить, где он и что он тут делает. Потом в памяти вновь всплыла недавняя стычка с Ириной. Максим буркнул: «Стерва!» — и с трудом удерживая равновесие, направился куда глаза глядят.

Дождь тем временем усилился. Максим огляделся по сторонам в поисках укрытия. Ткнулся в первый попавшийся подъезд какого-то дома, но дверь оказалась закрыта. Он принялся беспорядочно жать на кнопки домофона. Ничего не добившись, плюнул и зашагал дальше.

Однако мокнуть под проливным дождём не улыбалось даже в таком разгорячённом состоянии. Проходя мимо строительной площадки, он машинально толкнул калитку, и та поддалась. Затянутое сеткой ветхое полуразрушенное строение не вызывало особого доверия, но сейчас это было единственное укрытие. Поразмыслив, Максим шагнул в тёмный проём.

Пошарив руками, он нащупал какую-то балку и, усевшись на неё, шумно выдохнул.

— Вот так и живи, — сказал он, обращаясь в пустоту. — Как последняя собака. Из дома выгнали. Ночуй, Максик, где хочешь. Но я ей этого так не спущу. Я ей устрою... Я ей... Провалиться мне на этом месте...

Оглушительный треск прервал грозную тираду, и Максим с воплем полетел куда-то вниз...

Он лежал на спине и стонал. Голова гудела, правое плечо саднило, в ногах ощущалась неприятная ноющая боль. Максим пошевелился, пытаясь убедиться, что всё цело. По счастью, он отделался лишь ушибами. Хмель куда-то улетучился, но ещё не до конца. Хорошо, что был выпивши, подумал Максим, а то бы точно что-нибудь сломал. Пьяным в таких ситуациях везёт. Он приподнялся на локте, таращась в непроглядный мрак. Вспомнил о зажигалке. Свет от маленького пламени немного резанул глаза.

Максим встал, держа горящую зажигалку над головой. Справа и слева высились останки, по всей видимости, очень старых каменных стен. Сверху угрожающе нависали обломки деревянных конструкций. Если вся эта масса рухнет, мало не покажется. Значит, надо поскорее отсюда убираться.

Позади Максима ход был полностью завален, зато прямо перед ним поблескивала почти свежей светло-серой краской здоровенная металлическая дверь, а справа от неё торчал из стены самый настоящий факел. Точнее, не из стены, а из продолговатого конусообразного металлического держателя, укрепленного на стене. Максим даже присвистнул от удивления — такое он видел только в кино.

Не слишком рассчитывая на успех, он поднёс к факелу зажигалку. Факел тут же вспыхнул ярким, оранжевым в центре и зеленоватым по краям, пламенем. Сразу стало светло, появилась возможность осмотреться.

Прежде всего, он изучил место своего падения. На земле, а точнее, на каменном, заросшем землёй, полу лежал пакет. Максим опустился на колено и проверил его содержимое. Обе бутылки оказались целы, лишь пачка плавленого сыра слегка помялась.

Он попытался ковырять землю на месте завала, но поняв, что это бесполезно, взял пакет и вернулся к двери. На крашеном металле багровела выведенная крупными буквами надпись «вход», под которой выделялся непонятного значения символ, представлявший собой загнутую в кольцо стрелку, таким образом, что её остриё упиралось в хвост.

Максим провел ладонью по гладкой холодной поверхности и неуверенно толкнул дверь. Послышался противный скрежет, и дверь приоткрылась. Он неуверенно заглянул в проём. Темнота. Максим снял со стены факел и, держа его над головой, осторожно перешагнул высокий порог.

За дверью оказалось небольшое круглое помещение со сводчатым каменным потолком, плавно переходящим в стены. Напротив двери чернел убегающий вдаль узкий коридор. Возникло невольное ощущение, что Максим очутился в каком-то средневековом подземелье, только крашеная металлическая дверь не вписывалась в этот антураж. Потолок был довольно высокий, в центре — никак не меньше трёх метров. Вдоль стены валялся всякий хлам: коробки, ящики, тряпки. Максим положил на пол пакет и стал рыться в мусоре, надеясь, что это поможет ему понять, куда он попал. Неожиданно позади раздался пронзительный лязг, и что-то с силой грохнуло. Максим вздрогнул, выронил факел и, рухнув на пол, инстинктивно накрыл голову руками.

С минуту он не решался пошевелиться и даже боялся открыть глаза. Когда уверенность, наконец, вернулась, он осторожно сел и, подняв

с пола факел, посмотрел назад. Дверь была закрыта. С этой стороны она выглядела так же, как и с другой: багровая надпись «вход», а под ней закольцованная стрелка. Дрожа всем телом, Максим подполз к двери на четвереньках и попытался открыть её. Ручки на двери не было, поэтому он старался пальцами за край тянуть её на себя. Но дверь не поддавалась. Ужас охватил его, он вскочил и, бросив факел, принялся барабанить по двери кулаками.

Наконец, утомившись и совершенно отбив руки, Максим сполз на пол. Огонь почти погас. Максим заставил себя встать и поднял факел. На этот раз он осмотрелся более внимательно и обнаружил, что из стены по периметру торчат еще четыре факела, точно таких же, как тот, что был у него в руке. Это немного обнадежило. Он поочередно зажгёт их, и помещение озарилось подрагивающим светом. Ставший ненужным факел он бросил на пол. Теперь обе руки были свободны. Максим ещё раз внимательно ощупал дверь и прилегающую к ней стену в надежде найти какой-нибудь потайной рычаг. Но эта попытка не увенчалась успехом. Тогда он вновь обратил своё внимание на хлам у стены и принялся осторожно разгребать его. Чего только ему не попало здесь: старинный чугунный утюг, сковорода, проржавевший до дыр чайник, груда рваной одежды и, наконец, небольшая доска, похожая на шахматную, с нарисованным на ней символом в виде закольцованной стрелки, точно таким же, как на двери, которую Максим безуспешно пытался открыть. Он смахнул с неё пыль и раскрыл. Внутри доска представляла собой рельефный лабиринтик, у входа в который стоял маленький оловянный человечек. Максим ткнул в человечка пальцем, но тот остался стоять на месте, будто приклеенный.

«Игра какая-то», — подумал Максим.

Он решил прихватить её с собой, так, на всякий случай, в качестве сувенира. А вдруг это ценная вещь? Можно будет продать. Он ещё раз внимательно посмотрел на неё и даже похолодел от неожиданной догадки. У входа в лабиринтик, прямо за спиной у оловянного человечка, мелкими красными буквами было написано: «вход». Он перебежал взглядом с «игры» на дверь и обратно, пока, наконец, окончательно не пришёл к выводу: перед ним ни что иное как макет подземелья, или карта, как он про себя назвал её.

Сунув карту подмышку, Максим поднялся и чуть не наступил на пакет с бутылками и плавленным сырком. Чтобы не занимать руки, он привязал пакет к ремню на брюках и, подняв с пола продолжающий гореть факел, нырнул в темноту коридора.

Коридор оказался довольно длинным. Максим удовлетворённо отметил, что и здесь примерно через каждые тридцать-сорок шагов на стене висит факел, словно их специально заготовили для такой импровизированной прогулки. Однако Максим решил, что поджигать их смысла нет. Зачем терять время? А света достаточно и от того, что был у него в руке.

Дойдя до первой развилки, Максим раскрыл карту, чтобы свериться с направлением и вздрогнул: оловянная фигурка сместилась по лабиринтику аккуратно до этого же места и уже стояла, повернувшись налево. Лёгкий холодок пробежал по спине, ноги стали ватными. Не может быть! Прямо

Джи-Пи-Эс навигатор! Его даже прошиб нервный смех. От такого открытия стало немного не по себе. Поваяло какой-то мистикой, и ему это не нравилось. Максим достал из пакета бутылку и, свернув крышку, сделал несколько больших глотков. Сразу полегчало. Он убрал бутылку на место, и ещё раз посмотрев на карту, двинулся в ту сторону, куда указывал оловянный человечек.

Через какое-то время Максим понял, что длина лабиринта значительно больше, чем представлялось изначально. Время он не засекал, однако по ощущениям прошёл без малого час, а он не одолел и половины пути. Усталость, нервное перевозбуждение и проснувшийся голод заставили его сделать привал.

Максим присел у стены, предварительно запалив висевший над головой факел от своего, который уже почти догорел. Хотелось пить, и Максим в который уже раз пожалел, что не купил воды. Зачем ему столько водки? Тем не менее, он достал из пакета на поясе бутылку и сделал несколько глотков. Водка показалась мерзкой, Максим поспешил достать плавленый сырок и закусил. Некоторое время он медленно жевал, слизывая языком прилипшую к зубам массу.

Вдруг из глубины лабиринта совершенно отчётливо донёсся чей-то голос. Максим вскочил. С минуту стоял замерев, но ничто не нарушало гробовой тишины. Он решил, что ему просто почудилось, и с некоторой даже укоризной взглянул на зажатую в руке бутылку. Максим запихал её обратно в пакет и, сняв со стены свежий факел, продолжил свой путь. И в ту же секунду вновь услышал голос, на этот раз гораздо ближе. Ему даже показалось, что он разобрал слова: «Иди сюда!»

Максим застыл от ужаса, затаив дыхание, волосы на голове зашевелились. И вновь — тишина. Он шумно выдохнул и двинулся дальше в твёрдой уверенности не обращать больше внимания ни на какие дурацкие звуки, которые, скорее всего, были лишь плодом его воображения.

Что-то заставило его остановиться возле очередного бокового ответвления. Он осторожно сунул голову в проход, держа факел на вытянутой руке. Странно, однако вокруг была лишь темнота — свет не выхватывал из неё ни стен, ни потолка, только небольшой пятючок покрытого шербатыми плитами пола.

— Что за чертовщина? — вслух произнес Максим и осторожно шагнул во мрак.

Яркая вспышка заставила его зажмуриться, а оглушительный грохот вынудил заткнуть уши руками. Едва он открыл глаза, рот непроизвольно раскрылся, а ноги слегка подкосились. Максим стоял... посреди зала в ночном клубе. Прямо перед ним была барная стойка, и давешний бармен возился с приготовлением какого-то экзотического коктейля. Вокруг бухала музыка, а под потолком вертелся огромный зеркальный шар. Через мгновение луч прожектора, отразившись в одном из многочисленных зеркалец, вновь ударил прямо в глаза Максиму, заставив его зажмуриться.

Максим оглянулся — позади глухая стена. Он опустил взгляд на руки, осмотрел их внимательно, будто видел впервые в жизни — ни факела, ни карты.

— Мать твою! — вырвалось у него.

Он шагнул к барной стойке. Единственное, что ему сейчас требовалось — это хорошая порция горячительного, и лучше бы виски — от водки уже тошнило.

Максим уверенно взгромоздился на табурет.

— Эй, любезный! — позвал он бармена, который, казалось, даже не замечал его.

Бармен вопросительно посмотрел на Максима, и в этом взгляде чувствовалось недовольство или даже досада на то, что этот назойливый тип отрывает его от такого интересного занятия, как смешивание коктейля.

— Виски плесни, — не обращая внимания на кислую физиономию бармена, сказал Максим. — Двойную, Джонни Уокер, безо льда.

Бармен молча поставил на стойку стакан и до половины наполнил его желтоватой жидкостью. Максим опрокинул содержимое стакана в рот и тут же выплюнул.

— Ты чего мне налил, придурок? Это же моча какая-то?

— Вы знакомы со вкусом мочи? — не поднимая глаз, поинтересовался бармен.

— Я знаком со вкусом виски! — заорал Максим.

— Может, вам уже достаточно? — вкрадчивым голосом спросил бармен.

— Ты что, мужик, охренел? Я ещё ни одной рюмки не выпил!

Неожиданно лицо бармена стало вытягиваться, будто невидимка схватил его за нос и стал тянуть изо всех сил, а через несколько мгновений резко отпустил. С громким шлепком нос вернулся в исходное положение, кожа лица пошла волнами, глаза завращались, но спустя какую-то секунду всё улеглось, только теперь это уже было не лицо бармена, это было совсем другое лицо. Лицо... Максима.

Максим попытался закричать, но голос куда-то исчез. Он хотел спрыгнуть и убежать, но тело словно приросло к дерматиновой обивке сиденья, а руки, вцепившиеся в края табурета, точно парализовало.

Бармен-Максим насмешливо посмотрел на настоящего Максима и, скривившись, заверещал:

— Тебе когда-нибудь швыряли курицу в рожу? Нет? Ну и хорошо. А мне швыряли...

Он выудил из-под стойки неизвестно откуда взявшуюся курицу и принялся остервенело лупить себя.

— А за что? — Бармен усмехнулся и поглядел на Максима. — За всю мою доброту и заботу. Вот так вот просто — бац!

И бармен со всего размаху заехал курицей в физиономию Максиму.

Тот подскочил как ошпаренный и с ужасом огляделся по сторонам. Танцующая группа замерла и медленно обернулась, и у каждого — было его лицо. Девица, сидевшая за соседним столиком, неожиданно кинулась к нему и, чуть ли не уткнувшись в Максима его же, Максимовым, лицом, прошипела:

— А ты меня не учи, как жить! Я сам кого хочешь поучить могу!

Максим бросился вон из клуба, сшибая по пути столики, стулья и, даже не пытающихся повернуться, «Максимов».

На выходе Максим-охранник крикнул ему:

— Мужчина, пакет не забудьте!

Но Максим его не слушал. Отчаянно голоса, он распахнул входную дверь, бросился на улицу и тут же налетел лбом на стену. Искры брызнули из глаз. Максим пошатнулся и упал.

Некоторое время он лежал с закрытыми глазами, тяжело дыша, потом не без труда разомкнул отяжелевшие от боли и ужаса веки. Прямо над головой, слегка потрескивая и покачивая из стороны в сторону оранжево-зелёным пламенем, горел факел.

Максим сел и обхватил голову руками. Мелкая дрожь сотрясала всё тело. Он опять был в лабиринте. Крепко зажмурился, вновь открыл глаза. Лабиринт никуда не девался.

Нашупав висевший на поясе полиэтиленовый пакет, Максим извлёк из него водку. Глядя перед собой в молчаливую и жуткую тьму лабиринта, он механически откупорил бутылку и, присосавшись к горлышку, стал жадно глотать обжигающий горло алкоголь.

Некоторое время Максим тупо смотрел на лежавшую под ногами карту, словно не понимая, что это вообще такое, будто видел её впервые. Наконец, мысли в разгорячённом мозгу пришли в некое подобие порядка, и он, собравшись с силами, поднялся и медленно побрёл по каменным плитам коридора.

Судя по карте, до выхода из лабиринта оставалось не более половины пути. Максим решил, что больше не будет отвлекаться, и уверенно шёл к своей цели. Через некоторое время ему захотелось в туалет (вполне естественная потребность). Он собрался было справить нужду прямо в коридоре, но инстинкт заставил его шагнуть в одну из немногих ниш, скрывающихся в темноте.

Что-то звякнуло, и острая боль пронзила голень чуть выше ступни. Максим взвыл и выронил факел. Руки судорожно стали ощупывать ногу и наткнулись на металлический предмет, острыми зубьями впившийся в лодыжку.

«Капкан! — сообразил Максим. — Кой чёрт он тут делает?»

Продолжая завывать от боли, он попытался раздвинуть хищные челюсти капкана, но тот не поддавался. Пришлось воспользоваться факелом — благо рукоятка у него была крепкая. Кое-как Максиму всё же удалось высвободить кровоточащую, облепленную рваной штаниной ногу.

Он сел на пол и, поднеся факел к ноге, стал осматривать рану. Рана казалась не опасной. Кровь сочилась из многочисленных порезов, нога ныла и зудела, но кость была цела — ногой он мог шевелить.

Максим поднялся и, расстегнув ширинку, стал мочиться на треклятый капкан, изрыгая при этом самые непристойные ругательства.

Он вылил остатки водки из первой бутылки на рану. Боль была адская, будто он сунул ногу в кипяток, но Максим понимал — дезинфекция необходима.

Дальнейший путь по лабиринту давался с трудом. Хромая, он миновал ещё несколько поворотов. Внезапно до слуха его вновь донёсся чей-то голос. Скорее даже не голос, а плачь или тихое всхлипывание. Остановившись

у развилки, он прислушался. Карта велела идти налево, а всхлипы доносились справа. Страх и здравый смысл требовали повернуть налево, но любопытство и тайная надежда увлекли Максима направо.

И вновь он очутился в помещении, о размерах которого невозможно было судить, ибо свет факела не доставал ни до стен, ни до потолка.

Держа факел наперевес, Максим медленно двигался вперёд до тех пор, пока из темноты неожиданно не вынырнула до странности знакомая фигура. Женская, облачённая в длинный, до пят, синий атласный халат. Она стояла к нему спиной, и плечи её слегка подрагивали, чёрные волосы поблёскивали в свете факела.

— Ира? — удивлённо воскликнул Максим.

— Что у тебя с ногой? — тихо спросила она.

— Да ерунда какая-то! Представляешь, угодил в капкан.

— В капкан? — словно эхо.

— Ну, да! Главное, совершенно непонятно, откуда он взялся... А ты как здесь?

Ирина молчала. Он протянул руку. Но стоило ему коснуться её плеча, как халат дрогнул, сморщился и упал на пол, словно в нём и не было никакого тела. При этом голова гулко стукнулась о пол, подкатилась к ногам Максима и, бешено вращая глазами, скорчив омерзительную гримасу, отчаянно завопила:

— Это моя квартира!

Максим пришёл в себя уже в коридоре. Он не запомнил, в какую сторону бежал и сколько поворотов успел сделать, прежде чем сообразил, что, если сейчас же не остановится, то просто задохнётся.

«Карта!» — пронеслось у него в голове.

Он даже не заметил, как обронил её.

— Господи! Да что же это? — взвыл Максим.

Надо успокоиться, уговаривал он себя. Но организм отказывался повиноваться, сердце колотилось со скоростью отбойного молотка, а рот жадно глотал воздух, которого катастрофически не хватало.

Максим вытащил из пакета оставшуюся бутылку водки и, присев у стены, дрожащими руками стал откупоривать её. Ему это удалось не сразу. Когда наконец пробка поддалась, он поднёс горлышко к губам и на мгновение задумался. А если всё виденное всего лишь белая горячка? У него раньше никогда не было белой горячки — он даже не представлял себе толком, что это такое. Хотя, судя по услышанным от кого-то рассказам и прочитанным где-то описаниям, такие видения вполне могли быть следствием именно этого состояния. Но лабиринт? Максим огляделся. Лабиринт ведь остался. А значит... Значит, что? Это значит, что если Максим сейчас будет думать об этом, он окончательно свихнётся. Вот! Надо во что бы то ни стало срочно приглушить все мыслительные процессы, а для этого существует лишь одно проверенное средство. Какое? Правильно! И Максим залпом проглотил половину содержимого бутылки.

Он прислушался к своему состоянию. Сердце стало успокаиваться, дыхание нормализовалось. Правда к горлу подступила тошнота, но это явление временное. А если не пройдёт, то с этим всегда можно справиться

старым проверенным способом — два пальца в рот. Прислонившись к стене, он закрыл глаза.

Сколько он так просидел, Максим не помнил. Вроде бы он даже на какое-то время уснул. Когда он открыл глаза, вокруг ничего не было видно. У него даже сердце замерло, он решил, что ослеп — вдруг водка оказалась палёная, на метиловом спирте? Но уже через мгновение он сообразил, что факел успел догореть.

Максим порылся в кармане и извлёк зажигалку. Новый факел отыскался быстро. Максим запалил его и направился к следующему. Переходя от факела к факелу, он зажигал их один за другим, оставляя позади себя ярко освещенный коридор. Пусть горят, решил он, проще будет найти дорогу назад, если всё же направление выбрано неправильно. В душе он надеялся, что движется в нужную сторону. Вот — поворот, вот — ещё один. Ему казалось, что он узнаёт это место, скорее всего, где-то здесь он и обронил карту.

Однако время шло, а карта всё не попадалась. Неожиданно он уперся в глухую стену.

— Проклятье! — заорал Максим и с силой ударил кулаком по стене.

Стена дрогнула и отъехала в сторону, образовав небольшой проход. Максим немного поколебался, но всё же заглянул внутрь. И вновь — вокруг беспросветная мгла.

— Врёшь! Больше я на твои штучки не куплюсь! — крикнул он в пустоту.

Тут его внимание привлёк какой-то предмет, свисавший с потолка. Максим решил подойти ближе. Предмет был похож на огромную дыню, обмотанную толстым слоем тончайших нитей и обмазанную слизью.

С минуту он брезгливо смотрел на эту гадость и собрался было уже уйти, как вдруг «дыня» зашевелилась, словно задышала, стала набухать, нижний край её с треском лопнул, обдав Максима вонючей жижей. Из «дыни» показалась мокрая красная физиономия, которая, с трудом разлепив склеившиеся веки, уставилась на Максима презрительным взглядом. Холодея, Максим узнал своё лицо, только до отвращения безобразное и отталкивающее.

Физиономия показала Максиму язык и истошно завопила:

— Ты ещё услышишь о моём «Коконе»!

Максим бежал изо всех сил, которых у него оставалось уже немного. Да и нога начинала болеть всё сильнее. Тем не менее, горящие факелы позволили вернуться ему в то место лабиринта, где он заблудился. Добежав до последнего горящего факела, он остановился. Выходит, он просто выбрал неправильное направление, надо было идти в другую сторону. И какой же он молодец, что оставил эту «нить Ариадны» в виде горящих на стене факелов! Стало быть, так и надо продолжать. Он снял со стены ближайший факел и заковылял дальше, запаливая попадавшиеся по пути факелы.

На этот раз ему повезло. Уже минут через пять он наткнулся на валявшуюся на полу карту. Внимательно сверившись с ней, исследовав ближайшие повороты, Максим определил наконец своё местоположение и обнаружил, что до выхода из лабиринта совсем близко. Некоторое время он старался идти спокойно, чтобы не сбиться с пути, но всё же не выдержал и побежал.

Страх и отчаяние подгоняли его, заставляя бежать всё быстрее, забыв о боли в ноге, о тошноте и сухости во рту, о смертельной усталости. Он знал, что выход из лабиринта рядом и жаждал поскорее избавиться от этого кошмара.

Остановился он только тогда, когда зажатый в руке факел выхватил из темноты большую металлическую дверь. До неё оставалось не более десяти шагов. Максим даже зажмурился и отчаянно тряхнул головой. Но когда вновь раскрыл зудевшие воспалённые глаза, дверь всё так же чётко поблёскивала в свете оранжево-зеленого пламени.

С отчаянным криком он бросился вперёд. Да, теперь Максим верил в спасение, ибо оно было так близко, ещё чуть-чуть, и уже будет осязаемо. Он не думал ни о чём, ни о тех ужасах и страданиях, что довелось ему претерпеть в последние сутки, ни о голоде и жуткой головной боли, ни о ссадинах и ушибах. Все его мысли, всё его сознание единым мощным лучом устремились в одну лишь точку, туда, вперёд, где возник из вечной темноты спасительный выход.

Нога запнулась обо что-то твёрдое, Максим даже не успел разглядеть, что это. Резкая боль в голени, и вот он уже летит кубарем, выронив факел и карту.

Воя от боли, Максим на четвереньках подполз к двери и упёрся в нее обеими руками, но... она не поддавалась. Максим замер в нерешительности, пытаясь сообразить, что здесь не так, пока наконец не догадался, что дверь должна открываться вовнутрь. Однако ручки на двери не оказалось. Что-то ему это ужасно напоминало. Он ощупал дверь и попробовал уцепиться пальцами за край, но из этого ничего не вышло.

— Что за ерунда? — прошептал Максим.

И тут взгляд его наткнулся на знакомый символ — свёрнутую в кольцо стрелку, а чуть выше кровавым багрянцем проступало на сером фоне слово «вход».

— Не может быть! — вскричал Максим.

Он бросился обратно в лабиринт и отыскал обронённую карту. У него дрожали руки, никак не получалось раскрыть «шахматную доску». Наконец ему это удалось. Всё правильно, никаких сомнений, он пришёл в то самое место, которое на карте обозначалось как конец пути, и оловянная фигурка была как раз там, у выхода.

— Ну, что же ты, зараза? — крикнул Максим, обращаясь к карте, и... обомлел.

Нет, с картой было всё в порядке, и оловянный человечек никуда не делся. Только теперь он стоял, повернувшись лицом к лабиринтику, а за спиной у него чётко и неотступно поблёскивали четыре маленькие букочки: «вход».

«Ты же ни на что не способен, ты никогда ничего не добьешься. Ходишь по кругу. За что бы ни взялся, всегда приходишь туда же, откуда начал».

— Нет! — закричал Максим. — Неправда!..

Измощённый небритый человек, держа дрожащей рукой догорающий факел, подполз к металлической двери. Потрескавшиеся губы что-то шеп-

тали. Грязные пальцы поскребли чёрными ногтями по холодному металлу. Рука потянулась выше, словно стараясь что-то нащупать, и остановилась возле багровой надписи, буквы которой слегка проступали на гладкой поверхности. Болезненный взгляд красных глаз с трудом раздвинул опухшие веки и устремился туда, где замерла рука.

Протяжный, отчаянный вой, переходящий в рыдания, ещё долго разносился по лабиринту..

Об авторе

Владимир Анин — литературный псевдоним. Родился в 1967 году в Москве. Служил в армии, сменил множество профессий, после чего долгое время работал в банковской сфере, затем ещё несколько лет финансовым консультантом. Писать начал в 2005 году. Первая публикация в 2006 г. в журнале «Южная звезда» (мистическая повесть «Манагуанда»). Печатался в различных литературных журналах, среди которых «Искатель», «Сокол», «Странник» и др. Автор нескольких десятков рассказов и повестей, написанных в жанрах приключений и фантастики, а также серии детективов, которая выходит с 2016 г. в «Искателе». В 2011 году во 2-м номере журнала «Знание-Сила: Фантастика» был опубликован рассказ «Конденсатор гнева». В 2016 г. окончил курс по специальности «Сценарист кино и ТВ» в «Киношколе А. Митты». В последние годы занимается исключительно творчеством. Пишет прозу, пьесы, киносценарии, тексты для песен, участвует в разработке различных кино- и телепроектов.

Евгений Ткачев

Придорожье

повесть

Моей маме.

— Тогда я задам вопрос, — сказал Демидург. —
Всего один. Чего вы хотите?

А. и Б. Стругацкие «Отягощенные злом или сорок лет спустя»

Глава первая

Понедельник. 16.25

Машина заглохла на проселочной дороге, и Олег потратил несколько минут, судорожно дергая ключом в замке зажигания. Потом выругался и вылез на свежий воздух, раздраженно хлопнув дверью.

Солнце медленно и величаво закатывалось за ближайшую рожицу чахлых берез, даруя окружающему миру легкую прохладу после знойно-жаркого дня. Олег попрыгал вокруг машины и покрутил головой, разминая затекшие мышцы шеи. В воздухе вились стаи оголодавшей мошки, которые торопливо лезли под футболку, за уши и путались в волосах. Олег с тоской подумал о баллончике репеллента, который он в спешке сборов оставил дома. На хлопки ладонями мошкара не обращала никакого внимания, принимая их, видимо, за своеобразные аплодисменты.

Оглядевшись, Олег заметил одинокий указатель. Слизив в машину за картой, он неторопливо направился на разведку. Навигатор в этих местах беззастенчиво отказывался работать, простирая маршруты то на Омск, то на Пермь. После его радушного приглашения заехать в Самару, Олег отключил взбунтовавшийся прибор и решил, что спутники над его головой дружно сошли со своего электронного ума.

Выручала карта, купленная в придорожном магазине.

Указатель, гордо возвышавшийся на столбике-ножке, был свежеекрасшен белой и синей краской. Если ему можно было доверять, то до цели Олега оставалось всего полста километров. Это радовало.

Олег еще раз сверился с картой и запихал ее в задний карман джинсов. Вернулся. Машина вдруг перестала капризничать и завелась сразу.

Понедельник. 18. 45

И все-таки он заблудился.

Теперь начала врать и верная карта, намекая на повороты, которых просто не было в природе. Олег зачихал ее в бардачок и безуспешно выглядывал дорожные указатели. Однако, впереди было пусто. Под колесами уныло тянулась вполне приличная грунтовка, но Олег уже трезво прикидывал все варианты очередной ночевки в автомобиле. Вечерняя прохлада охладила металлический корпус, но вряд ли стаи вездесущих комаров позволят опустить стекла хоть на миллиметр.

Неожиданно фары выхватили бредущую впереди сгорбленную фигурку. Человек буквально сгибался под грузом сумки, тяжелой даже на вид. Олег радостно ударил по тормозам и повернул к обочине. Мелкие камешки торопливо отстучали бешеный ритм стаккато по днищу кузова, и все стихло. Олег вышел из машины и в начавших сгущавшихся сумерках попытался рассмотреть человека.

Перед ним стояла довольно миловидная девушка в потрепанной ветровке, в новеньких, сияющих синевой, джинсах и черных галошах. Голову украшал некогда пестрый, а теперь выцветший платок, который не давал прядям волос выбиться наружу.

На случайного путника она смотрела без интереса.

— Прощу меня простить, — шутливо улыбнулся Олег и развел руками.

Девушка поставила сумку на землю. Из-под полуоткрывшейся молнии выглядывала буханка светлого хлеба и палка полукопченой колбасы.

— Я извиняюсь, — еще раз начал Олег. — Но, кажется, я слегка заблудился.

Девушка, все так же молча, продолжала на него смотреть. В ее карих, слегка на выкате, глазах не отражалось ничего. Ни внимания, ни участия... ни даже банального любопытства.

— Понимаете, я ищу гостиницу. Мне сказали, что она тут есть, но, кажется, я не туда свернул.

Теперь в глазах девушки мелькнула непонятная брезгливость. Она сделала шаг назад, словно хотела как можно дальше оказаться от своего собеседника. Сумка осталась на месте, словно какое-то своеобразное препятствие.

— Вы мне можете сказать, я правильно еду? — начал закипать Олег.

Девушка тоскливо подняла взор к темнеющему небу, словно хотела найти там ответ. Казалось, что она не слышала вопроса. Олег с досадой плюнул.

— Извините, — бросил он, направляясь к машине.

— Правильно, — вдруг раздалось позади.

— Что, простите?

— Я говорю, что вы правильно едете, — голос у девушки был каким-то глухим и тусклым, с легкой, едва заметной, трещинкой. — Только вам, может быть, лучше назад повернуть.

Она неуверенно топталась на месте, не решаясь ни приблизиться к своей сумке, ни отойти подальше.

— Назад ехать долго, — натянуто улыбнулся Олег. — Я лучше вперед.

— А-а-а...- тускло протянула девушка. — Тогда Бог вам судья, — и она торопливо, размашисто его перекрестила. Потом, словно испугавшись, ойкнула и прижала руки к сухим, обветренным губам. В ее глазах плескался ужас.

— Может, вас подвести? Сумка-то тяжелая, — миролюбиво предложил Олег. Девушка испуганно замотала головой. Казалось, что она у нее сейчас оторвется. Из-под платка выбился черный локон с несколькими, хорошо видимыми, седыми волосками.

— Не надо. Мне тут близко, — прошептала она. — Честно-честно. Так ему и скажите, хорошо? Я вас прошу.

В ее голосе слышалась мучительная мольба.

— Хорошо. — Ничего не понимающий Олег пожал плечами.

Машина завелась быстро и плавно. Олег посмотрел в зеркало заднего вида и заметил, что девушка все еще стоит на месте, так и не опустив рук. Только шаг сделала поближе к сумке.

«Странная она какая то», — мелькнула у него мысль. И пропала.

Понедельник. 21.00

Гостиница оказалась за последним поворотом.

В кругляшах дальнего света появилась темно-красная вывеска с рядком белых букв: «Гостиница, бар-кафе, автомастерская, автозаправка «Придорожье». Олег заглушил двигатель и вылез из машины. Дорогу перерогаживала старинная чугунная решетка с широкими створками узорчатых ворот. Вдоль забора теснились вереница густых, темных кустов.

— Оставь надежду, всяк сюда входящий, — громко и пафосно продекларировал Олег. Голос прозвучал громко, гулко разносясь в воздухе. В ответ вернулось старческое хихиканье.

— Ой, не могу. Ой, уморил. Очередной шутник пожаловал, — голос доносился откуда-то из плотного переплетения веток. — Неужели в школах не преподают чего-нибудь новенького?

— Я ее давно закончил, — сказал Олег.

— А как же самообразование? — голос буквально истекал ехидством. — Книжки там умные на досуге почитать?

— Я читаю, — невольно начал оправдываться Олег. — Просто к слову пришлось.

Темнота выплюнула на свет маленького, толстенького человечка в светло-желтой футболке с коротким рукавом, в темных бриджах и тапочках на босу ногу. Он буквально перекатился к воротам и внимательно изучил Олега от макушки до кроссовок. В его взгляде сквозило любопытство.

— Просто мимо ехал? — спросил он. — Или?..

— Или, — поспешно ответил Олег.

Он внезапно почувствовал, как его ладони вспотели, и вытер их об карманы джинсов.

— Тогда заезжай, — равнодушно сказал человек. — Машину поставишь на стоянке. Не промахнешься.

И человек потянул на себя створки ворот, распахнувшиеся абсолютно беззвучно.

Понедельник. 21.20

В фойе стоял маленький журнальный столик в окружении больших, мягких кресел. В одном из них удобно устроился встретивший Олега чело-

вечек, увлеченно читающий какую-то книгу в пестрой глянцевой обложке. Сам же Олег замер на входе, неуверенно переминаясь с ноги на ногу. В руке он судорожно комкал ставшую ненужной карту.

— Проходи. Чего встал? — бросил человек, не отрываясь от книги.

Олег выкинул карту в мусорное ведро и подошел поближе к креслам. На столике испускал пар стеклянный электрический чайник, а рядом теснились две эмалированные кружки и большая, глубокая сахарница.

— Чай или кофе? — осведомился человек, откладывая книгу в сторону. Краешек одной из страниц он согнул в качестве закладки.

— Чай.

— Тогда зайдешь за стойку, там будет две коробочки. В одной зеленый, во второй будет черный. Выберешь себе по вкусу, — человек подтянул к себе книгу и снова уткнулся в ее страницы. Читал он видимо что-то смешное, потому что регулярно хихикал.

Олег выбрал черный. Нет, ему нравился и зеленый чай, но сегодня хотелось чего-то более привычного. Он взял чистую кружку, добавил к чаю две ложки сахара и залил все это сверху кипятком. Пакетик тотчас всплыл на поверхности и начал тыкаться в ложку, которой Олег размешивал жидкость.

Вернувшись к столику, Олег уселся на кресло и медленно отхлебнул из кружки.

— Жить будешь в седьмом номере.

— Что? — Олег чуть не поперхнулся обжигающим напитком.

— В седьмом номере, говорю, — человек пристально сверлил его внимательным взором. — В первом живу я сам, а так как ты у меня шестой за этот год, то поселю я тебя в седьмом номере. Должен же я вести статистику?

— Должны, — согласился Олег.

— Пока будешь жить — начинай присматриваться, — на колени Олегу упала пачка старых, потрепанных полароидных снимков.

— Я, собственно, хотел...

— Об этом поговорим завтра. Пока иди, заселяйся и начинай смотреть. Сроку тебе даю три дня.

Олег аккуратно поставил недопитую кружку на матовое стекло столика и направился к двери. Карман куртки оттягивала увесистая пачка фотокарточек. Спину жег внимательный взгляд человека.

— И зови меня Владимиром, — донеслось ему вслед.

Олег обернулся и увидел, что его собеседник уже успел погрузиться в книгу. Словно потерял к нему интерес. Олег пожал плечами и закрыл за собой дверь.

Понедельник. 22.03

Зубная щетка упала в пластиковый стаканчик под круглым зеркалом. Не распакованная сумка упокоилась в стенном шкафу. Олег задвинул снятую обувь под кровать и, прикурив сигарету, распахнул окно. Мошкеры, на удивление, почти не было. Только два каких-то залетных комара ошалело зудели под ухом.

Олег сделал глубокую затяжку и разложил снимки на подоконнике. Деревянной поверхности едва хватило. Пятьдесят одна фотокарточка.

Старые, замусоленные. С потрепанными и поломанными уголками. Было и несколько новых снимков. Не выцветших. Чувствовалось, что эти снимки часто раскладывали, тасовали, пытались сложить так и эдак.

На каждой карточке был запечатлен человек.

Молодые, счастливые лица.

Парни и девушки.

Олег сложил их в аккуратную стопку, убрал в прикроватную тумбочку и затушил окурок в девственно чистой пепельнице. Вытянул из-под подушки уголок одеяла. Он твердо знал, зачем приехал в этот богом забытый, медвежий уголок.

Спал он без сновидений.

Глава вторая

Вторник. 10.01

Разбудил его тоненько дребезжащий будильник. Олег промычал что-то невнятное сквозь зубы и слепо нашарил ярко мерцающий сенсор экрана. Выбираться из-под тепла одеяла и сладкого плена мягкой подушки хотелось меньше всего на свете, но Олег твердо подавил искушение. Посланцы соблазна дружно отправились в угол на бреющем полете, а Олег — подпрыгивая на левой ноге — в сторону душа, где сначала постоял под горячей водой, потом под холодной, а потом снова под горячей.

Напор был слабеньким-слабеньким, но, чтобы отогнать сон, этого хватило.

Растеревшись красным махровым полотенцем, найденным здесь же на крючке и, видимо, забытым кем-то из прошлых постояльцев, Олег натянул одежду и подошел к окну. На стоянке возле его автомобиля крутился здоровенный лохматый пес. Он держал поднятым кверху толстую палку хвоста, и явно замышлял что-то гадкое. Наконец, он облегчился на одно из колес, отошел, чтобы полюбоваться проделанной работой... Хвост ходил ходуном. Потом псина обогнула машину и буквально рухнула в тенечке, вывалив лопату красного языка. Олег хмыкнул и достал из пачки сигарету. Терпкий никотиновый аромат поплыл по комнате. Колеса жалко не было.

«Интересно, что тут с завтраком?» — мелькнула у него непрощеная мысль.

Олег повертел в руках мобильник (сотовая связь с интернетом взяли пример с навигатора и отказывались работать) и отложил его в сторону. Затем вытянул из стопки одну фотографию. На ней была изображена симпатичная рыжеволосая девушка с отчетливо выраженными скулами. Непослушная челка волос нависала надо лбом и не давала разглядеть глаза. Почему то казалось, что они у нее ярко-зеленые. Как у рыси. С вертикальным, хищным зрачком. Олег внимательно рассмотрел снимок и заметил в самом низу две выдавленные карандашом циферки. Тройку и восьмерку.

Тридцать восьмая фотография?

Тридцать восьмой посетитель?

Олег положил снимок девушки поверх всех остальных и улегся на кровать. Подушка с одеялом тоскливо взывали из угла, но он их проигнорировал.

Думалось здесь легко и приятно. Он слышал про это место от знакомого, но, скорее всего, он просто повторяли чьи-то истории. Кто-то описывал

мрачную и затхлую атмосферу липкого ужаса. А кто-то и состояние непроходящего страха. Были рассказы и про полную депрессию и апатию.

Олегу же было легко и приятно.

Неожиданно в дверь коротко и деловито постучали.

— Ты питаться пойдешь? — донесся голос Владимира. — Или голодать собрался?

Вторник. 11.34

Завтрак был накрыт на веранде. Олег огляделся и увидел, что в пол оборота к нему сидит высокий, светловолосый молодой человек в бардовом халате и тапочках на босу ногу. В руках у него был уже знакомый томик с пестрой обложкой.

— Не стой на пороге, — раздался голос Владимира.

Олег завертел головой в попытке обнаружить памятного по вечеру человека. Но его нигде не было видно.

— Головой не верти. Я перед тобой, — сказал парень знакомым голосом Владимира и обернулся. Знакомый, цепкий взгляд из чужих глаз ожег Олега, и он почувствовал, как по спине пробежало стадо мурашек. Парень гоготнул, весьма довольный произведенным эффектом. — Надеюсь, в обморок падать не будешь? Ты же не кисейная барышня.

Олег неуверенно помотал головой и на деревянных ногах двинулся к сервированному посудой столу. Внезапно ему показалось, что совет вчерашней девушки не лишен некой толики смысла. Олег уселся на плетеный стул и сложил руки перед собой, словно примерный школьник.

— Тосты будешь? С жареным яйцом? — деловито осведомился новый Владимир, намазывая на хлеб здоровенную ложку земляничного джема. — Тут есть деревенька одна, в получасе ходьбы. Так что, продукты у меня всегда свежие.

— Спасибо, — сказал Олег и пододвинул себе чашку с чаем. На желтоватой поверхности плавали чайники, и поднималась струйка пара. Олегу аж жарко стало от этого чая. Потом он отломил кусочек поджаристого тоста.

— За что спасибо? — хохотнул Владимир. — Я же тебе еще ничего не сделал. А завтрак это так... пустяк. Я, к примеру, на голодный желудок даже думать не могу, — и Владимир шумно отхлебнул из своей чашки.

Олег смешался. Он несколько раз по дороге к гостинице представлял себе этот разговор. Чеканил доводы и аргументы, готовился отвечать на каверзные вопросы, и вот теперь из него слова нельзя было выманить.

На веранду зашла уже знакомая псина. Она по-хозяйски прошла к Олегу и внимательно изучила его чуть холодноватыми желтыми глазами. Потом прошла к Владимиру и села рядом. Мордой деловито подцепила ладонь хозяина, явно с намеком на погладить.

— Ты нам понравился, — сказал Владимир. — Хочешь, я скажу, что ты хочешь?

Олег кивнул. Его руки дрожали под этими двумя изучающими взглядами. Так энтомолог рассматривает забавную букашку, прежде чем нанизать ее на булавку.

— Ты хочешь изменить мир, — усмехнулся Владимир.

— Хочу, — внезапно твердо сказал Олег.

Вторник. 12.03

Пси́на развалилась под столом, закрыв глаза и вывалив через клыки розовую полоску языка. Пес почти не шевелился и только кончик хвоста метался вправо-влево по полу.

— Помню, однажды ко мне завалился художник один. Из Вены. Все мечтал картинами своими прославиться, — голос Владимира звучит тихо и сухо. — Перевернуть мир, так сказать.

— Удалось?

— У тебя что? По истории прогулы были? Справился, конечно же. Только вот не с картинами. Там такая закавычка получилась, и он другим прославился, если можно так сказать.

Владимир взял очередной тост и начал густо намазывать его сливочным маслом. Потом посыпал сверху нарезанным зеленым луком и щедро посолил. Внимательно посмотрел на этот шедевр кулинарного творчества и откусил сразу половину.

— Они ко мне часто приходят. Художники, поэты, писатели, врачи, политики... мечтатели и фантазеры. Все хотят мир перевернуть и поставить пятками к небу. Все хотят славы.

— И вы всем помогаете?

— Нет, — помотал головой Владимир. Он с интересом смотрел, как Олег ковыряется в желтке поджаренного яйца.

— Точнее, только тем, кто не струсит, — поправился Владимир. — Помню, приходил ко мне один. Все хотел музыкантом стать. Или актером, не вспомню уже. Вот только сам он музыкантом так и не стал. Зато такую группу вытащил из ливерпульских подвалов. До сих про них помнят, хотя про него самого уже позабыли. Так вот этот паренек в себе решимость все три дня копил.

— Но он ведь смог?

— Смог, — согласился Владимир и закурил тонкую, «дамскую» сигарету. В его огромных ручищах они практически утопала. — А ты вот сможешь?

Олег отставил в сторону чашку с уже остывшим чаем. Разговор с Владимиром его не на шутку напрягал.

— А я ничем не хуже, — твердо сказал он.

— Хуже — лучше, — недовольно поморщился Владимир. — Это все лирика и дешевая поэзия. Знаешь, чем человек, который готов на все, отличается от того, кто не готов?

Владимир резко приблизился к Олегу и смотрел практически в упор. Его серые глаза медленно темнели, приобретая цвет мокрого асфальта. Тонкая сигарета в кулаке продолжала исходить ментоловым дымом.

— Чем же? — пробормотал Олег, откидываясь на спинку кресла.

Владимир довольно хмыкнул. Черный пес слегка приподнял мохнатый кирпич морды, протяжно со скулежом зевнул и уронил обратно на лапы.

— Помнишь, я вчера тебе дал фото? — уже спокойно сказал Владимир. Олег кивнул, и он продолжил. — Я еще сказал, чтобы ты начинал выбирать...

Внезапно Олег почувствовал, что ему снова невыносимо жарко. Футболка противно липла к его телу, а воздух наливался плотной, железной густотой.

— Ты должен будешь выбрать... — Владимир внимательно присмотрелся к Олегу и улыбнулся. — Трех... Да, трех людей. Это будут те, кто должен будет умереть ради твоего величия.

Олег со всхлипом втянул в себя воздух.

— Именно это и отличает, — без тени сочувствия сказал Владимир. — Ты меня понял? Тот, кто готов на все, готов пойти и по трупам.

Глава третья

— Ты неудачник, — сказала Лика. — И какого черта я тебя еще не бросила? Придурка.

Олег с Ликой лежали в постели и курили. Вместо пепельницы они использовали ведро из-под мороженого с буро-серой кашицей на дне. Там же уже плавало несколько окурков.

— Тебя опять уволили с работы. Если бы не мой отец, то уже давно бы с голоду околели.

Лика вытерла капельки пота с разгоряченного и покрасневшего лица. И сделала очередную глубокую затяжку.

— Я могу продать машину, — миролюбиво сказал Олег.

Лика закатила глаза, а потом начала яростно тушить окурки в остатках мороженого.

— Продать он может... кому ты тогда будешь нужен?.. без машины... да и отец будет против... он же нам ее подарил...

Спальня была прокурена насквозь, и только от открытой форточки тянулся ветерок свежего воздуха, который медленно охлаждал разгоряченные тела. Лика зябко поежилась, вскочила с кровати и теперь застегивала на себе клетчатую Олегову рубашку. Мелькнул аккуратный бугорок загорелой груди и ярко-красный сосок. Лика нервно одернула рубашку, но она оказалась коротковата. Низ все равно прикрывал ее попку только до середины.

— Прости меня, — внезапно сказала она. — Я к тебе не справедлива.

Она уселась на краешек кровати, и Олег приобнял ее сзади, пряча лицо в темно-русых длинных кудрях.

— Ты видела письмо, малыш? — угадал он.

— Да, — Лика тяжело вздохнула, сжимая кулачки и натягивая на них рукава рубашки. — Видела. И читала. Извини меня.

Олег отпустил ее плечи и откинулся на подушки.

— Они козлы и ублюдки, — внезапно взорвалась Лика. Ее волосы растрепались, глаза метали гневные молнии, а рубашка на голое тело походила на плотный, кожаный доспех дикой, воинствующей амазонки. — Когда-нибудь они у тебя в ногах ползать будут, чтобы ты на них хотя бы плюнул. Тоже мне, светочи разумного, доброго, вечного. Пердуны старые с заржавевшими мозгами. Они не понимают, что мой муж гений...

— Безработный, — тихо сказал Олег. — Твой муж безработный неудачник, малыш.

Лика прижалась к нему и беззвучно заплакала. Он гладил ее по волосам, шептал какую-то ласковую чушь и напряженно думал. Ничего путного из него не вышло. Работы менялись одна за другой. Доставщик, экспеди-

тор, таксист, торговый представитель... И нигде он не задерживался больше полугода. Денег едва хватало на еду, оплату счетов и несколько заправок бензином. Отец Лики презрительно смотрел на него, когда завозил продукты и несколько тысяч взаймы. Брать просто так они считали ниже своего достоинства.

«Моя дочь заслуживает большего», — читалось в глазах отставного сотрудника государственной безопасности и нынешнего владельца преуспевающей сети продуктовых магазинов.

Олег был с ним целиком и полностью согласен.

Лика же считала его Творцом. Именно с большой буквы. Она любила наблюдать за его работой, находить в ней гениальность, и верила в его большое, светлое будущее. В то самое светлое будущее, на которое он уже имел смелости не рассчитывать.

Его работы не пользовались спросом.

Все маститые, с кем он когда-либо общался, смотрели на него сверху вниз пустыми, стеклянными глазами-пуговицами и отделялись какими-то общими, скучными словами. А то и просто письмами, в которых то и давали свободу чванливому остроумию и ехидству. Советовали найти работу дворником или сторожем. От этих слов становилось тошно и противно, а Лика долго бушевала на кухне, грозя маститым всеми карами небесными, подземными и сопредельных измерений.

Может, действительно все они правы? И от него нет никакого толку? Эти крамольные мысли терзали Олега и висели над ним дамокловым мечом в клубах сигаретного дыма. Но он знал, что если сдастся, то Лика, его маленькая, любимая и непоседливая Лика, пошедшая наперекор родителям, родственникам и друзьям, которые ее пытались отговорить и образумить... так вот эта самая Лика, преданная ему до гробовой доски, разочаруется в нем. И это знание терзало его еще сильнее.

Лика уже сонно сопела ему в ухо, вздрагивала и ворочалась, чтобы удобнее устроиться у него на плече. Олег обнял ее покрепче и попытался уснуть.

* * *

— О! Наш великий и непревзойденный, а также не понятый миром и мной лично, — энергично и бодро орал телефонный динамик. — Сколько поклонников готово взойти на алтарь своего кумира? Как твои дела?

Олег поморщился. Шумный и подвижный Миха всегда действовал ему на нервы. Только от одного его звонка хотелось запустить сотовым в ближайшую стену.

— Нормально.

— Как продвигаются покорения творческих вершин?

— Никак, — Олег уже начал тяготиться этим разговором.

— Что, так плохо? — в голосе Михи прозвучало неподдельное сочувствие. — Опять вредное старичье не дает спокойно спать молодым талантам.

— Можно и так сказать, — Олег тяжело вздохнул и покосился на экран. Пятница. Шестнадцать сорок пять. Лика ушла утром, сказав, что на обратном пути заскочит в парикмахерскую и будет поздно.

— Сочувствую вашему горю. — К Михе явно возвращалось хорошее настроение. — Слушай, непризнанный, я у тебя тут под дверью с тремя бутылками, и говорить слегка неудобно. Закуску организовать сможешь или до магазина сбежать?

В бутылках оказалось пшеничное, сорокаградусное. Олег нашел стопки в стенном шкафу. Михе за это время успел сполоснуть блюдца, опустить в одиноко стоящую вазу темно-бордовую розу для Лики и засервировать стол остатками роскоши из холодильника.

Водка расплескалась по хрустальным стопкам.

— За вас, старик. — Михе поднял стопку к потолку. — За вас. За то, что, несмотря ни на что, вы все-таки...

Тонкий звон поплыл по кухне.

— Так что тебе пишут? — Михе ловко подцепил кружочек огурца и теперь довольно им хрустел.

— Что я вторичен. Нет во мне божьей искры таланта.

Водка приятно согревала желудок.

— Сурово. А ты что?

— А что я сделаю? Хлопаю глазами и внимаю речам мудрых, седебородых старцев.

Они выпили по второй и заели. Олег схрумкал маринованный огурчик и тоскливо уставился на стенку. Там полз рыжий и толстый таракан.

— Это ты зря. Тебе пробиваться надо. Шуметь. Устраивать скандалы с битьем посуды на банкетах и битьем чьих-нибудь морд, — третья стопка настроила Миху на наставнический тон. — А может, лучше попробовать через столицу? В нашем-то болоте уснуть можно.

— Да кому я там нужен. Там своих полным-полно.

— Тоже верно. Ну что? По четвертой?

Михе взял просто бешеную скорость к опьянению. Разлил по стопкам из довольно булькающей бутылки, пихнул задумавшегося Олега и силой всучил ему вилку с помидоркой. В его глазах заплясали юркие и веселые бесенята.

— Слушай, а если тебе? — Он замолчал, хитро поглядывая на Олега.

— Что мне? — не понял тот.

Михе громко пробарабанил какой-то марш, достал сигарету и прикурил от зажигалки, протянутой Олегом.

— Что ты хочешь от всей этой своей фигни? — спросил Михе спокойно.

— Ну, — растерялся Олег. — Всякое...

Михе гулко рассмеялся, и Олег растерялся еще больше.

— Многое, — глупо добавил он и зачем-то заглянул в рюмку.

— Вечное, — Михе вытер слезы, выступившие от смеха и перевел дыхание. — Короче, мне тут рассказывали одну байку. Только учти, за что купил, за то и продаю. Короче, тут на одной трассе...

Олег слушал Миху молча и внимательно. Все пары алкоголя куда-то благополучно улетучились. Михе, Мишка-Скворец в школе, Михаил Семенович Никишин, старший лейтенант убойного отдела рассказывал о том, во что, и поверить-то было боязно. И от этого хотелось верить еще сильнее.

Почему-то Олег поверил сразу.

— Вот так-то, — закончил Миха и разлил по стопкам остатки водки. Олег опрокинул ее в себя и абсолютно не почувствовал вкуса.

— Слушай, — хрипло спросил он. — А ты сам бы туда поехал?

— Нет, — Миха помотал головой, — Зачем мне менять мир? Мне и в этом, знаешь ли, удобно. По следующей?

...На то, чтобы успокоить и договориться с перепуганной Ликой, ушло несколько часов. Олег наплел что-то с три короба и на следующее утро торопливо упаковал вещи. Еще он взял с собой последние пять тысяч из отложенных на летний отпуск. Лика сидела рядом и что-то говорила. Кажется, просила взять ее с собой.

Олег впервые не ответил ей.

Чтобы задать маршрут навигатору, ушло еще минут пять.

Глава четвертая

Среда. 10.45

На снимке был запечатлен молодой парень.

Светлые, словно выгоревшие на солнце, волосы. Резкие, волевые черты лица. Над верхней губой топорщится щеточка небольших усов. Слегка оттопыренные уши. Рот скривился в невеселой усмешке. Одет парень в темную ветровку и светлые брюки. Стоит непринужденно, заложив руки за спину. У ног лежит старый, потрепанный рюкзак.

На краю карточки выдавлены цифры. Две единицы.

Одиннадцатый.

Олег внимательно и пристально вглядывается в снимок. Интересно — кто этот человек? Чего он хотел? Олег не узнает его, и от этого любопытство разгорается еще сильнее. Как он изменил мир? Почему он оказался здесь?

И почему Олег так и не может разглядеть его глаза?

Снимок вернулся в стопку к остальным.

Вторник. 12.15

— Я вам не убийца!..

Олегу кажется, что он говорит твердо и уверенно, но под конец фразы его голос срывается и раздается какое-то невнятное, сиплое бульканье. Владимир сидит на кресле, прикрыв глаза и опустив левую руку на голову своего пса.

— Я не собираюсь по вашей прихоти бегать по стране и душить этих людей. Или их надо застрелить? А может еще лучше воздвигнуть алтарь, потрошить их ножом и пить кровь?..

Владимир непонятно хмыкнул, а потом заржал в полный голос. Он гулко перхал горлом, судорожно цепляясь за подлокотники и трясясь всем своим телом. Халат распахнулся, обнажив незагорелую, безволосую грудь.

— Я разве сказал что-то смешное? — сухо осведомился Олег, чувствуя себя не в своей тарелке.

Владимир успокоился и погрозил ему пальцем.

— Идиот. Мне это абсолютно не нужно. Экое у тебя примитивное и безвкусное воображение. Потрошить ножом и пить кровь. Меня чуть на слезу не пробило. Сразу видно, что ты...

Владимир еще раз хохотнул и протянул руку, чтобы разлить по чашкам свежего зеленого чая. Потом придирчиво выбрал себе очередной тост. Намазывать его ничем не стал, а просто сразу откусил добрую половину. Олег аккуратно отхлебнул из чашки и смущенно затих. Он не понимал, что тут происходит, а выставять себя дураком хотелось меньше всего. Тем более, что у него это и так получилось.

— Мне кажется, что ты меня с кем-то путаешь. Спешу тебя успокоить — я не часть той силы, что вечно что-то хочет, а поступает потом наоборот. Я даже не Сила. Я даю человеку толчок. Стимулирую его. Позволяю прыгнуть выше головы. Если это можно так назвать. Просто все имеет свою цену. И моя цена такая, что отсекает рохлей, неумех и просто трусов.

— Но убивать?..

Владимир легко поднялся с кресла и подошел к краю веранды. Прямо за ступеньками начиналась тропинка, что вела к небольшой деревянной беседке, возле которой находился старый, потрепанный временем и закопченный мангал. Рядом высилась добротная поленница яблоневого чурок.

— Лично ты никого убивать не будешь. Это я тебе гарантирую.

Среда. 12.55

Лицо сердитое. Девушка исподлобья глядит в камеру и презрительно кривит чуть пухловатые губы. Волосы черной волной ниспадают ниже плеч. На носу мелкие, едва заметные веснушки. Подбородок волевой, с едва видимой ямочкой. По фотографии видно, что она невысокого роста и стоит на уже знакомой веранде. Тонкие, длинные пальцы прирожденной пианистки судорожно вцепились спинку плетеного кресла.

Одета девушка просто и элегантно. Со вкусом. Черная водолазка с воротом под горло, темная джинсовая курточка и такие же брюки. Ботинки с высокой шнуровкой и толстой подошвой. Создается впечатление, что за кадром остался верный мотоцикл.

Олег отложил снимок в сторону.

Сорок вторая.

И почему-то опять он не может увидеть глаза.

Вторник. 12.30

— Я вас не понимаю...

— И чего же ты не понимаешь?

— Вы же сказали, что я должен убить? Выбрать троих из той проклятой колоды снимков и убить... идти по трупам.

Воздух на веранде был словно наэлектризован. Олег чувствовал, что по его спине текут крупные бисерины пота. Владимир же был абсолютно расслаблен и спокоен. Он снова уселся в свое кресло и лениво трепал своего черного любимца за уши.

— Дурак. Вспомни, что я тебе сказал, — глаза Владимира снова стали наливаться знакомой темнотой. — Я сказал, чтобы ты выбрал. Только

выбрал, и все. Но люди на этих снимках умрут. Попадут в аварию, покончат с собой, подхватят какую-нибудь неизлечимую болячку, кого-то собьет машина. А может, у них просто и банально остановится сердце. Вариантов куча. Их, если честно и между нами, миллионы. Миллиарды.

Владимир прищелкнул пальцами и густо рассмеялся.

— Итогом будет только смерть.

Среда. 16.43

Последний снимок. Сначала Олег нашел его прямо в середине пачки, потом, аккуратно разложенные по возрастанию номеров, он переместился в самый конец стопки. На нем был высокий парень в синей, с полосами рубашке. Шапка огненно-рыжих волос почти полностью скрывала лицо. Выделялся только длинный, с горбинкой нос.

Парень стоял возле веранды и держал в руках старую, потрепанную папку, пузатую от содержимого, с шнурками — завязочками, из которых получился аккуратный бантик на самом краю папки. Пальцы у него были густо измазаны чернильной краской, словно бы после неудачной заправки принтера.

Пятьдесят первый.

Олег достал сигарету и щелкнул зажигалкой. Выпустил в потолок несколько колечек дыма, которые он попытался направить к открытой форточке. Потом раздраженно затушил окурок в пепельнице.

Интересно, кто они все? Кто все эти люди, про которых Олег знал только, что они однажды пересеклись с Владимиром? Здесь или в какой-то иной придорожной гостинице... что они все хотели? И как они потом изменили мир? Этот вопрос мучил Олега больше всего. А хозяин «Придорожья» только хмыкал и больше про своих бывших клиентов не распространялся.

Владимир.

Владеющий миром.

И допускающий в этот мир тех, кто может этот мир изменить.

Не важно, как и для чего. И возможно даже не так, как хотели те, кто его об этом просил.

Олег улегся на постель, не снимая одежды, и тупо уставился в потолок. Остатки решимости, которая переполняла его по дороге сюда, медленно и неотвратно таяли. Хотелось просто собрать вещи, закинуть их в багажник автомобиля и мчаться отсюда на предельной скорости, не оборачиваясь и забыв все как страшный сон.

Знать, что из-за твоего решения умрут трое людей. Пускай, незнакомых. Не важно, хороших или плохих. Но они умрут из-за того, что Олег выложит их карточки перед Владимиром и скажет: вот эти. На такое он все-таки не готов. Он просто хочет домой.

К Лике.

И чтобы потом из дня в день видеть, как любовь в ее глазах подергивается дымкой усталости, разочарования, отвращения. А потом она сменится глухой, непробиваемой стеной презрения.

Олег закрыл глаза. Он должен все обдумать. Все взвесить. Наскрести остатки решимости и отваги. Неужели, он все-таки неудачник?

А на улице, сразу возле крыльца, завывал черный, лохматый пес. Словно кого-то оплакивал.

Пятница. 18.36

Машина заглохла при въезде в город. Олег чертыхнулся, вылез из кабины на свежий вечерний воздух и от полного расстройства чувств со всей силы пнул колесо. Автомобиль недовольно фыркнул и внезапно завелся, словно решив, таким образом, извиниться перед хозяином за свое поведение. Олег застонал, выругался вполголоса и полез обратно за руль. Там он заглушил привередливый двигатель и вытянул из пачки предпоследнюю сигарету.

Мимо грохоча подвеской, дымя выхлопными газами и пронзительно воняя соляной, промчался гигантский грузовик с вытянутым, словно клюв, капотом. На втором прицепе, что он тянул, алела рекламная надпись — «Грузы и мечты в срок и по адресу». Оптимистичная такая надпись. Красное на черном.

Олег затянулся и стряхнул пепел за окошко. Внезапная тишина, обрушившаяся на него, давила, подавляла, залепляла уши ватой и успокаивала. Как обычно последней затяжки никотином так и не хватило. Резко, надрывно заиграл мобильник. Олег мазнул по сенсору рукой и поднес телефон к уху. Звонила Лика, и было слышно, что она плачет.

— Скажи... Я тебя чем-то обидела?

— Ну что ты, малыш. Конечно же, нет.

— Я... Я... до тебя целую неделю дозвониться не могла. Я так волновалась. А вдруг бы ты попал в аварию? Вдруг бы ты?..

— Малыш, я скоро буду дома. Со мной все в порядке. Я цел и невредим.

— Честно?

— Честно — честно. Правда — правда.

— Я жду тебя. Слышишь? Я жду и люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, — сказал Олег.

На душе было легко и спокойно. Вся эта сумасшедшая неделя успела подернуться вуалью нереальности. Гнетущая атмосфера придорожного мотеля, загадки Владимира остались где-то там. За горизонтом ушедших дней. Впереди ждала обычная, скучная, повседневная жизнь.

И Олега это устраивало целиком и полностью.

Четверг. 11.00

— Я желаю тебе счастливого пути.

Сегодня Владимир выглядел как подросток лет пятнадцати. В легкомысленной цветной футболке кислотных оттенков, шортах, запачканных древесным соком и едва прикрывающих ободранные колени. Стоптаные кроссовки на липучках надеты на босу ногу. Кепка, повернутая козырьком к затылку, выглядела нелепо на соломенных волосах, которые больше всего напоминали сосульки.

Пацан пацаном, которых двенадцать на дюжину в любом дворе. Вот только взгляд и голос. Они у Владимира никогда не менялись.

— Я желаю тебе счастливого пути, — повторил Владимир, прикусывая зеленую травинку здоровыми белоснежными зубами. — И помни, что это твой путь, и ты выбрал его сам и добровольно.

Олег горько усмехнулся.

— Я помню. Сам и добровольно

— Вот и отлично. А знаешь? Ты молодец. Я это говорю абсолютно искренне и честно. Ты нам понравился.

Черный пес, устроившийся в ногах хозяина, приподнял кирпич морды и согласно гавкнул. Потом вывалил на всеобщее обозрение язык и лег обратно.

Владимир рассмеялся.

— И все-таки... я бы хотел знать?

— Зачем? — Владимир выплюнул травинку. — Ты просто помни.

Потом он внезапно достал из-за спины старый фотоаппарат и резко навел его на Олега. Сверкнула вспышка, и из щели внизу влезла свежая фотокарточка. Прodelано это было настолько быстро, что Олег просто не успел среагировать и опомниться.

— На память, — улыбнулся Владимир опешившему Олегу, помахивая фотоснимком из стороны в сторону. Там уже медленно начало проявляться изображение.

Пришедший в себя Олег почему-то был уверен, что там, у своего двойника, он не сможет увидеть глаз. Как и на всех других фотографиях, которые он перебирал эти дни.

Что же... за все должна быть расплата.

— Хорошо, — сказал Олег сквозь зубы. — Пусть будет на память.

Эпилог.

— Я тоже люблю тебя, — сказал Олег.

— Да и еще, — голос Лики звенел радостным возбуждением. — Тебе звонил и искал сам... Ты только представь. Ему понравилась твоя последняя работа.

Олег отодвинул телефон подальше от уха. Хотелось заорать благим матом, завывать сквозь сжатые зубы, разогнать машину и на полной скорости врезаться в ближайшую бетонную стенку. Так что бы вдребезги и сразу без мучений.

— Он говорит, что ты можешь изменить мир, — голос Лики доволен и счастлив.

Олег уткнулся лбом в теплую кожу руля. Надо было привыкать с этим жить.

Самому и добровольно.

из газетных статей.

«Сегодня скоропостижно скончался заслуженный учитель нашего города... Он был один из немногих, кто был искренне предан школе и своим ученикам. Сотни детей, которых он выпустил из стен учебного заведения изменили мир...».

«...разбился на своем автомобиле. Вместе с популярным певцом были его супруга и пятилетний сын. К счастью они не пострадали, отделавшись легкими царапинами. Самого исполнителя доставили в больницу, но старания врачей успеха не имели.

«Он успел заставить мир музыки содрогнуться», — сказали его коллеги, опечаленные этой невозможной утратой...».

«...знаменитая детская писательница, которая последние свои годы прожила затворницей. «Она перевернула весь детский мир», — сказали опечаленные поклонники.

Прощание состоится...».

Об авторе

Родился в 1983 году в Томске, где живет по сей день. Учился на учителя истории в Томском государственном педагогическом университете. Сейчас работает строителем детских городков. Писать начал в школе в старших классах. Участник двух литературных объединений: «Состояние» под руководством А. В. Гоц и литературного клуба А. Р. Рубана. Библиография: журнал «Сибирские Афины» — рассказ «Письма», журнал «День и ночь» — миниповесть «Из света тени», журнал «Порог» — рассказ «Мечтатель», журнал «Порог» — рассказ «Идеал», интернет журнал «Муза» — рассказ «Флейтист», сборник «Мороз и солнце» — рассказ «Вера», сборник «Бухта барахта» — рассказ «...слезы дождя», сборник «Рыцари» — рассказ «Флейтист», сборник «Словорели» — рассказ «Предатель», сборник «Словорели 2» — рассказ «Мечтатель», сборник «2 x 2» — рассказ «Инга». В «ЗНАНИЕ-СИЛА: Фантастика» № 2—2016 вышел рассказ «Последний миг жизни».

Михаил Диденко

Война с веганами

Я — СуперВеган. Я — боец отряда специального назначения, который выискивает по подвалам мясоедов и мочит их без какого-либо суда и следствия. Таких мясоедов, как мои покойные родители. Меня забрали и вырастили в спецдетдоме. Вспоминать его не люблю. Я пропал без вести на первом же задании, от остальных остались только ошметки. Потом еще несколько отрядов попали в кровавую западню. Теперь, спустя полгода, я объявился и сказал, что могу доложить Совету важную информацию. Меня били — причем бывшие дружбаны, с которыми я учился — но я только смеялся и сплевывал кровь. Вот в детдоме нас действительно БИЛИ, а тут так — вытерпеть можно. И я стал сильнее, намного сильнее... Поэтому начальство было вынуждено доложить Совету, и меня позвали на заседание.

Темные коридоры, ноги утопают в коврах, на стенах портреты президентов из «друзей». Это так, должность чисто символическая. Киррус как-то рассказывал, что какой-то «император» сделал каким-то «сенатором» своего коня. Так и у нас.

Полированные двери открылись, и я вошел в большой зал с огромным окном во всю стену. За круглым столом они — элита нации... Киррус таких называет «астенично-анемичными». Раньше, говорит, таких бы назвали «дистрофиками». Не знаю, что за слово, но, наверное, смешное. Три охранника — покрупнее... Но ничего, так себе. И у меня пара конвоиров-цыплят. Украдкой глянул на часики — время еще есть.

Один, с седой бородкой, встает. В глазах тревога. Еще бы! Да и все на меня зыркают, как на вошь в чистом белье.

— Вы, — говорит, — обладаете какой-то важной для нас информацией? Итак, мы готовы выслушать.

— Так точно, — отвечаю, — но начать надо с начала. Гыгы.

А сам задумался.

Перед Заданием я никак не мог заснуть. Ворочался, простыня вспотела, а сна ни в одном глазу. Завтра сержант увидит синяки под глазами, опять орать начнет... «Сокол, твою мать!» Сокол — мой позывной. Надо бы с парнями поговорить насчет сержанта. На заданиях, говорят, всякое бывает. Плохих начальников в труповозке обратно привозят. Пал смертью храбрых, так-то. Потом отрубился, а сон такой, мерзкий. Детство приснилось. Ферма дедушкина, он чему-то смеется. По ходу опять анекдот про слепую

доярку и быка рассказал. Бабушка на него полотенцем машет. И запах! Я даже во сне испугался. Я уже думал, что забыл его. На вертеле медленно вращается один из «друзей» — сейчас такие картинки на уроках истории показывают. Типа, варварство, бла-бла-бла. Кошунство. А у меня слюни текут во сне. Я еще больше испугался. И вроде во сне, и вроде понимаю, что сплю. Еще «стукнет» кто-нибудь, и в расход пустят.

Сержант утром зыркнул, но промолчал. Может, потому что в глазах моих, от недосыпа красных, что-то такое увидел. Может, потому что в руках у меня автомат, а в магазине 40 бронебойных патронов с усиленным пороховым зарядом. Кто его знает. Короче, промолчал. Правильно, молчи, сука. Целее будешь. Я больше не тот хнычущий ребенок, который не понимал, куда попал. Я — первый в отряде по стрельбе и рукопашке! Так-то! Еще бы вместо этой травы на обед давали что-нибудь повнушительнее. Вспомнил запах жареного МЯСА, и опять слюна побежала. Чтобы не думать, стал амуницию проверять — броник, разгрузку, запасные магазины, рацию, аптечку, защиту..

Трясемся в душном и темном кузове минивэна без окон. Едем на «адрес». Разведка засекла, что там в подвале какие-то уроды сидят. И запах оттуда знакомый... Опять слюна. У других в горле пересохло — нервяк, первый раз на задании, а у меня слюна бежит. Точно кто-нибудь засечет и слад! Хорошо хоть, никто друг на друга не смотрит. Воняют только страхом и все. Я этот запах хорошо знаю. Не хуже, чем запах МЯСА. Сам смердел страхом первые годы в детдоме. Вспомнил и зубы оскалил. Но теперь все прошло. Стал проверять комплектацию аптечки, чтобы отвлечься. Сержант нахмурился, но опять промолчал. Умнеет на глазах, урод! Глядишь, так домой на своих двоих вернется. И без лишней дырки в голове.

В аптечке все на месте. Да что там проверять... Все напряженно смотрят — кто в потолок, кто в пол. Костяшки на руках белеют — один в ствол автомата вцепился, типа это ветка, а он над пропастью висит. Другой пальцами хрустит. Третий анекдоты без перерыва рассказывает и один с них ржет. У меня слюнотечение, как у собаки. Отряд специального назначения «Супервеган», гыгы.

Машина дернулась последний раз и остановилась. Выходим. Какие-то трущобы, развалины, на улице темно уже. Наше отделение строится возле гниющей кучи мусора. Рядом вход в подвал — по ходу туда. Сержант шепотом инструктирует последний раз. Шлемаки на бошки напялили, радиосвязь проверили, приборы ночного видения подключили. А че шепотом? Что нам эти жалкие трупоеды сделать могут? Из обрезка шмальнуть? Так броник 5 класса защиты, еще и разгрузку, магазины те же... Правда, идешь в них, как в скафандре. Пока руку поднимешь, сто лет пройдет.

Короче, потопали в подвал. Впереди щитовые. Я вперед не рвусь. Медалька оторванной ноги или там руки не стоит. Так-то. Я — замыкающий. Мое дело — тылы стеречь. А вообще, если нас поймают в плен, ну это редко, но бывает, то наша татуха СуперВеган, которая у любого на груди выбита после зачисления в отряд, это пропуск в Ад. Золотой билет. Одному бойцу, говорят, брюхо вспороли, потроха пожарили и на глазах у него сожрали.

Автоматически потрогал колечко гранаты, висящей на разгрузке. Если че — дерну и улечу от них всех к родителям. Спускаемся все ниже, в подвале все темнее. Воняет тараканами. Крысы под ногами шмыгают. Тоже ведь мясо... В детдоме их ели. Тайно, конечно. Потом пару парней как-то вздернули на линейке, и все прекратилось. В пузе забурчало. Че нашло-то... Вернемся с задания (если вернемся), нажрись этих соевых «котлет» и «бургеров», пока не лопну, мать их так.

— Все это весьма любопытно, — прервал меня тот, седобородый, — но в чем, собственно, суть?

— Шас дойдем до сути, — говорю, — не переживай.

Он выпучил на меня гляделки, на других посмотрел, но промолчал. Думает, вернулся типа контуженный отморозок без высшего образования. Детдомовец сопливый. Которому только унитаза чистить. Мы еще посмотрим, кто тут контуженный. Я таких как ты в детдоме давил втихую, как подрост. Мне свою жизнь не жалко, а твою тем более.

Короче, суть. Прокрались по коридору. Впереди дверь. Под ней, в щели, свет видно. И слышно — разговоры. И запах... Я чуть не грохнулся. Хорошо, что тренированный. Такой же запах, как на ферме в детстве! Прямо услышал, как жирок шкварчит на огне, а ты такой вертел поворачиваешь и поворачиваешь. И собой гордишься — дед наконец доверил! И капли жира падают на угли и шипят. А ты ждешь, дожидаться не можешь, когда можно будет жрать...

У меня даже пузо заболело. Подошли к двери. Сержант два пальца показал — типа, готовность номер один, начинаем! Вынесли дверь с размаху, ворвались — там три бородатых бомжа сидят, а перед ними МЯСО. На шампурах. Я как увидел, чуть в голове не помутилось. А бородатики остолбенели. Один кусок ко рту поднес и забыл про него.

Потом я очнулся, вспомнил о Решении, и... нажал на спусковой крючок. И не отпускал, пока пустой магазин сам не выскочил. Это против обрезов или там пистолетов наши броники хороши, а бронебойную пулю не держат. А я — лучший стрелок в училище. Видел бы мою стрельбу инструктор! Подошел к каждому и для верности еще по пуле в башку пустил. Сержанту — три пули. Не для дела, а так, для себя. Бородатые как застыли — у них глаза вообще уже из черепов выехали. Врубиться не могут, че происходит.

В зале поднялся шум. Кто-то от возмущения выпустил кишечные газы. В наше время это не стыдно, а даже наоборот.

— Что такое?! Охрана!

Один из охранничков двинулся ко мне.

Я поднял руку:

— Ниче-ниче, шас я все вам объясню. Секунду.

В общем, медленно подхожу к одному из бомжей и вырываю у него кусок мяса. И начинаю с удовольствием жрать, так что за ушами трещит. Потом удар, боль, вспыхнуло перед глазами, и я сам отрубился.

Очнулся в каком-то другом подвале. Над головой яркая до боли лампочка. Я на стульчике. И напротив они. А среди них — Кирус. Похожий на странное насекомое с фасеточными глазами. Я сразу узнал его по фото и опустил глаза. Еще догадается... Да, это была спецоперация. Меня туда

послали, чтобы я внедрился и ликвидировал одного из важнейших участников подполья. На супервеганов детдомовских всем по барабану. И вот он, сидит передо мной. Дистанция — метр, но для меня это сейчас километр. Надо ждать. У Сокола связаны крылья.

— Ну так что же, вы... выполнили задание? — спросил другой Член Совета.

— Ща, все расскажу. Не торопитесь, — а сам снова смотрю на часы. Тик-так, тик-так. Тени ползут по полу, все длиннее. Уже скоро.

Меня конечно же снова били. Но я был рад. Потому что кормили трупоеды мясом, и я просто кайфовал. Валялся с набитым пузом и отбитой башкой в своей камере и кайфовал... На все вопросы отвечал. А че, какая разница? Им это не поможет. В моей подвальной камере хоть глаза выколи — ни хрена не видно. С потолка капает. Часы отобрали, и я не мог сказать сколько сейчас времени. Потихоньку я стал проваливаться куда-то, как будто летел в космосе, без звезд. И еще тело свое не ощущал! Как сахар растворилось.

И я стал видеть видео — типа огромный экран в космосе передо мной. Все, что когда-то слышал на занятиях или видел...

Когда движение веганов стало расти и шириться, на это мало кто обращал внимание. Пророчества дальновидных людей в Фейсбуке не принимались всерьез. Кто стоял за этим? Конечно, «мировое правительство» — людей на планете становилось все больше, а ресурсов все меньше. Программы типа «чайлд фри» работали не очень, а устраивать мировые войны уже было не модно. Тогда решили пропагандировать движение веганов — травы и листьев на Земле хватит на всех.

Первоначально все было под контролем, тем более, что мир сотрясали локальные войны, конфликты, в новостях мелькали теракты, и маленькую заметку об инциденте, происшедшем в Бельгии, никто практически не заметил. Так, восприняли как курьез, как фейк, поставили пару лайков и забыли.

А между тем сегодня, когда прошло уже более четверти века, этот случай изучают во всех школах — наизусть. В тот день школьники, все как один примкнувшие к веган-движухе, избili своего одноклассника Хашима, не желавшего прощаться с любимой бараниной — за «трупоедство». Ну избili и избili. «Так им и надо, этим мигрантам!» — подумал каждый второй читатель статьи. Но дальше больше — группки веганов стали поджигать мясные лавки и фермы, избивать мясников. Одному покупателю вырезали на лбу заточкой — «мучитель животных». Всего лишь за купленный стейк! Мясники и охотники в ответ срывали веганские фестивали, но, как ни странно, не более того.

Опять же — то время в мире было очень беспокойно. Поэтому мало кто воспринял это всерьез. Ну, были агрессивные «гринписовцы», теперь веганы к ним добавились. Что самое интересное, эти две группы сначала действительно «сошлись», но потом стали злейшими врагами — «гринписовцы» выяснили, что растения действительно чувствуют боль. В результате конкурентной борьбы все движение «Green Peace» было уничтожено на корню (хе-хе), и о них запрещено даже упоминать под страхом смертной казни.

Итак, теракты и конфликты заслонили своим пламенем и дымом маленький росток, который, к сожалению, вымахал и заслонил солнце всем другим... Когда группки веганов в черных масках, называющих себя «веганской полицией», стали нападать на отдыхающих, прикладывая лицами к жаровням, пырять ножами и подвергать другим издевательствам, полиция вроде как забеспокоилась. Особой популярностью у «веганской полиции» пользовалась игра «в корриду». Несчастливого мясоеда заставляли на четвереньках бегать за одним из веганов, который, как тореадор, должен был втыкать шампуры в его бока. Конечно, не обошлось и без случаев с летальным исходом... Но все силы полиции были заняты обысками мигрантских районов, с одной стороны, и сдерживанием местных жителей, с другой. На странных веганов сил не осталось.

Агрессивные, но скудоумные веганские боевики, тем временем, получили поддержку хитроумных хипстеров — схожие убеждения позволили им это. Хипстеры стали лоббировать веганов в верхах, веганы поддерживали хипстеров силовыми акциями. Достаточно было сказать группке угрюмцев, что такой-то обожает есть мясо — «сырое, с кровью! да еще и сам любит резать животных», как за жертвой устанавливалось наблюдение, которое почти всегда заканчивалось ритуальным «забоем». «Почувствуй себя королевой на мясобойне!»

Так хипстеры и веганы привели друг друга во власть. Нежные и тощие хипстеры действовали тонко и успешно, в то время как другие бодались, как быки. Сначала в столовых предлагалось на выбор два блюда — халяльное и веганское. И, кстати, у мясоедов Европы был мучительный выбор — есть вкусное, но мигрантское мясо, или же мерзкую, но европейскую массу. Постепенно перешли к такому меню — одно халяльное блюдо, или же четыре веганских. А в тот день, когда халяль полностью запретили, многие из европейцев стали ликовать. Ведь раздосадованные мигранты потянулись домой — конфликтовать с этими безумцами они не осмеливались. Веганы, в отличие от толерантных европейцев, были жутко нетерпимыми ко всем, у кого была иная точка зрения.

Но когда радующиеся европейцы решили зажарить в честь этого быка на какой-то площади (уже не помню где, то ли в Венгрии, то ли в Испании), веганская полиция расстреляла их из автоматов. Среди бела дня. Быка торжественно похоронили, и именно тогда детей убитых впервые отдали в специальные лагеря, где из них стали выращивать супервеганов.

Изображение в угольно-черном космосе сменилось, и теперь я увидел себя, маленького, со стороны. Я ехал с родителями в белой машине. Да, мы как раз возвращались с дедовской фермы. Как раз в тот день, когда жарили хряка на вертеле... Момент, когда нас остановил офицер веганской полиции, не помню. Помню только напряжение и страх родителей. Помню белое мамино лицо. Она стала причитать шепотом, что ведь просила же не есть мясо. Помню, как клацнул замок дверцы, и скрипучий голос (я снова отчетливо услышал его) спросил:

— Мясо употребляли?..

Родители отказались наотрез, а он, сморчок в ненавистой зеленой форме, дал им дыхнуть в трубочку. И тогда я заплакал.

Очнувшись, я не мог понять, где нахожусь. Там темно, тут темно. Сколько можно! Найдя наощупь дверь, я стал тарабанить в нее.

На следующий день (или ночь, в подвале хрен разберешься) я уже излагал мясоедам во главе с Киррусом план. На операцию меня, конечно же, тоже взяли. Поставили в углу. В затылок холодный ствол упирается. Если че, будет стоять только мое тулово с разлохмаченной шеей.

Как я и сказал, на запах мяса сначала пришнырили разведчики. Их трогать не стали. Ну и потом подвалил знакомый минивэн с тонированными стеклами. Когда супервеганы вломились, их прохерачили очередями насквозь. Так-то. По-шурику обшмонали, хватанули оружие и все ценное и нырнули в свои подвалы.

И уже там, внизу, стали орать, типа выражать восторг. Меня даже кто-то похлопал по плечу. Еще пара таких засад, и меня спросили — че я собираюсь делать дальше. Я снял рубашку, раскалил нож и вырезал свою татуху СуперВеган. Мне дали стакан с бухлом и автомат.

После этого правительство — то есть, вы — объявили на нас охоту, перекрыли все краны. Ну че, мы стали хватать веганов... Мясо тощее, но есть можно.

В зале опять поднялся шум. Я украдкой глянул на часы. Время уже поджимает, но еще есть... Не понравилось, что один из охранников засек мой взгляд. Ниче, прорвемся.

— Короче! Киррус че придумал — вам точно будет интересно.

И я им рассказал.

Выросли поколения, уверенные в том, что животные боль чувствуют, а растения нет... Киррус обожал буквально сводить с ума пленников, наглядно демонстрируя им, что это не так. Он проводил нехитрые опыты — прижигал лист одного растения, и показывал, что стрелка прибора колеблется. И доказывал, что другие растения чувствуют боль своего товарища на расстоянии! Используя эти и другие эксперименты, он реально «сносил» пленным веганам «крышу». Причем, проделывая это в разных вариациях... Зачем? Ведь для эффективного допроса нужно другое — скажем, заставлять есть мясо. Но время показало его мудрость! Еще Киррус постоянно копался в схемах подземного городского трубопровода...

После одного из таких экспериментов, когда пленный веган просто замертво соскользнул со стула вместо того, чтобы сойти с ума, Киррус воскликнул «Есть!», радостно потирая руки. Вскоре после собрались все начальники подполья, и Киррус сказал, что все — пора. И я понял, что пора.

А он как раз позвал меня с собой прогуляться по тоннелям — типа охранять. Как раз — мы вдвоем, далеко, никто не услышит, если че. И автомат родной на плече... Я даже насторожился — че так все хорошо-то?

Идем мы с ним, значит, идем. Он там че-то базарит, что его отец владел холдингом, коров разводили, и Киррус думал, что тоже олигархом станет. А потом папашка то ли застрелился, то ли его до инфаркта веганы довели — не помню уже. Ну и сам Киррус — по подвалам вонючим теперь, как крыса, шныряет. А был крупным ученым, занимался, этим, как его, нейро-маркетингом что ли. Это когда ты можешь внушить что угодно кому угодно, как он мне сказал. Какие-то там «паттерны мышления», «усиление мортидо»,

еще какая-то хрень, не помню. А я иду и по сторонам смотрю — тут нормально или еще дальше пройти?

Члены Совета затаили дыхание и внимательно слушали мой рассказ. Охранники тоже — в их глазах светилось уважение к такому рисковому спецагенту.

— Короче, дошли мы с ним до какого-то перекрестка. Тут он поворачивается и прямо в глаза мне смотрит. Я говорю:

— Ты знаешь, зачем я здесь?

Он говорит:

— Знаю.

Я:

— И че скажешь?

Он:

— То, что ты можешь стать героем и отомстить за своих родителей.

Седобородый опять поднялся:

— Ну так вы его... э... ликвидировали или нет?!

Я посмотрел на часы — пора! В доли секунды я, как и планировал, свернул обоим конвоирам шеи, и, вытащив пистолет из кобуры второго, уже приготовился открыть огонь, как почувствовал три удара... Охранники хипстеров оказались намного быстрее, чем я думал! Как так-то?

Очнувшись, я почувствовал самый лучший запах на свете!

— Смотри, очнулся!

— Нюхает!

— Пусть понюхает — ему недолго осталось.

Я открыл глаза — все болит, кровища, но живой! Но связали — не продохнуть.

— Ты ему еще кусок предложи!

— А что, пускай поест перед смертью.

Я лежал в кресле, спеленатый, в пробитой правой руке и плече — боль. В других трех креслах сидели те самые охранники, и смотрели то на меня, то в экран большого телевизора — шла заставка новостей. Мясо! Так вот почему они такие шустрые!

— Да-да, — ухмыльнулся один, — мы любим мясо. Законы законами, а безопасность безопасностью. Вот нам и платят тем, что мы хотим. Да и они сами иногда...

— Перестань, — одернул его второй.

— Да ладно, он уже никому не расскажет. Да ему и не поверят. А вообще нормально ты двигаешься. Жаль, что ты из этих. Мог бы с нами работать.

— А на людей похер? — спросил я.

— А, плевать. После нас хоть потоп. Мне нормально, и ладно.

— Тихо вы! — зашипел третий, — новости начинаются!

— О, посмотри, — сказал второй, — тут сейчас всем расскажут, как мы храбро отразили атаку террориста-смертника. Ну и вас — то есть, нас — мясоедов еще больше прижмут после этого.

— Куда уж больше, — мрачно отозвался первый.

— Не ной! Вон, возьми лучше ребрышки свиные поешь. Нам-то грех жаловаться.

— Да тише вы!

— Все, молчим.

На экране показалось лицо ведущей, и надпись: Срочно! Экстренный выпуск!

Телохранители залыбились, а мне блевать захотелось. Но тут ведущая с надписью исчезли, пошла рябь, и на экране возник... Кирус. Сначала я подумал, что крыша у меня поехала. Но это был реально он! В этой, студии телецентра! На столе стояли обычные приборы, с помощью которых он разрушал мозги веганов, и большой куст в горшке — типа для демонстрации. Так вот зачем он искал схемы подземных коммуникаций и подвалам шарился! А я типа для отвлечения внимания в Совет пошел...

— Что за хрень? — обернулся один из типов.

— Погоди! — оборвал его третий.

А Кирус тем временем начал...

Большая часть веганов умерла у своих экранов — выпуск был экстренный, специальный! Поэтому смотрели его практически все. Когда они осознали, что растения тоже чувствуют боль... они не смогли этого перенести. Конечно, кто-то был на дежурстве, кто-то на улице — но этих мясоеды быстро добились или «перевоспитали». Процесс был простым — оставшихся в живых веганов выстраивали в ряд, а затем каждый по очереди должен был подойти к столу с блюдом жаркого и съесть кусок. Тех, кто отказывался, тут же расстреливали. Или бросали на корм свиньям, которые снова перешли в разряд скота.

Я выжил потому, что охранники тут же смекнули, что лучше меня торжественно передать нашим — глядишь, и жизнь оставят, а то и к себе возьмут. Но их тоже бросили на корм свиньям. Так-то. Че сказать — ты ешь, тебя едят... Такой вот «круговорот в природе», как говорит Кирус. Свиньи те оказались потом очень вкусными! Пишу и слюнки текут. Еще и хрен забьешь — по ходу вместе с мясом телохранителей хряки переняли их боевые навыки.

Когда мы закончили, и я выздоровел, я решил стать пограничником. Вдруг эта веганская зараза снова захочет распространиться? Но теперь мы будем настороже! Когда я заступил на пост в утреннюю смену, то увидел первого же непрошеного гостя. Он подошел к шлагбауму и сказал:

— Привет, дорогой! Меня зовут Хашим, и я хочу жить в твоей стране.

Но это уже совсем другая история.

Об авторе

Родился в Казахстане. Учился на переводчика, работал на нефтегазовых месторождениях. Сертифицированный инструктор по боевому самбо. Писать начал с детства. Публиковался с 2006 г. (статьи, интервью) — Playboy Russia, Газета.Ru, Новые Известия, E-xecutive.ru и другие СМИ (в том числе зарубежные). Работает редактором и тренером. Вышедшие книги: «Психология и практика уличной схватки» (2012, 2015), «Мужское поведение на улице и в жизни» (2015, 2017), «Принципы рукопашного боя для лидеров» (2017), «Самозащита без оружия» (2017), «Русский стиль выживания» (2017), «Крестик» (сборник фантастики, 2017).

Сергей Белокрыльцев

Перекус идеями

Очередная задумка в неутомной башке профага Зельца пустила толстые корневища и гибкими побегими одержимости оплела и жгала его мозг, отчего мысли в нём заносились быстрее тараканов, спасающихся от пожара. Эткими микроскопическими ракетами со сверхзвуковой скоростью.

Профаг Зельц позвал меня в свой бар «У профага Зельца» перекусить идеями. Данное словосочетание «перекусить идеями» могло означать всё, что угодно. В нём не хватало конкретики и моего понимания. Какими идеями? И как происходит перекус идеями? Возможно, лучше поесть идей, чем, например, слопать тарелку поджаристого ила. Но не стоит исключать и того, что завтрак из обычной еды был бы куда полезнее.

Я мог бы отказаться, но не отказался. Пускай мы и общаемся двадцать лет практически каждодневно, однако, калечить или убивать меня причин у Зельца по-прежнему нет. Хоть я и человек, но он-то профаг. И я доверял ему.

Всего профагов 33. Где остальные, Зельц не в курсе, но в курсе, что всего их 33. Гуляки, привлечённые названием бара, интересуются у бармена Лепрокиа значением забавного слова. Бармен пожимает плечами и спрашивает: «Что будете пить?», умудряясь наполнить вопрос сухой вежливостью, как рюмки спиртным. Замечу, Лепрокиа всегда наливает полную порцию и никогда не разводит. Вежливый вопрос бармена настолько сух, что отзывается першением в гуляющих глотках, у которых где-то пониже всегда имеются карманы, почти всегда содержащие наличку и банковские карточки. И посетители обычно выпивают. Или уходят. Не понимаю последних. Шляются по барам от безделья и тоски.

Лепрокиа — строгий практик... строгой практики и бармен по призванию. Ему неважно, кто такие профаги. Не для того он был нанят. Задача бармена проста: выполнять свой барменский долг и получать за это деньги. В общении Лепрокиа скучен и нуден и в состоянии поддержать всего три темы: тему барных стоек, тему искусства быть барменом и тему известных барменов. Рассказы Лепрокиа могут показаться слушателю увлекательными и даже захватывающими в том случае, если он тоже бармен или интересуется жизнью барменов и читает журналы типа «Бармен навсегда», «Жили-были бармены», «Бармен против всех», «Чистоедно», «Застойкой» и «Легенды барменского дела».

Ещё Лепрокиа собирает альбом с карточками всех мало-мальски знаменитых барменов. Некоторые бармены настолько мало-мальски знамениты, что о них знают только они сами, Лепрокиа и горстка существ, о которых вообще лучше не знать. Это бармены полузаброшенных баров. В основном, они обслуживают изгоев общества, крыс и различных насекомых. Среди них есть несколько бывших морских капитанов-неудачников, утопивших свои корабли. Став барменами, они стремятся не допустить подобного. И только благодаря их самоотдаче и сверхнапряжённому труду их бары до сих пор не утонули. Но хватит о Лепрокиа и бармениаде. Вернёмся к профагам.

Можно подумать, уж я-то знаю, кто такие профаги. Ну, конечно! Уж я-то точно не знаю, кто такие профаги. Зельц сказал: «Мы профаги, а вы люди, и хватит об этом». Действительно, хватит о профагах, вернёмся к Зельцевой задумке.

В половину восьмого утра я вошёл в бар со служебного входа. Профаг Зельц занял столик в центре зала. За стойкой стоял вечный Лепрокиа и с кислой рожей пялился в журнал «Свадьбы барменов». Заголовок покрупнее гласил: «О наболевшем: Почему барменам вредно разливать после полуночи».

За исключением профага и бармена в питейной никого не было. «У профага Зельца» открывался в десять. Я подсел к Зельцу. На столике молочно белели два блюда, блестели в электрическом свете две чайные мельхиоровые ложки и вилки, а между ними стояла малахитово-зелёная керамическая вазочка, полная разноцветных шариков из чего-то типа... бархатного пластика. Более подходящего определения подобрать не могу.

— В каждом шарике скрывается идея, — пояснил Зельц.

Лишнего профаги обычно не говорят. «Лишнего профаги обычно не говорят», — как-то сказал Зельц. Обычно — не всегда. Иногда Зельц так разговорится, что уж лучше болтовня Лепрокиа о том, кто на ком женился и как воспитывал в своих детях будущих барменов, даже если в детях и не пахло барменами. Особенно, если не пахло. Разговоры Зельца полны научных слов и для ненаучного уха унылы и скучны. Речи Лепрокиа о барменах вполне понятны и сперва даже заняты. Однако, он треплется обо одном и том же, вполне вероятно, с тех пор, как родился. Если бы Лепрокиа написал книгу, её следовало бы назвать «Тысяча и один трёп бармена» и бросать чтение на второй главе.

— Не отравимся? — спросил я, проповедуя предусмотрительность.

— Нет, я выбрал безопасные идеи, — поспешно заверил меня Зельц.

— Где набрал идей, профаг? — спросил я, проповедуя обстоятельность.

— В одной субреальности.

У Зельца есть межреальная машина, и он может перемешаться из одной реальности в другую по своему усмотрению.

— Зачем тебе понадобилось завтракать идеями?

— У вас, у людей, есть поговорка: «Одними идеями сыт не будешь». Было бы неплохо доказать обратное. У меня столько идей и работы, что зачастую и поесть-то недосуг. Подпитывание идеями экономит массу времени.

— Тоже самое ты говорил о сексе.

— А вот сексом точно сыт не будешь. Я пробовал несколько раз заниматься сексом. Уходит много сил, голова пустеет, желудок просит дополнительного питания и возникает всепоглощающее чувство опустошения. Будь моя воля, я бы запретил секс как никчёмную трату времени.

— А как же потомство?

— Секс по необходимости, секс ради детей я бы разрешил в специально отведённых для этого камерах. Разумеется, с видеонаблюдением.

— Но видеонаблюдение-то зачем?!

— Для того, чтобы было видно, что акт соития действительно происходит по необходимости, с целью зачатия детей.

Естественно, Зельц занимался сексом с женщинами-людьми, а не с женщинами-профагами. Где бы он их взял? Поэтому говорить с Зельцем о сексе всё равно что говорить о сексе с человеком, который трахается исключительно с ведрами и кухонными шкафчиками. И будь воля Зельца, он бы запретил не только секс, а всё, что посчитал бы никчёмной тратой времени. То есть всё, что для него самого не представляет интереса. Например, карусели, косметику или одежду. Сам он ходил в одежде по принуждению, из-за общепринятых стандартов и времен года. Он бы и времена года запретил. Он бы и Вселенную перекроил и... перематерил. Но, слава богу, воля не его.

— Приступим.

Зельц опустил руку в зелёную вазочку, выудил один из разноцветных шариков и занёс его над блюдцем. Шарик исчез, на блюдце плюхнулась идея, синее пюре с коричневыми пятнами. От пюре поднимались сиреневые завитки дыма

— Видал? — спросил Зельц. — Сдавливаешь шарик — он исчезает.

— Удобно. А из чего состоят шарики?

— Из бархатного пластика.

Пальцем в небо.

Зельц взял ложку, зачерпнул идею и, прожевав, съел её.

— Самое главное, прежде чем глотать идею, надо тщательно распробовать её, — сказал он. — Прокладки для муравьёв.

— Что?

— Мне попалась идея прокладок для муравьёв.

— Каких ещё прокладок? Зачем муравьям какие-то прокладки?

— Не знаю. Во-первых, я не муравей. Во-вторых, я никогда не интересовался прокладками. В третьих, это не моя идея. Но идея вкусная. Кисленькая. Теперь ты.

Я тоже взял шарик и сдвинул его. Содержимое вылилось на блюдце.

— Какая у тебя водянистая идея, — заметил Зельц. — Одна вода.

— Вода разная бывает, — парировал я. — Это какая-то... обычная.

— Пей.

Я поднёс блюдце ко рту. Наклонив его, перелил идейную воду себе в рот и проглотил.

— Ну? — нетерпеливо спросил Зельц.

— Так... без вкуса, цвета и запаха.

— Тебе понравилось?

— Не знаю. Трудно судить о чём-то без вкуса, цвета и запаха.

— О пустом судить вообще без толку, — категорично обрубил Зельц.

— Ты спросил — я ответил.

— Повторяю: ты насытился хоть немного?

— Нет.

— Продолжаем.

И Зельц продолжил. Из следующего шарика выпало подобие зелёной пасты ГОИ с запахом скурпулёзно прогнившей рыбы. Зельц съел идею с решимостью ныряющей утки. С полминуты он молчал и не двигался. Через полминуты вскочил и убежал в сортир. Пробыв там минут пятнадцать, вернулся, но в сортир невозмутимо направился Лепрокиа и тут же выскочил из него, оставив невозмутимость внутри, словно выпавшую визитную карточку. Вот несколько профессий навскидку, для которых невозмутимость служит визитной карточкой: частные водители, бармены и созерцатели чугунных кубов весом в 55 тонн, наполовину врытых в землю.

— Что за скотская вонь?! — заорал Лепрокиа с носом, зажатым в пальцах.

При этом бармен оттопыривал мизинец, что несомненно указывало на аристократическое происхождение его рода.

— Это вонь плохо переваренной идеи, — объяснил ситуацию Зельц. — Долго не задержавшись во мне, она вышла через... Впрочем, мне это не интересно. Это была идея о том, что людей создал бог.

— Но многие верят в неё, — сказал я.

— Вот именно. Дальше веры дело так и не продвинулось. Я как-то общался с богом. Он сказал, что сам не понимает, как так вышло. Он здесь не причём. Ещё он сказал, если его начнут обвинять в создании людей, у него есть алиби. Он рисовал пятна на солнцах. В журнале боговедения имеются соответствующие записи.

— Коли уж явился со своими идеями, — изрёк Лепрокиа, — не забудь потом прибрать за собой, а свои идеи смыть.

— Я торопился, — сказал Зельц.

— Все торопятся, — строго сказал Лепрокиа и вернулся к разглядыванию «Свадьбы барменов», изредка напоминая о себе шелестом неторопливо переворачиваемых страниц. Почти всецело журнал состоял из фото и рисунков барменов, присланных в редакцию начинающими барменами-художниками и начинающими барменами-фотографами.

— Ты следующий, — напомнил Зельц.

На моё блюдо упали несколько синих горошин размером с бобы, попрыгали и покатались по его молочной белизне, оставив на ней чешуйки отслаивающейся кожицы. Из-под неё проглядывало зеленовато-жёлтое ядрышко.

— Это точно идеи? — спросил я. — С виду обычный горох.

— В той субреальности одни идеи. Идеи, правда, в основном тоже обычные, но такие я откидывал. Пробуй на вкус.

— А если мне приспичит в сортир убежать по твоим следам?

— Значит, ты убежишь в сортир по моим следам, такова твоя судьба. У меня есть аптечка с лекарствами.

— С лекарствами от идей?

Профаг Зельц посмотрел на меня, как мог бы смотреть на кучку вражеской пехоты через прицел строчащего пулемёта. Я съел горошины. Горькие. Во рту мигом пересохло, словно горошины, провалившиеся в желудок, утянули за собой все слюни. Мне захотелось убить Зельца, просто потому что он умнее и богаче меня. Никогда не хотелось, а тут вдруг до того захотелось, что я вскочил со стула, схватил стул за спинку и обрушил его на голову профага. Но профаг не был бы профагом, не перехвати он моё революционное оружие и не нажми мне мысленно на мозг. Получив мысленно в мозг, я выкинул из головы синегорошные идеи и вернулся на исходную.

— Какие ты мне идеи подкидываешь, однако, — пробормотал я, потирая низ живота.

— Получается, пропустил, — с лёгкой досадой произнёс Зельц. — Видать, отвлёкся, любуясь идеей красивого заката.

— А если тебе попадётся такая же злая идея? Я-то не умею как ты — мысленно в мозг. А ты вон какая... профагина.

— Не переживай. Профаги не подвластны тёмным мыслям, иначе мы были бы людьми.

И Зельц потянулся к зелёной вазочке с шариками.

На его блюдец посыпались какие-то чёрные зубчики, какие у расчёски. Горку зубчиков окружал голубоватый ореол. Зельц схрумкал их без малейших сомнений.

— Хм, вкус как у дерьма, глазированного смолой.

— Ты ел дерьмо, глазированное смолой?

— Тот бог угостил. Разве богу откажешь? Обидится, проклятия наложит. А мне это неинтересно. Так... это идея какого-то ёжелоида или ёжептицы. Идея о ёжном панцире с костяными иголками, чтобы не раздавили, если кто наступит... Но откуда такие идеи у того, кто большую часть жизни проводит в небе? Возможно, это шизофреническая идея, продиктованная навязчивым страхом, доставшимся в наследство от далёких предков. Ничего интересного. У меня самого таких идей, хоть умывайся ими.

Я сжал шарик. На блюдец плюхнулось нечто вроде комочка полупрозрачного молочного желе с различимыми как через туман красными кляксами внутри. Желе едва слышно потрескивало. На вкус — рис с изюмом.

— Идея головы в форме перевёрнутой пирамиды. Внутри неё, на дне вершины есть нечто вроде...

— Как ты сказал, на дне вершины?

— Ну, вершина — это угол пирамиды, в углу ячейка, а пирамида перевёрнута.

— На дне вершины... Далее.

— А в ячейке первоначальный и одинаковый для всех вопрос «кто я?». И пока пирамидоголовый не даст на него ответа, в котором будет уверен, к следующим вопросам он доступа не получит. Далее такие вопросы: «где я?», «что я могу делать?», «что мне нужно делать?», «что мне нравится делать?», «можно ли объединить нужное с тем, что нравится?». Вопросов становится больше по мере расширения тела пирамиды. Пирамидные головы видятсны, связанные исключительно системой ячеек. Пирамидоголовый

как бы блуждает по своему сознанию и пересматривает ответы на старые вопросы, корректируя их с новым опытом и информацией.

— А потом?

— А потом достигает основы-потолка, и развитие прекращается.

— Какая ограниченная идея. Но наелся ли ты?

— Нет.

Мы попробовали ещё немного идей, но никто из нас так и не смог утолить голод, хотя сами идеи порядком опостытели, от них подташнивало и болела голова. И мне таки пришлось посетить сортир под неодобрительным взглядом Лепрокиа.

— Впрочем, как я и подозревал, но проверить стоило, — подвёл итог Зельц, — одной идеей сыт не будешь. Наестся можно лишь плотью.

— Зато могут накормить вполощённые идеи.

— Могут, но и тут много «но»... Лепрокиа, два завтрака! Как обычно.

— Перекусить — всегда отличная идея, — согласился я.

Об авторе

Пишет произведения в жанре фантастики и фэнтези.

Михаил Никитин

Почему вымерли динозавры

Существует несколько гипотез, объясняющих вымирание динозавров. Эти гипотезы исходят из положений эволюционной теории и отличаются лишь выбором факторов, которые могли бы привести к исчезновению гигантских рептилий в ходе естественного отбора. К таким факторам чаще всего относят изменение климата Земли в Мезозое и повсеместное распространение покрытосеменных растений в конце Мелового периода. Не обойдены вниманием и космические силы. В частности, была высказана гипотезы о губительном для динозавров падении гигантского метеорита и взрыве сверхновой звезды вблизи солнечной системы. Как видим, для объяснения загадочного феномена эволюции животного мира Земли использован широкий спектр причин, начиная с земных и кончая небесными. Столь разительное различие в выборе причин не мешает этим гипотезам иметь нечто общее. А именно, беспомощность в объяснении селективного характера гибели животных, доминирующих в Мезозое. Следуя логике этих гипотез, трудно согласовать два взаимно исключаящих друг друга факта: полное исчезновение динозавров и нынешнее процветание таких реликтовых пресмыкающихся, как крокодилы, черепахи и т. п. Ведь генетическая устойчивость и приспособляемость динозавров и реликтовых пресмыкающихся должны быть близкими. Близкими должны быть и изменения популяций этих генетически родственных видов животных, вызванных всеобщими планетарными процессами. С точки зрения генетического паритета пресмыкающихся ничто не запрещает существования на нашей планете «затерянных миров» Конан Дойля — своеобразных заповедников гигантских рептилий. И если подобные заповедники так и остались волнующим плодом фантазии писателей и кинематографистов а ля Спилберг, то сам факт селективного вымирания динозавров заслуживает самого пристального рассмотрения. В этой связи на память приходит знаменитая фраза В. Гейзенберга, которую он произнес по поводу одной новой теории элементарных частиц: она недостаточно сумасшедшая, чтобы быть правильной. Перефразируя В. Гейзенберга, можно сказать: существующие гипотезы вымирания динозавров недостаточно сумасшедшие, чтобы быть верными. По этой причине объяснение феномена вымирания динозавров все еще ждет своей сумасшедшей гипотезы. И вот одну из таких сумасшедших теорий автор предлагает вниманию читателей. Здесь вновь уместно вспомнить классику — крылатые поэтические строки Игоря Северянина:

вы хотите песен, их есть у меня! Применительно к нашей теме это будет звучать так: вы хотите сумасшедшую гипотезу вымирания динозавров, она есть у меня. Но по порядку.

В очерке «Слово в защиту машину времени в жанре сайенс фикшен» <http://www.proza.ru/2010/11/22/1747> автором были представлены достаточно убедительные косвенные доводы в пользу того, что машина времени реальна и, более того, она широко используется людьми будущего для путешествий по времени. Там же мельком было отмечено, что гибель динозавров в Мезозое также может рассматриваться как косвенное подтверждение пребывания людей будущего в Мезозое. Рассмотрим теперь тему взаимоотношений людей будущего и динозавров детальнее, выделив в ней узловые моменты. Собственно говоря, никаких особых взаимоотношений между людьми будущего и динозаврами не было. Как нет особых отношений между пастухом и баранами или свиноводом и свиньями. Ведь нельзя считать таковыми примитивный уход за скотиной и желание человека поскорее увидеть паровое мясо у себя на обеденном столе. В случае с динозаврами ситуация оказывается еще проще, насколько проще она во взаимоотношениях охотника и жертвы. В этом случае даже не требуется длительного и трудоемкого ухода за бедными животными. Их просто убивают там, где они обитают. Читатель уже, наверное, догадался, что новая гипотеза гибели динозавров автора исходит из предположения о том, что динозавров истребили люди будущего в своих гастрономических целях. Возможно, кому-то это предположение покажется чрезмерно сумасшедшим или фантастическим. Но, на взгляд автора, оно не более фантастично, чем имевшие место в прошлом фауны Земли факты исчезновения мамонтов в конце последнего ледникового периода или американских бизонов в новое время. Разница в специфике исчезновения американских бизонов и динозавров при этом условна. В первом случае технические орудия уничтожения ограничивались железом, порохом и свинцом, во втором к ним добавился дополнительный атрибут – машина времени.

Переходя к аргументации новой гипотезы, учтем криминальную окраску нашей версии исчезновения динозавров. Действительно, в приведенной формулировке она инкриминирует исчезновение динозавров людям будущего, а сам феномен вымирания гигантских рептилий представляет в виде грандиозного преступления против живой природы, совершенный человечеством в Мезозойской эре. С учетом этих обстоятельств доказательную базу будем строить по схеме, принятой в криминалистике, когда последовательно устанавливаются ответы на вопросы относительно места, времени и средства преступления, его возможных мотивов и производится поиск вещественных доказательств.

Место, время и средства совершения преступления. Ответы на первые два вопроса давно известны. Место преступления – Земля. Время преступления – Мезозойская эра, меловый период, что-то около 70 – 110 миллионов лет назад. К сожалению, более точно дату установить не удалось, так как судебные эксперты не смогли вовремя прибыть на место происшествия. Средства преступления – машина времени, огнестрельное и лазерное оружие, а также нервнопаралитические вещества. Убойные возможно-

сти орудий уничтожения хорошо известны летающим, бегающим, ползающим и плавающим тварям животного мира. Ворона и та за километр облетает «человека с ружьем», даже если у него в руках обыкновенная палка. Такова сила инстинкта сохранения, привитая человеком своим меньшим братьям. Технические возможности машин времени пока неизвестны. Их просто-напросто нет, как нет и принципов возможной реализации этих фантастических изобретений. Это не мешает, однако, футурологам предсказывать их создание к концу XXI века. У нас нет никаких оснований ставить под сомнение прогнозы футурологов по трем причинам.

Во-первых, среди них немало прозорливых людей и больших ученых, таких как Артур Кларк, Айзек Азимов, Станислав Лем, Александр Беляев и Иван Ефремов.

Во-вторых, исторический опыт человечества показывает, что все без исключения научные и технические фантазии человечества сбываются. Примеров тому множество: телевидение, радиосвязь, атомное оружие, космические полеты, роботы, искусственный интеллект, пересадка органов, воздействие на психику, управление погодой и т.п.

В третьих, имеются многочисленные косвенные свидетельства пребывания людей будущего в прошлом и настоящем Земли (об этом подробно написано в статье автора «Слово в защиту машины времени в жанре сайенс фикшен»), что возможно только при использовании людьми будущего машин времени.

Мотивы преступления. По мнению автора, их три: видовой, экономический и социальный. Первый мотив предопределяется самим естественным ходом биологической эволюции Земли. Динозавры являлись в Мезозое доминирующим видом животных, пришедшим на смену беспозвоночных и обладающих большими возможностями для дальнейшего развития. Продление эпохи их царствования за пределы Мезозоя могло до неузнаваемости изменить черты Кайнозоя. В частности, затормозить эволюцию млекопитающих и восшествие на эволюционный престол человека. Искусственное уменьшение численности популяции динозавров, напротив, должно было привести к сужению экологической ниши пресмыкающихся и освобождению места на эволюционной лестнице для млекопитающих. Любая вакансия, даже не объявленная в газете, быстро замещается. Причем замещение идет тем быстрее, чем быстрее образуется вакансия. Таким образом, в силу эволюционных причин человечество кровно заинтересовано в устранении динозавров с эволюционной арены. А от этой заинтересованности до продуманного предприятия один шаг по времени в прошлое.

Как известно, успех того или иного проекта или предприятия в значительной степени определяется экономическими факторами. Колумбу вряд ли удалось убедить испанского монарха организовать морскую экспедицию на поиски нового пути в Индию, не прельсти он его образом Золотого тельца. Какие же экономические выгоды может обещать человечеству будущего кампания по массовому промыслу динозавров? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем некоторые цифры. Согласно палеонтологическим исследованиям, средний по размерам динозавр весил около 3 тонн, примерно столько, сколько весят десять бычков, беззаботно нагуливающих свой вес

на пастбище и не знающих, какая судьба ждет их впереди. Другими словами, один средний динозавр был равноценен небольшому фермерскому рогатому стаду, находящемуся на естественном выпасе. Вот вам и экономические основы промысла динозавров. Богатая флора Мезозоя позволяла без голодно сосуществовать почти 100 миллионам особей массивных динозавров. Сто миллионов динозавров Мезозоя были равноценны миллиардному стаду крупного рогатого скота. А это сотни миллионов тонн высококачественного и деликатесного мяса, шашлыки из стегеозавра, жаркое их бронтазавра, чахохбили из крылышек молодого птеродактиля, ихтиозавр заливной, археоптерикс-табака, грудинка игуаподона под соусом борделез, рамфор с ананасом по-китайски и сотни других изысканных блюд. Это, наконец, разрешение острейшей проблемы белкового голодания человечества, проблемы, которая уже сейчас мертвой хваткой держит за горло сотни миллионов людей на земном шаре, и которая, возможно, еще более обострится в будущем вследствие глобальных изменений климата и экологического равновесия. Обретение человечеством власти над временем позволит ему в значительной степени разрешить продовольственную проблему за счет альтернативных сырьевых источников биосферы прошлого. Для этого достаточно будет наладить эффективный промысел наиболее ценных и производительных пород животных Мезозоя и транспортировку этих даров природы в будущее. Выбор динозавров в качестве объектов промышленного сафари может наиболее полно удовлетворить потребности человека в белковой пище. И, кроме того, как это отмечалось выше, положительно отразится на темпах эволюции млекопитающих.

Социальный мотив промысла динозавров связан с организацией досуга в будущем. Наша планета уже сейчас не в состоянии обеспечить всех желающих полноценным отдыхом, наполненным гармоничным единением с Природой. Достаточно вспомнить оскверненные человеческим присутствием берега наших южных курортов и пригородные зоны отдыха. Дальнейший рост населения Земли приведет к тому, что на нашей планете не останется ни одного девственного уголка с нетронутой фауной и флорой. Канут в лету захватывающие дух встречи с уникальными представителями животного и растительного миров. Отдых лишится главного: интриги, неожиданности, эмоциональной встряски, возможности самоутвердиться. Без всего этого отдых лишится праздничной атмосферы, станет заурядным продолжением будней. Каким же образом люди будущего смогут вернуть для себя утраченные возможности душевного раскрепощения и физического возрождения. У них будут только два альтернативных решения данной проблемы. Одна из них — необъятный космос, другая — далекое прошлое Земли. По понятным причинам второе решение для многих людей окажется привлекательнее. Ведь развлечения будут предоставляться фактически на дому с сохранением привычного комфорта и сервиса. А какие возможности откроют перед туристами путешествия в прошлое!? Хемингуэю и не снились подобные страсти. Ночная охота на тираннозавра в свете прожекторов, воздушные поединки с птеродактилями на орнитолетах, гонки на бронтозаврах по прериям Пангеи. Сильные и незабываемые чувства и ощущения. Неповторимые мгновения собственного величия и

бренности. Исполнение желаний и утоление тайных инстинктов. Полнокровный отдых гордых и мужественных людей. Вне сомнений, Мезозой – лучшее место отдыха на Земле для настоящих мужчин и женщин, предпочитающих погорячее, а охота на динозавров – лучшее средство от ностальгии и опустошенности.

Вещественные доказательства промыслового истребления динозавров. Палеонтологи давно обратили внимание на следующие отличительные особенности природных захоронений динозавров. Как правило, останки гигантских рептилий находятся в больших скоплениях – кладбищах. Взаимное расположение отдельных частей останков зачастую указывает на наличие агоний и судорог у умирающих животных. Немногочисленные, но исключительно важные для установления истины факты. Могут ли они быть объяснены естественными причинами? Да, могут. Но для этого придется предположить, что гигантские рептилии приняли с пищей значительную дозу отравы, например, алколоидов, содержащихся в покрытосемянных растениях, а затем, предчувствуя свою близкую смерть, самоходом направились на семейное кладбище, чтобы встретить последний час у останков своих предков. Не правда ли, душешипательная картина маслом. Убедительно ли она звучит? Думаю, что не очень. Ведь динозавры могли кормиться на значительном расстоянии от своих кладбищ. Все проясняется, если исходить из гипотезы промыслового истребления динозавров людьми будущего. В этом случае массовое захоронение – это место расположения пунктов первичной обработки убитых животных, мясокомбинатов Мезозоя, а судороги и агонии животных, выявленные палеонтологами, не что иное, как результаты разделки туш. Отсутствие следов механической разделки животных на окаменелых останках: распиленных и разрубленных костей есть не что иное, как свидетельство совершенной технологии переработки плоти динозавров у людей будущего.

Заключительная ремарка. Отличительной особенностью новой гипотезы вымирания динозавров является ее непротиворечивость. Все явления, так или иначе связанные с исчезновением динозавров, находят в рамках данной гипотезы последовательное и логичное объяснение. Даже селективный характер вымирания, эта ахиллесова пята традиционных гипотез, находит свое простое и естественное объяснение. Как показано выше, исчезновение динозавров и сохранение реликтовых рептилий обусловлены конкурентными и экономическими причинами. Конечно, новая гипотеза может вызвать определенные сомнения и возражения из-за психологических трудностей восприятия путешествий во времени. Действительно, такие путешествия допускают парадоксы, в которых, на первый взгляд, нарушаются причинно-следственные связи. Нетрудно придумать ситуацию, в которой сын, оказавшись в далеком прошлом, случайно или намеренно губит своего отца до момента своего зачатия. Классической эдиповой проблеме отцов и детей далеко до таких коллизий! При желании число таких примеров нарушения причинно-следственных отношений можно неограниченно умножить. И каждый из них будет говорить в пользу того, что путешествие во времени невозможно в силу фундаментальности взаимоотношений причина – следствие в мире физических тел, а потому гипотеза истребления динозавров

людьми будущего несостоятельна. Так что же, автор сам выносит приговор своему детищу и топит его в купели, не дав увидеть свет? Ни в коем случае! Парадоксы с нарушением причинно-следственных связей, по мнению автора, возникают только при необоснованном переносе наших обиходных представлений и понятий о локальных свойствах времени на пространственно-временной континуум в целом. Квантовая механика давно дала примеры ограниченности наших представлений о свойствах пространства—времени. Принцип неопределенности Гейзенберга, являющийся одним из основных принципов квантовой теории, гласит: нельзя одновременно измерить со сколь угодно большой точностью импульс и координату тела, его энергию и временной интервал. В частности, из этого принципа следует, что при измерении интервала времени с очень малой погрешностью неопределенность определения величины энергии становится очень большой. Другими словами, необходимы все большие затраты энергии для измерения все меньших интервалов времени. Автор берет на себя смелость высказать предположение, что в процессах, связанных с перемещением по времени будет иметь место принцип в чем-то аналогичный принципу Гейзенберга. В соответствии с этим принципом практически невозможны путешествия во времени на короткие маршруты, так как для их реализации потребуются исключительно большие энергии. В то же время не энергоемкими окажутся поездки в прошлое и будущее на дальние маршруты. Действие подобного принципа снимает все ограничения причинно-следственных связей на путешествия по времени. Теперь сын не сможет погубить отца до своего рождения, так для совершения этого трагического акта ему потребуется колоссальная энергия. Случайное же умерщвление своего далекого прапра.....прадедушки ему ничем не грозит, так как нельзя наверняка утверждать, что загубленный человек действительно был его прапра.....прадедушкой. Нет на земле ни одного человека, который мог бы восстановить свою генеалогию на сто поколений в прошлое. Таким образом, имеется вполне определенные предпосылки для устранения логических и физических парадоксов, порождаемых возможным путешествием по времени.

Итак, гипотеза изложена, аргументы в ее пользу приведены. Настала пора публичного научного обсуждения. Слово за вами, уважаемые читатели. Теперь от вас зависит судьба новой гипотезы вымирания динозавров. Примите ли вы ее, согласившись с приведенными доводами, или отвергните, усомнившись в аргументах автора, покажет время. Автору остается только надеяться, что представленная гипотеза хотя бы оживит интерес к одной из самых загадочных мистерий прошлого Земли.

Об авторе

Родился в 1942 году. Окончил Московский инженерно-физический институт. Профессор, доктор физико-математических наук, работает в Балтийском федеральном университете имени И. Канта. Последние 20 лет занимается писательской и научно-просветительской деятельностью. Является членом Калининградского ПЕН-Центра России. Автор нескольких книг, в том числе детских «Принцесса и звезды», «Великие греки, Космос и жизнь».

Артём Татаринов

Пароль: парусник

Я, конечно, не киллер и не коллектор, однако и в нашем деле твердость нужна. Иногда и жестким надо быть, и надежды людей лишать, и мечты их хрустальные разбивать. Иной раз говоришь с человеком, а он так дергается, как будто ты его на пиратской шхуне прогуляться по доске заставляешь.

А работаю я в сервис-центре по ремонту компьютерной техники. Центр наш при магазине, так что мы и гарантийным обслуживанием занимаемся, и чужое железо чиним за деньги, да еще компы из старых комплектующих собираем. Главные наши бойцы сидят в глубоких офисных окопах за брутстерами из старых материнок, сгоревших видеокарт и тюков вспученных конденсаторов. А я — на передовой, то есть вот прямо на приемке-выдаче, общаюсь, значит, с людьми.

Ну, если кто ноутбук зальет кофе, или, там, на смартфон сядет, или мышшь расколошматит из-за того, что его танк подбили, тех, конечно, сразу гарантии лишаем, хоть и жалко бывает, особенно если артиллерия с другого конца карты накинута. Но все равно держаться надо сурово: сами виноваты. Хуже, когда приходит какой-нибудь дедуля, сразу видно, что небогатый, и оставляет фотик: мол, не включается, посмотрите по гарантии. Я перекидываю его нашим орлам, а те возвращают с вердиктом: внутри была вода, плата проржавела, гарантии лишается, ремонту не подлежит. Он в крик: как так, мы ведь специально купили водонепроницаемый, чтоб внучка с ним плавала. Эх, да вот так! Как объяснишь, что фотик этот так плюгаво сделан, что, если плавать с ним, так сразу всё: полундра, каррамба, свистать всех маленьких фоточеловечков наверх, тонем!

Или вот мама с сыном приходят забирать комп, собранный из самых дешевых и самых латаных-перелатаных бэушных деталей, и мальчик с горящими глазами спрашивает: а ГТА-5 на нем пойдет? Которая, конечно же, не пойдет, какая там пятая ГТА, когда дай Бог хоть бы третья не тормозила! А маме его, понятное дело, что ГТА, что ГТО, и вот ты уже представляешь, как они приходят домой, он пытается что-то там запустить, ничего, конечно, не идет, но как же так, плач, слезы, что же ты, Васенька, вот же компьютер, как ты хотел...

Бывает и повеселее, конечно, но тоже часто с подковыркой. Вот как-то принес мужичок читалку, книгу, то есть, электронную: зависла намертво. Седоватый такой уже, подпенсионный. Вроде и солидный, и с портфелем,

но пиджачок потертый, и дужка очков скотчем подмотана. А смотришь: на зависшем экране осталась последняя прочитанная страница с приключениями какого-нибудь капитана Железная Рука с двухпалубного фрегата «Дюнкерк». М-да, думаешь, а ведь этот дядя, наверное, знал когда-то все паруса от апселя до фока и все рангоуты от бушприта до эзельгофта. А сейчас, значит, сменил штурвал на портфель. Или бывает, что парень жалуется, мол, у него приложение с базой комплиментов не работает. Или видишь у женщины последний запрос: «Сири, когда я выйду замуж?».

А на днях девушка приходила с планшетом. Говорит, сама не знает, зачем купила, мол, он и не нужен ей, или нужен, но не такой. Сказала, что всегда от сверстников отставала, вот решила хоть тут догнать. Ну, я настроил его, почистил, поставил софт, какой нужно, прямо при ней. Я так делаю иногда, если работа совсем мелкая, и даже денег не беру. Но тут-то мне надо было по-другому сделать! Схитрить! Сказать, что планшет надо оставить, и телефон ее записать, как мы это обычно делаем. А потом позвонить ей и пригласить, э-э-э, ну, куда там обычно приглашают! Ух, вот это был бы пикап! Вот я дурак же, такой шанс профукал...

Но это ладно. Самый странный клиент был несколько дней назад. Пришла старушка с ноутбуком, с ней парень, здоровенный и угрюмый. Я еще удивился: неужто нельзя было просто с парнем ноут отправить? То ли, думаю, старушка ему не доверяет, то ли сам парень не додумался: попросила отвезти в сервис-центр, он и отвез, родственная миссия выполнена.

Протягивает мне старушка ноутбук:

— Не запускается, таблица какая-то выходит.

А на крышке ноутбука наклеена картинка: кораблик. И не какая-нибудь нормальная современная наклейка, где оторвал задник да приклепнул, а вырезанная, судя по всему из какого-то журнала, с заусенцами от ножниц по краям, и на клей посаженная, вон два темных пятнышка проглядывают. А автор рисунка-то, сразу видно, крыса сухопутная: нарисован бриг, а корма как у каравеллы! Тоже мне, творец-художник! Уж не разбираешься, так не лезь, гниль подкильная!

— Сейчас, — говорю, — посмотрим, что там за таблица, и включаю ноутбук. А бабуля тем временем:

— Вы уж почините мне его. Он мне очень-очень нужен!

— А что делаете на нем? — Не то, чтобы я такой любопытный, просто это часто помогает разобраться в причинах поломки.

— С подругой скайплюсь, ее сын за границу увез... Ставили-то мне его, чтоб родственникам звонить, да только не до меня им всё. В праздники забегут на пять минут, денежку сунут и усвистают. А уж в будни я им что без скайпа, что со скайпом...

Старушка вздохнула, парень рядом с ней никак не среагировал. Такие вот старушки и старички со мной очень любят поговорить, бывает, всю жизнь свою перескажут, особенно, если очереди нет. С компьютерной грамотностью у них, конечно, беда, чаще всего. Но, поди, наши внуки тоже над нами смеяться будут, что мы с мысленными интерфейсами не справля-

емя: ты, мол, дедушка, о своих ровесниках динозаврах думаешь, а надо мыслеформу квантовать!

Смотрю на экран, ноутбук действительно не грузится, ищет загрузочный раздел явно не там, где надо. Перезагружаюсь в биос, настраиваю на первый раздел диска, но это полдела. Изначально-то, почему настройки так слетели? А скорее всего, батарейка биоса садится: мелочь, копеечная штучка, но у меня батареек нет, надо будет ноут парням сдавать. Снова перезагружаюсь: во, другое дело, пошла загрузка винды! Перед сдачей надо ноут проинспектировать, так что спрашиваю у бабули пароль, им оказывается слово «парусник». Хм, ну ладно. Продолжаю расспрос:

— А еще для чего-нибудь используете?

Тут старушка замялась:

— Еще программку запускаю, там такой кораблик в углу.

— А что за кораблик? — Ну, думаю, игра поди какая-нибудь, может, еще и завирусованная.

Бабуля явно колебалась, и я ее подбодрил:

— Да вы не волнуйтесь, мы со всем разберемся.

— Нет, с корабликом как раз разбираться не надо.

— А что это?

— Ох, даже не знаю, как вам сказать, все равно не поверите.

— Да ничего-ничего, мы тут ко всему привычные.

— Ну, уж к такому-то вряд ли! Эта программка — пропуск на настоящий корабль в море!

Я оторопел:

— Что, простите?

— Пропуск на корабль! Запускаешь ее, сразу закрываешь глаза, и оказываешься на корабле!

— Э-м-м... Звуки волн, что ли, проигрываются?

— Да нет! По-настоящему на корабле!

Я задумался и покосился на спутника бабушки: а, собственно, ноутбук ли надо показывать специалистам?

— Молодой человек, а вы пробовали запускать эту программу?

Здоровяк даже не посмотрел в мою сторону.

Хорошо, интересуюсь дальше:

— А откуда у вас эта программа?

— А она сразу в ноутбуке была.

— А ноутбук откуда?

— О, ноутбук. Он соседа моего бывшего. Он мне его велел забрать, после того как уйдет.

— Куда уйдет?

— Ну туда же, на корабль! Если глаза откроешь, то там на корабле и останешься!

— А как же выйти тогда из этой программы?

— А вот в углу кнопку наощупь нажать.

«Эскейп» нажать, значит.

— И сосед, стало быть, ушел на корабль?

— Да. Рак у него был. Вот он и ушел туда. Я-то просто морским воздухом дышала, а раз теперь ноутбук вдруг чудить стал, уж больше тянуть не буду. С Алевтиной попрощаюсь и все, туда. А ноутбук найду кому оставить.

— А не тяжело вам будет на корабле-то? Там же и качка, и ветер, и вообще?

— Там-то я молодая, здоровая. Я помню свое тело, настоящее. Вы только почините мне его, пожалуйста!

Стало мне как-то не по себе, и решил я беседу эту сворачивать. Оформил приемку, выдал квитанцию, да и отпустил эту странную парочку.

Сижу, думаю. Ну, первая версия, конечно, что бабуля уже приплыла. Но если нет? Допустим, эта программа какие-нибудь неслышные уху частоты генерирует, которые галлюцинации вызывают. Только ведь нет таких программ. В интернете бывают проги, которые претендуют на подобное, да только всегда пустышками оказываются, и хорошо еще, если без вирусов-троянов. Впрочем, что долго думать: решил я сам попробовать запустить эту чудо-программу, не веря, конечно, ни на секунду. Инструкциям я привык следовать, так что запустил-зажмурился, все как было сказано.

Сначала ничего не произошло. А потом будто внезапно включился — только без картинки — кинотеатр пять-дэ: чайки визжат, волны шарахают, на руках брызги, водорослями воняет, пол под ногами ходуном ходит, а ветер аж до костей пробирает! Я так с зажмуренными глазами и окаменел. Стою, ни жив, ни мертв. Частоты, значит, глюки... А палуба туда-сюда, а мокрая рубашка вся к телу прилипла, а от этого ветер еще морозней! Что делать-то!? Глаза открыть? А если права старушка? Как открою, так и останусь тут. А если корабль пиратский? Эти ребята похуже киллеров и коллекторов вместе взятых. Может, всех горе-попаданцев сразу к акулам швыряют? Думал я, значит, так, размышлял себе, понимаете ли, с закрытыми глазами да под крики чаек. Только тут-то у меня вся думалка с храбростью пополам и кончилась, на автомате нашарил эскейп на клавиатуре — и вон из кинотеатра!

Открыл глаза и сдулся, как лопнувшая шина.

«Ученым... передать...», — хотел было еще подумать я, но вместо этого нырнул в темноту..

Очухался, когда на меня воду лили. Ребята-то наши, значит, не только компьютеры оживлять умеют. Но сам словно в ступор какой впал: ни слова сказать, ни дурдом описать. Язык не шевелился, электричество в мозгу не электричило. Кое-как от вызова скорой отбрыкался, и меня отправили домой на такси. Сижу в машине, а сам как кукла — на сиденье откинулся кульком, голова пустая и ни мыслинки, ни мыслишки, ни мыслюшечки не пробегает. Дома на кровать рухнул и снова во тьму.

Хотел бы я сказать сейчас, что снились мне базальтовые и жемчужные скалы, белая ряность волн, изрезанный бухтами низкий берег, багровый и тревожный закат, соленое покрывало влажного ветра, ныряющие в морскую хлябь чайки, стада ярких рыб, осwirепелые валы, труд раковины в час отлива, до боли голубой блеск... Но видел я лишь бесконечный кошмар: будто в голове у меня — веревка, и я должен был все время завязывать ее

морским узлом, а потом развязывать, а потом снова приниматься за следующий узел.

Проснулся я спустя сутки. Кинулся звонить на работу: ноутбук, ноутбук-то! А уже вернули его. И телефон старушки больше не отвечал.

Так что же это все-таки было? Новейшая секретная программа? Или компьютерная телепортация? Если все было по правде, то я что, струсил открыть глаза? Просто открыть глаза — и то струсил? Ну-у... А может, и струсил. Может, рано мне еще на корабль этот! Может, я жду, что девушка та с планшетом снова зайдет! Да и вообще, мало ли что впереди еще будет...

Об авторе

Родился в 1983 году в Тюмени. Закончил Тюменский государственный университет, факультет математики и компьютерных наук, специальность — математик-программист. Писать рассказы начал в университете. В настоящее время работает по специальности, живет в Тюмени. Публиковался в журналах «Кольцо А», «Гвидеон», «Студия», «Ното Legens», «Безмянная звезда», «Дети Ра» и других, занял I место на конкурсе научно-фантастического рассказа «Будущее — для человека!» в номинации «рассказ об искусственном интеллекте и роботах будущего» (2015 г.).

Журнал **ЗНАНИЕ-СИЛА** в электронном виде

Купить электронную версию журнала:

Аймобилко www.imobilco.ru **Ай**
мобилко

ЛитРес www.litres.ru **ЛитРес:**
ОДИН КЛИК. ДЕСЯТ КНИГ.

Руконт rucont.ru **ПРЕССА**
по подписке

Подписка на электронную версию:

Пресса.py pressa.ru **PRESSA.RU**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЗНАНИЕ – СИЛА»

Дорогие наши читатели! Оформляйте подписку на «ЗНАНИЕ – СИЛА» непосредственно в редакции, доставка «Почтой России», стоимость на 6 мес. – 1800 руб., на 12 мес. – 3600 руб. (включая НДС). Подписку можно оформить с любого месяца с получением номеров с начала года. Также в редакции можно приобрести архивные номера.

Банковские реквизиты:

Получатель: АНО «Редакция журнала «Знание-сила» ИНН: 7705224605

р/с: 40703810738250123050 в банке: ПАО «Сбербанк»

БИК: 044525225 к/с: 30101810400000000225

Укажите в графе «назначение платежа», какой вариант подписки вы выбрали.

Во всех отделениях Почты России можно подписаться на журнал по каталогам подписных агентств:

РОСПЕЧАТЬ – 70332, 71391 (годовая), 73010 (юр. лица);

КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ – 99125, 99421 (годовая), 99420 (юр. лица);

«ПРЕССА РОССИИ» – 44361, 45362 (юр. лица);

КАТАЛОГ «ПОЧТЫ РОССИИ» – П1808, П3873 (юр. лица).

Дополнительную информацию можно получить:

- на сайте журнала: www.znanie-sila.su;
- по телефону: 8 499 235-89-35
- или электронной почтой: zn-sila@ropnet.ru

ЗНАНИЕ-СИЛА

Умный?

Читай журнал

ЗНАНИЕ-СИЛА!

www.znanie-sila.su

